

СЕРИЯ
ДЕДУШКА

Дороти Бауэрс
Предписанное отравление

DOROTHY BOWERS
POSTSCRIPT TO POISON

1938

ДОРОТИ БАУЭРС

ПРЕДПИСАННОЕ ОТРАВЛЕНИЕ

Издательство ИП Кузнецов Г.Е.

Тимашевск

2020

deductionseries.blogspot.ru

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
Б29

Серия «Дедукция»

Dorothy Bowers

Postscript To Poison

*Перевод с английского
Антон Кукина*

Бауэрс, Дороти

Б29 Предписанное отравление : [роман] / Дороти Бауэрс; Тимашевск, Издательство ИП Кузнецов Г.Е. – 2020. – 256 с. – (Дедукция)

Серию «Дедукция» мы продолжаем публикацией детектива Дороти Бауэрс «Предписанное отравление».

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Перевод. А.Кукин, 2019
© Оформление. А.Кузнецов, 2015

От редакции

Трудно поверить, но это уже двадцатая книжка, которую мы выпустили. Спасибо всем кто помогает нашей литературной самодеятельности. Отдельное спасибо тем, кто участвует в голосовании за следующую книгу серии, пополняя наш телефон: мы даже не знаем от кого именно приходят деньги. Спасибо и тем, кто покупает бумажные книги: на них ложится основной груз по финансированию новых переводов. Покупателям электронных книг также спасибо: они покупают книги, несмотря на то, что спустя некоторое время они все равно окажутся в свободном доступе.

На двадцати томах мы останавливаться не собираемся, и надеемся выпустить еще немало книжек. Если кто захочет поучаствовать в сборе средств на их выпуск — заходите к нам в блог <http://deductionseries.blogspot.com/> или группу Вконтакте <https://vk.com/deductionseries>

Глава 1

Планы на завтра

– Что, доктор, как больная?

*Макбет*¹

Доктор Том Фейфул прикрыл дверь и характерной легкой походкой спустился вниз. Послушные мышцы придавали его движениям грациозность, которая не сочеталась с его массой. В холле было пусто, а в дверной проем проникал солнечный свет летнего дня. Из людской доносился говор слуг, в нем он узнал голос дворецкого Хенесси. Также было слышно, как где-то недалеко кто-то моет машину.

На мгновение доктор замешкался, а затем уверенно направился в комнату слева. Через закрытую дверь было слышно бормотание, прерывавшееся нетерпеливым смехом, который смолк, как только доктор небрежно постучал, повернул ручку и вошел.

Он оказался в маленькой комнате с высоким потолком, которая была со вкусом меблирована. Стоявшая у окна девушка теребила в руках кисточку шторного шнура, ее губы дергались, как у бегуна, а глаза внезапно сверкнули. Увидев, что вошел доктор, она взяла себя в руки и холодно улыбнулась.

– Ну, доктор, и каково последнее решение бабушки?

Врач добродушно улыбнулся. Трудно было поступить иначе, столкнувшись с этой блондинкой, выражение лица которой одновременно было и немного детским, и в то же время умудренным. Ее простенькое платье намекало на то, что она носит его с незапамятных времен, но даже эта нехитрая деталь гардероба делала ее сложную личность еще ярче.

– Кэрол, вы думаете, что ваша бабушка досаждала мне? – голос доктора был так же легок, как и его походка. – Ничуть. А Дженни здесь?

– Да, – последовал ленивый ответ. Он раздался из кресла у другого окна. С легким скрипом кресло сдвинулось, и сидевшая на нем девушка отбросила газету, за которой скрывалась вплоть до этого времени. Дженни была смуглой и стройной, синее платье с белым воротником эффектно контрастировало с ее кожей. Она встала и с надеждой взглянула на доктора.

– И? Вы имеете в виду, что не позволите бабуле поступить по-своему? Думаете, ее самочувствие не достаточно хорошо?

– Напротив. Несмотря на субботние неприятности, она является весьма удовлетворительным пациентом.

– Но вы сказали... – выпалила Кэрол.

– Что? – резко ответил Фейфул. Сунув руки в карманы, он прогулялся к камину, встал спиной к нему и обвел девушек взглядом, слегка приподняв бровь.

– Что она не получила, чего хотела, – закончила Кэрол.

– Нет. Вы предполагали, что я помешал ей. Но нет – я полностью с ней согласен. Нет никаких причин ни против того, чтобы ваша бабушка поднялась с постели, ни против того, чтобы она увиделась с Ренни. Наоборот, если она этого не сделает, то будет в намного более худшем состоянии, чем если поговорит с адвокатом.

– Предатель, – коротко прокомментировала Кэрол. Дженни принялась складывать развороченную газету, избегая взглядов обоих собеседников.

– Дитя, не глупи, – неторопливо ответил Фейфул. – Я вряд ли могу настаивать на том, чтобы миссис Лакланд оставалась в постели и ни с кем не виделась просто потому, что вам так удобнее.

¹ Здесь и далее цитаты из *Гамлета* приведены в переводе М. Лозинского.

– Думаю, можете, – парировала Кэрол. – Во всяком случае, вы могли бы быть не так грубы... – она хотела было сказать что-то еще, но Дженни спокойно заметила:

– Доктор, вы же не знаете, не перевозбудит ли ее беседа с адвокатом.

Фейфул быстро взглянул на нее, но прежде, чем он успел ответить, Кэрол поспешила поддержать последнее заявление:

– Ну, конечно. Все зависит от того, чего она от него хочет, но последние несколько дней она была на взводе от мысли о том, чтобы принять его здесь.

– Тогда его визит станет лучшим лекарством для ее нервов, – отмахнулся доктор. Он резко повернулся к Дженни, которая смотрела в окно на давно увядший ракитник. – У вас есть причины предполагать, что юридические дела могут расстроить миссис Лакланд?

Дженни пожала плечами.

– Вполне. Хотя, будь вы одним из нас... Но какой прок... – она оборвала фразу, почувствовав настроение доктора. – Значит, она хотела бы, чтобы я назначила встречу на завтра? – спокойно спросила она.

– Вероятно. Но мне кажется, что она уже договорилась с Ренни и просто ждет медицинского разрешения, чтобы подтвердить договоренность. Вот, как обстоит дело. Я должен был сказать, что удовлетворен ее состоянием, и что не возражаю против посетителя-другого при условии, что она вовремя расстанется с ними и пораньше отправится спать. За последний месяц миссис Лакланд добилась изумительного прогресса, если только не считать минувшие выходные, когда ей внезапно стало плохо (впрочем, это вызвано отходом от назначенной ей диеты). Хотя временами ей следует соблюдать постельный режим, нет необходимости держать ее постоянно в кровати.

– Ну... Хорошо, – вздохнула Кэрол. – Старая история о Сцилле и Харибде. Удерживайте бабулю в спальне и разожгите ее гнев. Или позвольте ей спуститься и разожгите наш.

– Не вполне, – коротко заметила Дженни. – Он разгорится независимо от того, в постели она или нет.

– Это не в моей компетенции, – ответил Фейфул. – Я лишь могу сказать, что состояние миссис Лакланд улучшилось. И если она будет внимательна к том, что и когда она ест, то рецидив, как на прошлой неделе, навряд ли повторится. Мисс Буллен, а она видит ее чаще, чем кто-либо еще, говорит, что за последние несколько дней ее настроение значительно улучшилось.

– Естественно, – заметила Кэрол, – такой у нее умысел. Я имею в виду у бабули, не у Эмили – на этот раз!

Когда доктор взглянул на нее, она быстро добавила:

– О, не стоит так на меня смотреть! Она задумала подлость против Дженни – все из-за ее молодого человека, вот ее настроение и поднялось, и предполагаю, что с Ренни она так же хочет поговорить по этой причине!

Дженни покраснела и собралось было что-то сказать, но Фейфул спросил Кэрол:

– И кто же молодой человек Дженни? Кинозвезда?

– Да. Карновски. Это было так волнительно, но бабушка обо всем узнала.

– С помощью Эмили, – добавила Дженни. На ее смуглых щеках явно проступила краска. Она казалась взволнованной.

– Выяснив так много, вам лучше узнать и наш ужасный секрет. Этим вечером Эмили вышла поразвлечься – на картину с Яном Карновски. *«Приходите в кинотеатры на 'Черную арку' – лучший фильм нашего времени»*, – хихикнула она. – И Ян самолично сходит с экрана и приезжает сюда поужинать с Дженни! Разве не драматично?

– Скорее слишком мелодраматично, – угрюмо парировал доктор. – Разве это не излишняя бравада? – он обернулся к Дженни.

– Нет, в самом деле, нет. Ян предпочел бы свозить меня куда-нибудь, но я должна проводить вечера дома – ведь я могу понадобиться бабуле в любой момент.

– И если вас в этот момент нет на месте, то это ужасно, – добавила Кэрол.

– Ясно, – коротко заметил доктор, пользуясь скорее профессиональным тоном. Он собрался уходить. – В конце недели загляну попрощаться. Мой заместитель прибудет в понедельник.

– В Шотландию, не так ли? – равнодушно спросила Дженни. – И надолго?

– Всего на две недели. Горные ручьи и немного рыбалки – просто благословение во время такой жары.

Уходя, он заметил белизну щек Кэрол. Она скручивала в трубочки опавшие лепестки роз из вазы.

– Кэрол, вы выглядите так, словно вы не в порядке.

Девушка резко покачала головой.

– Это все от жары, – коротко пояснила она. – Так всегда бывает, если солнце палит больше недели. Я в полном порядке.

Как бы в подтверждение тому что она здорова, девушка подбежала к двери и широко распахнула ее прежде, чем доктор успел это сделать.

– Ой! – маленькая пухлая горничная, стоявшая за дверью ахнула и слегка покачнулась. Фейфул изумленно взглянул на ее конфуз, вышел в холл и надел шляпу.

Он услышал гневный возглас Кэрол: «Хетти!», – и начало поспешных оправданий от провинившейся. Затем он взглядом попрощался с Дженни и вышел.

Стоя на лестничном пролете, окруженном маленькими кирпичными колоннами, доктор Фейфул несколько секунд задумчиво смотрел на знакомую дорожку к железным воротам. В разгаре июльской жары дом, тропинка и даже увядшая трава газона приобретали сонный шарм спящего кота. Несмотря на усталость, отпечатавшуюся на лице доктора, врач чувствовал и удовлетворение от проделанной работы. Он спустился по тропинке на площадь, где солнце опаляло старые кирпичи, а ряды платанов неподвижно стояли, изнывая от жары. В такой обстановке мысли о шотландских ручьях и туманах казались несбыточным миражом – настолько велика была пропасть между этим миром и тем.

Доктор привык ходить к Лакландам пешком. Его собственный дом находился всего в десяти минутах ходьбы, и если у него не было необходимости нанести еще ряд визитов, то не стоило брать машину. Сократив путь, пройдя через кладбище, он попадал практически к собственному порогу. Он любил прогуливаться, и прогулки по Минстербриджу составляли часть его досуга. Он был того типажа, что местные дамы называют «представительным мужчиной», и осознал это.

Шесть лет назад доктор Фейфул преуспел в медицинской практике своего отца – они пять лет были партнерами и делили ее. В двадцать пять он и физически, и умственно был развит как тридцатилетний, а теперь, в тридцать восемь, у него сохранилась юношеская выправка. Он и правда прибавил в весе, а его красивое крупное лицо приобрело усталые черты, но улыбка, лидерские качества и театральные брови над сверкающими черными глазами остались без изменений и делали его самым привлекательным мужчиной в городе и силой, с которой нужно считаться. Возможно, это немного странно, но его собственный интерес к противоположному полу находился в пределах профессиональной деятельности, отчего в глазах женщин он становился еще привлекательнее. Он оставался холостяком, несмотря на все попытки спасти его от этого статуса. Хотя он и не проявлял особой привязанности к детям, но прекрасно находил к ним подход. Какой бы ни была причина этому, Том Фейфул был самым популярным врачом с лучшей практикой в Минстербридже несмотря на то, что мужское население относилось к нему безразлично, а порой и враждебно – если женское население городка начинало нетактично высказывать восхищение доктором.

В его характере была обезоруживающая прямота, которая, впрочем, не воспринималась как невоспитанность, так что отвергнутые дамы решались на вторичную атаку – отчасти из-за того, что они никак не могли поверить в то, что доктора невозможно очаровать.

Пройдя через площадь и поприветствовав одну-две мамы с колясками, доктор пересек спортплощадку старшей школы и через никогда не закрывавшиеся ворота вошел на кладбище Св. Михаила. Здесь вы внезапно попадаете в прохладный проход, под ажурными ветками лип, среди зарослей лавра и аккуратных маленьких кипарисов, которые смотрелись так же хорошо, как и у себя дома – в средиземноморье.

На южном пороге церкви появилась фигура, которая, заметив доктора Фейфула, тут же утратила благочестие и решительно двинулась ему навстречу.

– О, доктор! – воскликнула миссис Мэкин, рослая женщина командирского вида с обильным количеством макияжа на лице. – Вы – тот самый человек, о встрече с которым я молилась!

Врач лукаво взглянул на церковную дверь.

– Значит, Святой Михаил был добр к вам.

– Ну, ну, – леди попрекнула доктора, приняв, как ей казалось, надутый вид. – Конечно, я имела в виду, что собиралась отправить вам приглашение, но мне нравится видеть людей лично и заставлять их обещать прийти. Это дает мне уверенность, что так и будет. Вечеринка в моем саду в следующую среду, вернее, через две недели. Знаете, в помощь местному отделению Лиги Наций²; мы надеемся, что осенью мы добудем по-настоящему хороших лекторов, которые расскажут нам о положении в мире, и попытаемся, как говорит мистер Уитли, привлечь больше людей, запустив что-то живое и интеллектуальное, что привлечет внимание и великих, и малых... Ну, понимаете, о чем я – мистер Уитли получает так мало поддержки и признания...

– Да-да, жаль, но я боюсь... – начал было доктор Фейфул.

– О, я прошу о немногом, и у нас будет отличная программа: например, поединок на теннисном корте, а также...

– Но, сударыня, простите, меня не будет... – доктор прервал ее словоизвержения.

– О, нет, вы будете! – весело объявила миссис Мэкин, повысив голос, чтобы закрепить уверенность. – Вы мне нужны для одного из ваших известных фокусов – вы же помните ваш успех в прошлом году на приеме у леди Билкокк; и это не так уж сложно, а удовольствие гостям будет доставлено *огромное*, а если я смогу пообещать людям такое развлечение, то это хорошо увеличит наш фонд. Ну, доктор, – ее голос опустился до хрипотцы, которую она применяла к таким импозантным жертвам, как доктор, – мы знаем, как вам нравится повторять, что вы не можете удостоить наши скромные начинания, и от этого мы еще больше желаем вашего присутствия. А на этот раз...

– Да, на этот раз, – вставил доктор, надеясь, что утверждение, с которого он начал, позволит ему высказаться. – В день вашей вечеринки меня не будет в Минстербридже. Что поделаешь, миссис Мэкин, – он развел руками, – бедный врач должен время от времени брать отпуск, и я с нетерпением дожидаюсь его. В понедельник прибудет мой заместитель, а я удалюсь. Мне жаль, что все сложилось так неудачно.

– О, но доктор, – запричитала миссис Мэкин. – Я рассчитывала на вас! Да, все неудачно сложилось. Но это же ненадолго?

– Всего две недели, – ответил Фейфул. – Спасибо за приглашение. Конечно, я был бы рад помочь, но, возможно, доктор Рили знает какие-нибудь трюки.

Он приподнял шляпу и удалился. Миссис Мэкин обескураженно хихикнула, отчасти выражая признательность за оказанное сожаление, и отчасти от разочарования. Доктор Фейфул мог бы удивиться, заметь он явно недоброжелательный взгляд, которым она окинула его на прощанье.

– Толстая кошка, – беззлобно подумал доктор и перекинулся взглядом с мраморным херувимом, разглядывавшим его из-за кустов. Доктор прошел по дорожке до западной стороны нефа и через минуту вышел с территории кладбища через ворота, над которыми свисали ветви каштана. С этой стороны стояло с полдюжины викторианских домов, выходивших прямо на тротуар. Как только доктор приблизился ко второму из них, то увидел почтальона у дверей.

– Добрый день, мистер Уолтерс, – поздоровался доктор Фейфул.

– Добрый день, сэр, – весело ответил симпатизировавший доктору Уолтерс. – Очень добрый, – и почтальон спустился с крыльца.

Доктор Фейфул тихо вошел в свой дом. Закрыв дверь, он обернулся к громоздкому деревянному почтовому ящику и открыл его. Но прежде чем он увидел или дотронулся до содержимого, его охватило острое предчувствие насчет того, что именно он обнаружит внутри.

Там было только одно письмо. Едва взглянув на него, доктор сунул его в карман и, повесив шляпу на место, поднялся наверх – вымыть руки. К тому времени, когда он спустился, не было нужды звонить к чаю – миссис Бэйтс, его суетливая, но умелая маленькая экономка, услышала, что он пришел, и принесла поднос, как только он вошел в гостиную.

– Хорошая чашка чаю – лучшее лекарство, не так ли? – заметила она. – Я всегда говорю, что, находясь в тридцати милях от Лондона, мы чувствуем городскую жару, – она бросала свои фразы, обращаясь скорее к комнате, чем к доктору. Экономка знала о том, что врачу не нравится беседовать, когда он приходит, чтобы подкрепиться.

² Международная организация, предшественница ООН

Фейфул рассеянно согласился, и она удивилась сильной усталости на его лице. «Как не похоже на доктора Тома», – подумала она. Бывали моменты, когда он выглядел так, словно ему было столько же лет, сколько и его отцу. Но, не говоря ни слова, экономка удалилась, чтобы выпить свой собственный чай.

Оставшись наедине, доктор попытался заставить себя следовать собственным привычкам. Уселся в кресло, облокотился о столик, закурил, выпил чашку чаю, вытянул свои длинные ноги, скрестил лодыжки и, склонив голову, расслабился.

Только приступив ко второй чашке чаю, он вынул из кармана полученное письмо. Угрюмо улыбнувшись собственному терпению, он пару секунд подержал его между пальцев, перечитав свои имя и адрес, начертанные болезненным, но различным почерком, вернее, печатными буквами.

Взяв перочинный нож, он разрезал плотный белый конверт и вынул дважды сложенный листочек голубой бумаги для записок. Будучи развернутым, на первый взгляд он казался пустым, пока вы не замечали пару строк, написанных такими же печатными буквами, как и адрес. Сообщение гласило:

Думаете, то, что вы медленно отравляете миссис Лакланд – это секрет?

Доктор прочитал его, не сменив выражения лица. Все с тем же спокойствием он вернул письмо в карман и допил чай, демонстрируя все тот же аппетит. Затем он встал и перешел в свой кабинет – забитую книгами комнату, порядок в которой не был настолько идеальным, чтобы доставить дискомфорт, а беспорядок – не настолько явным, чтобы доставлять какое-либо неудобство. Оказавшись здесь, доктор сразу же прошел к письменному столу, немного выдвинул стул, достал из кармана ключи и отпер один из ящиков. Вынул оттуда еще два конверта, сел за стол и разложил перед собой эти два конверта и свежеполученный.

Почерк был один и тот же. Единственное отличие состояло в том, что предыдущие письма были упакованы в конверты из бумаги того же сорта, что и сами письма. Доктор вынул те письма и внимательно перечитал их, сравнивая с новым сообщением. Пару минут после этого он неподвижно сидел, задумчиво прикрыв глаза. Потом он улыбнулся.

Фейфул сунул письма обратно в конверты, причем на этот раз он действовал энергичнее, чем когда вынимал их. Потом он запер их в ящик. С мужеством и уверенностью в себе (миссис Бэйтс одобрила бы такое поведение), он взял телефон.

– Соедините с полицией, – попросил он.

Глава 2

Закат примадонны

Макбет: Час, верно, поздний.

Леди Макбет: Ночь спорит с утром, кто кого сильнее.

Макбет

Миссис Корнелия Лакланд сидела в постели и смотрела, как вяжет Эмили Буллен. «В середине июля на шерсть и смотреть-то невозможно», – подумала она, но Эмили всегда обладала тем предчувствием, которое обычно приписывают разведчикам и поводырям: в разгаре лета она уже ощущала приближение осени, а когда начинали падать первые листья, она уже готовилась к зимним холодам.

Закрыв глаза, миссис Лакланд смогла не замечать Эмили и ее джемпер, но таким образом она не могла видеть и все то приятное, что находилось в ее спальне и подталкивало ее к выздоровлению. Чтобы не видеть компаньонку, она повернула голову на фут-другой вправо, к окну, через которое можно было созерцать пустую солнечную террасу, линию берега реки и величественную башню собора за вершинами вязов. Ее комната находилась в задней части дома. В утренние часы нужно было прятаться от солнца за жалюзи, но в наступивший час здесь было прохладно, так как тень от дома медленно опускалась на террасу.

Мысли миссис Лакланд блуждали туда-сюда. Как там сказал доктор Том? В том, что она сможет завтра увидеться с Ренни, нет сомнений. Она с наслаждением смаковала воспоминания о интонации доктора, смело дававшего это обещание. Встать, выйти, в известной мере порадовать себя. Нет особой спешки в новом пузырьке тоника – старый куда-то пропал. Ну, она им покажет. Она примется за все с того места, на котором остановилась. За прошедшую неделю она увидела и услышала достаточно. Мысли о субботней болезни заставили ее немного содрогнуться и увильнуть от некомфортных воспоминаний. Они бросали ее обратно в постель, и ей казалось, что она слегла навсегда. Но теперь от этой болезненности ничего не осталось. И увидевшись с Ренни, она снова овладеет ситуацией.

При мысли о визите адвоката она слегка нахмурилась. Жаль, что он так ограничен в действиях. Но, в конце концов, внучки осведомлены не обо всем. Она могла блефовать. Она уже делала это, и сделает снова. Наведет тень на плетень. Ведь у нее и правда есть на это сила. Она уже здорова и чувствует себя лучше, чем год назад – до наступления болезни. Восстановившееся здоровье само по себе дает возможности.

Перевернувшись на спину, она протянула руку, чтобы взять с тумбочки зеркальце. Держа его перед лицом, она задумалась над отражением. Кто бы мог подумать, что ей семьдесят восемь? Она восхитилась надменному положению головы с гладкими серебряными волосами, тонкой мягкой кожей со слабым румянцем и властному носу. Возможно, глаза не так яркие, но лицо не одрябло. Она знала, что при правильном освещении ей не дали бы больше шестидесяти. Она все еще достаточно хороша. Она, некогда прекрасная Корнелия Кроун, красавица и куртизанка, боровшаяся с жизнью и раз за разом одерживавшая победу.

Ее замужество за Джоном Лакландом могло оказаться ошибкой. Но, глядя с другой стороны, что могло бы быть успешнее? Это был законный союз, как минимум, давший ей ту безопасность, которую только могли дать деньги. Compliments, поцелуи, триумф красоты... все это так же эфемерно, как сны, и этому противостояла мощь денег. Первые могли послужить, и послужили как следует. Но она любила деньги, и она завладела ими. Защита от тех лет, когда станет невозможно сражаться с жизнью, применяя бывшее оружие. Но вместо него она использует деньги. Детей у нее не было – она знала средство получше. Потому подобная защита от грядущий напастей была не для нее. Она никому не дарила доброты и не ждала ее взамен. Но деньги – это и кнут, и пряник, с помощью которых она могла командовать внучками Джона. Когда она щелкала кнутом, они прыгали так высоко, как ей того хотелось.

Она снова взглянула на компаньонку.

– Буллен, отложи эту кошмарную попону. Едва я взгляну на тебя, как меня кидает в жар. Грядущую зиму я только поприветствовала бы, но вид мотков шерсти не вызывает у меня чувства наступления холодов, а обложившись ими, ты совсем не похожа на котенка!

Эмили Буллен неловко покраснела, отложила вязание и встала. Она была бледной женщиной среднего роста и неопределенного возраста, довольно пухлой, с каштановыми волосами и глазами. Выражение ее лица постоянно казалось наигранно оживленным.

– Миссис Лакланд, извините. Почитать вам?

– Нет. Я не хочу заснуть. Подойдите сюда и присядьте.

Эмили Буллен взяла низкую табуретку в подножие кровати и послушно села.

Миссис Лакланд вздохнула. Она уже не в первый раз задумалась: почему сладостность и послушание оставляют кислое послевкусие? Как если бы Буллен была марсианкой какой-то! Корнелия Лакланд скорее поняла бы уличную девку, чем свою благонравную компаньонку. Однако Буллен знала свою работу, с ней можно было о чем-нибудь поговорить и поразвлечься.

– Эмили, ты слышала, что сказал доктор? Завтра я встану и повидаюсь с Ренни. На этот раз я в полном порядке.

– Да, миссис Лакланд. Могу ли я заметить, что решение врача подтверждает то, о чем я и сама говорила в последние дни? С Божьей помощью вы с поразительным успехом идете на поправку.

– Вы совершенно правы, – выдохнула миссис Лакланд. – Но будь я вами, я бы постаралась, чтобы доктор Фейфул не услышал, что действует с Божьей помощью. Свои усилия он оценивает, как самодостаточные. Хотя он совсем не то, что его отец... – добавила она, принизив способности молодого Сесила.

– Конечно, у него есть причины гордиться собой, – тут же признала Эмили. – После того, как он три месяца боролся за вас, сражаясь с грозным противником.

Миссис Лакланд нетерпеливо хмыкнула.

– Буллен, сколько времени ты уже служишь у меня?

– Двенадцать лет, миссис Лакланд, – ответила Эмили. Если она и почувствовала что-то странное в вопросе, то не подала виду.

– Двенадцать лет. Кэрл и Дженни были школьницами. Вы должны постареть.

Эмили снова зарделась, ее желтоватые щеки покрылись алыми пятнами.

– Никто не становится моложе, – ответила она.

– Ну, мне семьдесят восемь, но когда я хочу, то выгляжу на пятьдесят пять. Вам, полагаю, около сорока, но выглядите вы на пятьдесят, так что нас разделяют всего пять лет, – ехидно заметила миссис Лакланд.

Эмили почти пришла в себя.

– Мне почти сорок пять, – чопорно ответила она.

– Батюшки! И чем же вы планируете заняться, когда я умру?

Наступила неловкая тишина.

– Я спросила, чем вы планируете заняться, когда я умру?

– Я надеюсь, что мои услуги понадобятся кому-нибудь еще, – опустив глаза ответила Эмили. – Но, дорогая миссис Лакланд, вам не стоит думать о такой вероятности!

– Я не думаю. Но вы-то временами размышляете об этом. И не говорите, что никогда не задумывались о том, что я могла бы оценить ваш двенадцатилетний труд!

Эмили была ошеломлена.

– Я уверена... – начало было она, придя в себя.

– Ну, а я не так уж уверена, – с явным наслаждением парировала миссис Лакланд. – Но когда завтра я все обсужу с Ренни... кто знает? – намеренно двусмысленно добавила она.

Эмили молчала. Это был наилучший выход из неловкой ситуации.

Миссис Лакланд завозилась с простынями. Эмили перевела взгляд на окно, но поскольку она сидела низко, а окно было высоко, то видно ей было только небо. Ее работодательница заговорила первой.

– Сегодня среда, не так ли? – подозрительно спросила она. – Значит, у вас будет свободный вечер? И куда вы пойдете?

– На скрипичный концерт в школе, – ответила Эмили.

– И не знала, что вы интересуетесь музыкой, – заявила миссис Лакланд, давая своим тоном понять, что не верит в это. – Ну, сейчас вы мне не нужны. Но я голодна. Когда спуститесь, скажите Эдит, чтобы принесла мне чай в четыре. И скажите Кэрол, что я хочу ее видеть.

Эмили Буллен тут же засобиралась. Она поставила табуретку на место, взяла свое вязание и была готова уйти, когда миссис Лакланд внезапно села, выпрямилась и уставилась на нее с почти гипнотическим блеском в глазах.

– Буллен, погоди. Я хочу кое-что спросить. Это вы любите бродить ночами по коридору, словно лунатик? Как бы то ни было, прекратите это, – миссис Лакланд, ожидая ответа, не мигая, уставилась на лицо компаньонки.

Эмили была уже у дверей, когда миссис Лакланд обратилась к ней. Она неподвижно застыла там, недоуменно глядя на собеседницу.

– Но, миссис Лакланд, на самом деле я крепко сплю...

– Слишком крепко, – саркастично оборвала ее старуха. – Но мешает ли это ходить во сне? Я такого не потерплю. И если это не ты, то кто-то другой, что, впрочем, неважно. Я стала спать очень чутко, и какие-то шорохи и шепот разбудили меня. Да, конечно... это должны быть двое из вас, поскольку говорили во сне вы так же хорошо, как и ходили. Ну, если вы ничего об этом не знаете, то нечего стоять и глазеть на меня, как баран на новые ворота! Буллен, вы забываетесь! – миссис Лакланд почувствовала дискомфорт от того, что не может определить, испугана ли Эмили или же просто застыла в изумлении. Так что миссис Лакланд повысила голос, чтобы вернуть компаньонку в этот мир. Пробормотав извинения, та ушла, и ее уход на этот раз был совершен без привычной элегантности.

Старая леди окинула двери презрительным взглядом.

Оставшись одна, она ослабила шаль и откинулась на гору подушек, дожидаясь чаю. Мягкий перезвон в холле пробил четыре, и звяканье на лестнице возвестило о приближении Эдит с подносом. Миссис Лакланд с аппетитом предвкушала трапезу. Сейчас, когда ее посадили на диету, еда для нее стала такой же драгоценностью, как и деньги.

Когда вошла служанка, миссис Лакланд подняла голову.

– Кэрол уже пила чай?

Эдит, высокая сдержанная девушка, с вымуштрованной невозмутимостью положила поднос на стол у кровати, переложила с него посуду, поколебалась мгновение-другое и лишь после этого ответила:

– Нет, мэм.

– Очень хорошо. Когда она закончит с чаем, попроси ее подняться сюда. Спасибо, налить себе чаю я могу и сама. Если мне что-нибудь понадобится, я позвоню.

Служанка вышла, и миссис Лакланд в течение получаса с жадностью удовлетворяла аппетит. Она как раз собиралась позвонить в колокольчик, дернув шнурок в изголовье кровати, когда за дверью раздались легкие шаги, затем – стук, и вошла Кэрол. Она изменилась, надев зеленое платье, которое сделало ее симпатичнее. Несмотря на макияж, ее щеки все еще были бледны.

Миссис Лакланд с неприкрытой враждебностью осмотрела ее.

– Заходи, закрой дверь и не подходи ко мне ближе изножья кровати. Ты ни капли не представляешь, как надо наносить помаду, и, говоря на твоём киношном жаргоне, в крупном плане ты не выносима!

Когда девушка подошла, старуха с грубым триумфом добавила:

– Мне семьдесят восемь, но по этой линии я могу тебя кое-чему научить!

Кэрол внутренне содрогнулась, вспомнив те случаи, когда бабушка пользовалась косметикой, но быстро встала в ногах постели и улыбнулась в ожидании начала разговора по существу.

– Я послала за тобой, чтобы спросить о Хенесси. Как он воспринял увольнение?

Кэрол была удивлена, словно ожидала чего-то другого.

– Не похоже, чтобы он изменился, – беззаботно ответила она, надеясь разочаровать бабушку.

Но старая леди лишь фыркнула:

– Не удивительно. Именно так. Но это лишь внешне, а вот внутренне это его гнетет. О, да! А когда он прочитает отзыв, который я напишу, то огорчится как следует! Он у меня припомнит!

– Но бабуля, – сказала уставшая от этого вопроса Кэрол, – ты знаешь, Хенесси признал: он дал слабинку, но что он мог поделаться, если Дженни и в самом деле позволила мистеру Карновски войти в садовую калитку?

Лицо миссис Лакланд неприятно покраснело.

– Что он мог поделаться! Что он мог поделаться! – воскликнула она. – Дворецкий должен впускать *джентльменов* в парадную дверь и следить за тем, чтобы всякие прохвосты не вошли в дом как-нибудь еще! Он знал, что я не потерплю охотников за приданным в моем доме, но как только я отправилась в постель, он позволил ему войти! Конечно, именно это так потрясло меня в субботу. Этот человек годится в убийцы, я имею в виду Карновски, или каким еще варварским именем он себя называет; я уверена, что эту фамилию ему дал не отец! Я не вполне уверена, могу ли я обвинить его (а вместе с ним и Дженни) в грабеже со взломом или насильственном вторжении! Посоветуюсь завтра с Ренни.

Упоминание об адвокате успокоило старую леди.

– Бабуля, не волнуйся ты так, – предостерегла Кэрол. – Особенно, если ты считаешь, что разболелась на прошлой неделе именно по этой причине.

– Спасибо, я могу контролировать свои эмоции. Но еще не известно, сможете ли вы с кухней делать то же самое послезавтра! – старуха злорадно присмотрелась к внучке, а затем сварливо продолжила: – Как ты побледнела! Ненавижу бледнеющих от страха людей, таких, как ты и эта Буллен. Теперь можешь идти. Убери поднос и подай мою библиотечную книгу.

Кэрол встала, не демонстрируя чувств. Она положила поднос на пол и послушно разложила на столике вещи бабушки. Их было немного: небольшой список покупок и карандаш, немного печенья на блюде, почти пустая бутылочка с тоником и мензурка, а также женский журнал, но его миссис Лакланд тут же отбросила.

– Можешь отдать его Эдит. Я предпочитаю материал посерьезнее. Подай мне «Сорок лет под рампой» – эти люди работают, а не позируют перед камерой и не охотятся за деньгами наследниц... Пока они у них есть, – добавила она.

Кэрол взяла книгу. Отсутствие устного ответа на тираду разозлило миссис Лакланд.

– Побыстрее. Я хочу читать. О, и скажи Дженни, что я хочу поужинать ровно в семь, и она должна принести ужин вовремя, не опоздав ни на минуту. Больше поручить это некому. Сегодня вечером она никуда не выйдет, а завтра я сама спущусь и присмотрю за этим!

– Хорошо, бабуля. Никто из нас и не думает о том, чтобы выйти. Дженни знает, что она должна принести вам ужин. Именно поэтому вы стали чаще отпускать Буллен, не так ли?

– Кэрол, не дерзи, если не хочешь обнищать, – резко ответила миссис Лакланд.

Кэрол тихо собрала чайные принадлежности и направилась к двери. Балансируя с подносом, чтобы повернуть ручку двери, она специально оглянулась и встретилась взглядом с бабушкой. Миссис Лакланд заметила, что девушка держит голову прямо, ее голубые глаза широко раскрыты, а рот слишком красен. Она не смогла побороть ее волю.

– Какие отвратительные манеры выполнять поручения. Но тебе придется их выполнить.

* * *

День неохотно сменился почти такой же теплой ночью – лето укутало Минстербридж сумрачной пеленой. Ползучие речные испарения предвещали завтрашний теплый день. Звуки постепенно утихли до минимума – тишина никогда не бывает полной. С пастбищ снова и снова доносилось блеяние овец, и это подчеркивало нарушенную тишину – так же, как рябь от брошенного в воду камня контрастирует с зеркальной поверхностью пруда.

Тени на площади Св. Михаила растаяли и слились в одну тень. Поднявшийся легкий бриз вдохнул жизнь в листву. Мерцающий свет перемещался из комнаты в комнату. Прижавшиеся к окнам жалюзи скрывали темную ночь. Несколько летучих мышей гонялись друг за дружкой, словно стая темных мыслей. В кустах низко ухала сова. Кошка бесшумно перебежала с одного угла площади на другой. Около полуночи площадь медленно пересек патрульный полисмен, который маялся от скуки.

Дома по ту сторону от кладбища от заката до рассвета пребывали в том же самом затишье. На улицах царила все та же ночная мгла, придавая атмосферу незримой тайны. Здесь, вдали от реки с росистой травой, дневная жара утихала медленнее.

Доктор Фейфул отправился в постель вскоре после одиннадцати, но никак не мог уснуть. Раздевшись, он зажег лампу для чтения, погасив остальные огни. Затем, нырнув под простынь и сбросив одеяло, он вынул из-под подушки свежий номер медицинского журнала и возобновил чтение статьи известного патологоанатома. Холодный электрический свет помогал коротать минуты до тех пор, пока не придет сон. Но доктор не учел того, что лампа приманит рой бабочек, пробравшихся сквозь тонкую щель в занавеске. Через полчаса интерес к статье сменился раздражением из-за этих существ, нарушивших его уединение. Так что около полуночи доктор выключил свет и просто лежал в темноте, размышляя над проблемой полученных днем анонимных писем. Он был удивлен тому, что его мысли вращались вокруг безликого автора писем; было ясно лишь то, что это женщина. Никакие раздумья не помогали придать ей индивидуальности и какие-то личные черты. Он задремал, но из сна его вырвал громкий звонок телефона.

Под аккомпанементом звона доктор приложил усилия, чтобы сесть на постели и включить свет. Сняв трубку он минуту или две не мог принять сообщение, оборвавшее его сон.

Ему казалось, что на том конце провода находится не один человек, так как до него доносились отрывки какого-то разговора.

– Алло, алло, – повторил он. – Говорит доктор Фейфул. Кто на линии? В чем дело?

Затем через треск и шумы прорвался почти неузнаваемый из-за страха голос.

– Доктор... доктор Том...

– Да-да. Что случилось?

– Это я, Кэрл. Приходите. Поскорее. Бабуля умирает!

Звук утонул в полной тишине. На линии было пусто. Врач не стал впустую тратить время, и вскочив с постели взглянул на часы. Было без десяти два.

Глава 3

Покойная миссис Лакланд

Нет, все не так, как думается вам.
И вам. Нет. Вам обоим не понять.
*Т. Кид. «Испанская трагедия»*³

Ужасные стоны сменились неглубокими вздохами, но вот затихли и они. Доктор Фейфул выпрямился, взглянул на мокрое лицо мертвой женщины, вытер собственный вспотевший лоб платком. Этой ночью платок часто шел в дело.

У открытого окна в жакете поверх пижамы стояла Дженни. Она наблюдала за тем, как перламутровый рассвет плавно озарил небо, мягкой волной нахлынув на сад и лужайку за террасой. Во время движений доктора она, не меняя позы, повернула голову и встретилась с врачом взглядом.

– Ваша бабушка мертва, – тихо сказал он, заметив холодность взгляда и железный самоконтроль девушки.

– Знаю.

Доктор отметил, что она не смотрит на покойную. И она не притворялась, что скорбит: было ясно, что она не может испытывать это чувство. Но доктору показалось, что за показным спокойствием скрывается тревога, чуть ли не истерика. Фейфул внезапно почувствовал, что хочет чем-то помочь девушке.

– Посмотрите, как себя чувствует мисс Буллен, и отправьте ее вниз, хорошо? Через минуту я присоединюсь к вам. Здесь мы больше ничего не сможем поделать. Но я должен кое-что сказать вам с Кэрл.

Дженни подошла к креслу, в котором съежилась мисс Буллен. Она теребила старый розовый халат и время от времени постанывала. Но даже это было улучшением по сравнению с ее прежним состоянием. Когда доктор только прибыл и в сопровождении Хенесси пошел к умирающей, он был поражен, увидев в каком ужасе пребывает мисс Буллен. Тогда он не мог уделить ей внимание и прошел прямо в спальню миссис Лакланд. Эмили Буллен последовала за ним и добавила сумятицы, демонстративно упав в обморок. Придя в себя, она разразилась бурей плача, на нее было страшно смотреть, но единственное, в чем она проявила твердость, так это в нежелании спуститься и присоединиться к кухарке и горничным. Вывести ее можно было только силой, но поскольку это было бы неуместно, ей оставалось лишь собраться с духом, сидя в том же кресле, на котором она вязала под неодобрительным присмотром работодателя двенадцать часов назад.

Когда Дженни взглянула на нее, то неряшливое заплаканное лицо вызвало в ней отвращение, и она с трудом смогла заговорить так, чтобы не выдать его.

– Эмили, как вы считаете, вы сможете спуститься? – спросила она, положив руку на плечо сиделки.

Ожидая отказа и размышляя над тем, к чему придется прибегнуть, чтобы вывести ее из комнаты, Дженни удивилась, когда женщина мгновенно подчинилась ей. Она покорно поднялась с практически привычной угодливостью – единственным признаком несчастья было то, что она схватила Дженни за запястье.

Дженни потащила ее к двери.

– Идите, – шепнула она. – Когда мы спустимся, вам станет лучше.

Перехватив смутный взгляд Эмили Буллен, направленный в сторону кровати, Дженни испугалась, что если сиделка останется в комнате еще хоть на минуту, то у нее начнется новый

³ Перевод М.М.Савченко

приступ истерики. Она передвигалась почти механическими рывками, а ее глаза были прикованы к постели, так что девушка тоже взглянула в том направлении.

Доктор Фейфул собирал свои инструменты в сумку с пунктуальностью человека, который знает, что его работа завершена. В момент, когда Дженни обернулась к нему, он вытаскивал пробку из пустого пузырька миссис Лакланд. Она смотрела, как он осторожно понюхал ее, а затем поставил обратно на стол. Когда он встретился взглядом с Дженни, морщины на его лице отбрасывали странные тени. При таком освещении его лицо напоминает маску, подумала девушка.

Солнце уже встало, но никто и не подумал выключить электрический свет, и это заставило врача задуматься: а выключил ли он свет, уходя из собственного дома? Не говоря ни слова, он взял сумку и присоединился к Дженни и Буллен, открыл для них двери и щелкнул электрическим выключателем. После часов борьбы между жизнью и смертью спальня погрузилась в тихий мрак.

В коридоре доктор жестом показал Дженни, чтобы она отвела успокоившуюся сиделку, и, уходя, та услышала звук поворачивающегося в замке ключа.

Кэрол была в столовой, справа от лестницы. Ставни оставались закрыты, и, несмотря на уже поднявшееся солнце, горел свет. С ней была миссис Бидл, кухарка, пожилая женщина, некогда бывшая одновременно и толстой, и симпатичной. Но ее широкие формы подрастеряли плоть, беспокойства оставили морщины на щеках, а волосы поседели. Столкнувшись с внезапной бедой, она снова и снова безмолвно потирала руки, словно уверяя себя в собственной безопасности. Привычка, ставшая чуть ли не религиозным канонem, запрещала ей появляться на людях не полностью одетой.

Когда вошли Дженни и Буллен, а также следовавший за ними доктор, Кэрол поднялась с места, чтобы встретить их. Она была в халате и тапочках на босу ногу. Увидев лицо врача, она резко остановилась.

– Можете не говорить. Бабуля умерла.

Она отвернулась, встав спиной к вошедшим, от которых отделилась Эмили Буллен – она подошла к кухарке. Кэрол схватилась руками за голову, сунув пальцы в копну волос. Затем она опустила руки, постепенно пришла в себя и медленно села на место.

Больше она не выглядела бледной. Румянец залил ее щеки, а глаза устремлялись то на одного, то на другого из пришедших. Она немного подалась вперед, барабанила пальцами по ручке кресла. Она казалась такой юной и смущенной, что миссис Бидл инстинктивно подошла к ней. Кэрол не обращала на нее внимания.

– Я, – громко начала она, но тут ее голос сорвался. – Ну, я... не понимаю, – неловко закончила она.

Доктор Фейфул проигнорировал это признание. Он подошел к кухарке, которая все еще стояла возле Кэрол и медленно покачивала головой, словно вся суматоха началась из-за нарушения каких-то кулинарных процессов.

– Миссис Бидл, – обратился доктор, беря на себя роль управления ситуацией на себя. – Мисс Буллен не по себе. Я буду благодарен, если вы предложите ей теплое питье и отдых где-нибудь, желательно в постели. А я тем временем хочу поговорить с мисс Дженни и мисс Кэрол.

– Хорошо, сэр, – миссис Бидл, как и большинство представительниц ее пола, была рада тому, что доктор обратил на нее внимание. Она одарила Кэрол последним заботливым взглядом, обняла Эмили Буллен и направилась к двери. Когда они проходили мимо стоявшей в стороне Дженни, девушка заметила, что глаза кухарки опухли от слез. Но не от горя, подумала она. В ее памяти отпечатались незначительные мелочи. Ей на глаза попала массивная псевдоперламутровая брошь, которая как будто бы поддерживала подбородок миссис Бидл. Девушка удивилась, как в таком хаосе кто-то может уделять тщательное внимание собственным представлениям о приличии. Она заметила произвольное подрагивание губ Эмили. Затем женщины ушли, оставив ее с Кэрол и доктором.

Она окинула взглядом сверкающую комнату с отполированной мебелью, и на поросли цветов в горшках, мягкие пастельные тона которых заглушались искусственным цветом комнаты. Девушка вздрогнула.

– Не вынести ли их? – хрипло сказала она. – Уже утро. О, шторы, я и забыла...

Доктор Фейфул мягко взял ее за руку.

– Сядьте напротив Кэрол. Я должен что-то сказать вам обеим.

Девушка подчинилась, взяв указанный доктором стул.

Врач молча встал между ними. Мысли Кэрол непроизвольно вернулись к такой же аналогичной ситуации. О чем она думала? Это было вчера. Этого не могло быть. Доктор Фейфул очень спокойно говорил, словно отмеряя заранее приготовленные слова.

– Только что, – сказал он, не глядя на девушек и скрестив руки за спиной, – Кэрол сказала, что она не понимает. Думаю, мы все могли бы это сказать. Что касается меня, то я честно скажу вам, что не понимаю... – здесь врач поднял глаза и взглянул на каждую из девушек. – Днем, когда я оставил миссис Лакланд, она была в хорошем состоянии здоровья – лучшем с прошлого марта, то есть времени, когда началась ее болезнь. Никто не смог бы перенести болезнь лучше, чем ваша бабушка, но когда я вернулся сюда ночью, у нее уже не осталось никакой надежды на выздоровление.

Доктор сделал паузу. Никто не заговорил. Кэрол сжала руки.

– В данных обстоятельствах я должен заявить, что не могу подписать свидетельство о смерти.

Он попытался сказать последнюю фразу как можно ровней и беспристрастней и не смотрел ни на одну из девушек, для которых он долгое время был не только врачом, но и другом.

Единственным ответом на его слова стала смертельная тишина, нарушаемая лишь величественным боем часов и чириканьем воробьев где-то неподалеку.

Кэрол вскочила. Дженни не шелохнулась, но доктор почувствовал ее взгляд, хотя в данный момент смотрел на ее кузину.

– Вы не можете иметь в виду то, что сказали! – выкрикнула Кэрол. – Несколько месяцев вы приходили сюда каждый день и видели, что бабуля так больна, что всякий раз, когда ей становилось лучше, это было просто удивительно. А теперь, когда все позади, вы делаете вид, будто не понимаете, что произошло! – Ее руки сжались в кулаки, дыхание участилось, и она направила против доктора всю свою более не контролируемую страсть.

Дженни наблюдала за ней с холодным любопытством, которое она могла бы уделить выходке незнакомца. Выражение лица доктора Фейфула не изменилось. Он обратился к разъяренной девушке.

– Я здесь не для того, чтобы спорить с людьми, пережившими то, что испытали вы с Дженни. И не для того, чтобы смягчить правду. Смерть вашей бабушки вызвана не болезнью, от которой она страдала, вернее, выздоровела. Я знаю достаточно и могу прямо заявить это. А в таком случае, я не могу подписать свидетельство о смерти. У меня нет выбора. Не важно, насколько я соболезную, сострадаю и сожалею не меняют фактов...

– И что же вы собираетесь делать дальше? – бросила Кэрол.

– Я должен уведомить coronera, а затем, боюсь, дело выйдет из моих рук.

– Это невыразимо...

– Кэрол, ты не знаешь, о чем говоришь, – спокойно вмешалась Дженни. За несколько минут пикировки врача и кузины она восстановила силы. – Доктор Том совершенно прав. Это ужасно, но что он может сделать? Ты первой сказала, что смерть бабули необъяснима...

– Я не говорила...

– Ну, – устало отмахнулась Дженни, – если хочешь вдаваться в тонкости, ты подразумевала это. Очевидно, что ни один из симптомов бабули не был похож на предыдущие приступы. Сейчас она была не настолько больна.

Доктор задумчиво посмотрел на девушку. Ее глаза блестели, возможно, от недостатка сна. Ее самообладание было удивительным, по крайней мере, на первый взгляд.

Кэрол нетерпеливо вздохнула и резко вскинула голову.

– Все это нелепо! – выкрикнула она. Внезапно подбежав к выключателю, она погасила свет. Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, и в новом освещении комната выглядела совсем другим местом.

– Просто предположим, что раньше у нее не было таких же симптомов, и что это доказывает? Ничего! У нее могли быть проблемы с сердцем, поскольку после всех этих месяцев...

– Сердце вашей бабушки было в полном порядке, – вставил доктор Фейфул, словно излагая общеизвестные факты бестолковому ребенку. – Оно давало ей силы сопротивляться и дотянуть до такого прекрасного состояния, что на этой неделе я просто удивился.

– Думаю, прежде чем мы сможем принять это как факт, нам нужно выслушать еще одно мнение, – грубо заявила Кэрол. Ее нескрываемая враждебность и последняя фраза не смутили доктора.

– У вас будет второе мнение, – с холодной учтивостью ответил он. Дженни была удивлена его терпению, а он продолжил: – Кэрол, вы полагаете, что врач, будучи в своем уме, может стремиться к публичному дознанию, не имея для того надлежащих оснований? Поверь мне, этого не может быть.

– Ну, я не думаю, что вы в своем уме. И это все объясняет. Бабушка умерла, а вы готовы выставить нас да и себя на посмешище, когда всем известно, что не будь у нее железной воли и запаса сил, то она умерла бы еще несколько месяцев назад!

– Вот именно. Если вы задумаетесь над тем, что только что сказали, и учтете, что в последнее время ее состояние ее здоровья улучшилось, то получите частичный ответ на вопрос, почему я не могу выдать свидетельство о смерти.

– Если это так... – вздохнула Дженни. Она говорила все еще спокойным, но уже усталым голосом. – Я имею в виду, что после того, как в последнее время бабушка чувствовала себя хорошо, и вдруг случился этот ужасный приступ... этого достаточно для...

– Для дознания? – подсказал доктор. – Думаю, да. Но в ее случае это не все. У меня есть сильные основания считать, что ваша бабушка умерла от того, что приняла летальную дозу какого-то наркотика.

Дженни побледнела. Ее рот задрожал.

– Вы нюхали пузырек, – едва вымолвила она.

– Да, – мрачно согласился доктор Фейфул.

– Ох, но это невозможно! Невозможно! Невозможно! – настаивала Кэрол. Ее гнев сменился каким-то истеричным стремлением повторять одно и то же, словно таким образом она могла сделать повторяемое правдой. – Как вы смогли представить себе, что такое могло произойти...

Дженни подскочила, как ужаленная.

Доктор Фейфул взял сумку. Он лишь взглянул на Кэрол, но что-то в выражении его лица стало ответом – ее неистовые слова тут же сменились полной тишиной. В этой тишине девушки посмотрели друг на друга. Дженни опустила глаза первой. Она принялась тереть потертую ткань на своем жакете.

Доктор прошел к двери. Он невнятно заговорил.

– Пожалуйста, оставьте все на меня. Я сделаю все, что нужно. Никто, – он пристально взглянул на девушек, – никто не может входить в спальню миссис Лакланд без разрешения. Она заперта, и сейчас ключ у меня. Кэрол, в пантомиме нет нужды, я уверен, ты все понимаешь. И я обещаю, что в этом напряжении вы долго не пробудете. Сейчас я могу посоветовать чем-нибудь перекусить, выпить и отправиться поспать хотя бы пару часов. Надеюсь, мисс Буллен где-то здесь. Я оставляю для нее тонизирующий препарат. Если вы не хотите спать, то поскорее позавтракайте, как следует. Не провожайте меня, я сам найду дорогу, – мягко добавил он.

Когда доктор оставил их, обеим девушкам показалось, что знакомая фигура доктора Тома отступает на дальний план, а первый план омрачается тенью закона, на который ссылался врач.

Глава 4

Вопрос и ответы

Недоговаривая правду, мы что-то скрываем, и это потворствует лжи.
Маркиз Галифакс «Мысли и размышления»

Суперинтендант Литтлджон и Минстербридж удовлетворяли друг друга. Суперинтендант наслаждался респектабельным и слегка педантичным духом этого места, где даже небольшой снобизм и пустячная суета были не хуже любых других недостатков, которые вы можете ожидать встретить в соборном городке, лишенном промышленности. Минстербридж, в свою очередь, был признателен суперинтенданту за тактичность и стремление держаться в тени, которое распространялось не только на него, но и на его людей. Как будто бы он говорил: «Боюсь, у вас должна быть полиция, но она будет настолько неприметна, насколько это возможно». И это вполне устраивало горожан, полагавших, что униформа не красит безупречных героев. Они были готовы поддержать эффективность, но не эффектность. И они не разочаровывали суперинтенданта. Недовольство горожан вызывали лишь мелкие штрафы за нарушение правил дорожного движения, да и те выписывались в основном велосипедистам. Временами какой-нибудь мошенник вызывал негодование Минстербріджа, избирая его для ведения своей деятельности, и оказывался арестован в его пределах, но такие заезжие гастролеры не могли поставить криминальное клеймо на городке. За десятилетнюю службу суперинтенданта единственным местным инцидентом стала растрата и побег управляющего бакалейной лавкой, это произошло три года назад, за неделю до скачек. Колорит делу придавало и то, что виновный был певчим в соборе и любимцем дам.

Исходя из этого, легко понять, что суперинтенданта Литтлджона должны были взволновать весть о смерти Лакланда и необходимость дознания. И поскольку все случилось всего через двенадцать часов после того, как он узнал о полученных доктором Фейфулом анонимках, суперинтендант пришел в оцепенение. Каким образом произошло все сразу? Воображения суперинтенданта не хватало. Его тактичное нежелание обращать внимание на людей, обычно не преступавших закона, и его склонность принимать внешнее спокойствие за истину в последней инстанции противились предположению того, что в спокойной жизни Минстербріджа возможны подводные течения.

Сейчас, в одиннадцать утра, он вместе с сержантом Вейлом стоял в малой столовой Лакландов, куда их отвел Хенесси, – здесь они ожидали встречи с мисс Квентин. Часом раньше они осмотрели тело и комнату, сопровождая полицейского врача. Останки миссис Лакланд унесли, а предметы с тумбочки были конфискованы полицией. Вне сомнений, тело покойной следует передать сэру Льюису Блейну.

Фасад дома был задрапирован уважением к условностям, но комната, в которой ожидали полицейские, купалась в падавших из сада лучах солнечного света. Суперинтендант Литтлджон осмотрелся в комнате, пытаясь отвлечься от неприятных раздумий. Он отметил утонченную кривизну линий в часах а-ля Людовик XV на каминной полке, а также неприятную красоту висевшего над ними полотна Шардена⁴. Здесь водятся деньги, подумал он. Сержант тем временем смотрел в окно, наслаждаясь июльским пейзажем, растянувшимся от лужайки перед домом и до собора. Он был молодым человеком с явными амбициями, скрытыми под мягкой и обходительной наружностью – в полиции Минстербріджа он был известен как человек, который может далеко пойти.

В доме было необычайно тихо, что явно контрастировало с недавним появлением полиции. Внезапный шум за дверью заставил обоих мужчин обернуться. Дверь открылась и вошла Кэрол.

На ней было выдавшее виды черное платье, а также туфли и чулки ему в тон. Ее бледное лицо было не напудрено, губы – ненакрашены. Вчерашние локоны подрастрепались, и в траурном

⁴ Жан Батист Сименон Шарден (1699-1779) — французский живописец

платье она казалась очень маленькой, почти ребенком. Ее взгляд сразу же остановился на суперинтенданте.

– Доброе утро, – тихо поприветствовал ее Литтлджон и шагнул вперед. – Мисс Квентин, не так ли? Нет нужды говорить, насколько я сочувствую, и что я должен провести дознание, – он неловко прочистил горло, выдвинул кресло так, чтобы свет из окна падал на сидящего, и добавил:

– Я должен задать несколько вопросов.

– Я понимаю, – кивнула Кэрол. Сержант Вейл восхищенно наблюдал за тем, как она, прежде чем сесть, ловко отвернула кресло от окна. И она не пыталась оставить этот маневр незамеченным.

– Я нахожу яркий свет раздражающим, разве не так? – улыбнувшись, сказала она. – Пожалуйста, садитесь.

У полицейских не осталось выбора, кроме как так и сделать. За все то время, что они прожили в Минстербридже, Кэрол никогда не обращала внимания на суперинтенданта Литтлджона и теперь рассматривала худощавого человека с седыми волосами и мягкими глазами, взиравшими с сочувствием и скромностью.

Сержант Вейл сел вне поля ее зрения и приготовил блокнот. Литтлджон не стал тянуть.

– Мисс Квентин, проще всего будет начать с начала. Пожалуйста, расскажите когда вы в последний раз видели миссис Лакланд в ее обычном состоянии здоровья? Я имею в виду то состояние здоровья, которое наступило с того момента, когда она пошла на поправку.

На мгновение Кэрол задумалась.

– Сразу после чая, – ответила она. – Она хотела меня видеть, и я отнесла вниз ее поднос. Не думаю, что я пробыла в ее комнате больше десяти минут. Должно быть, я ушла от нее около пяти часов.

Суперинтендант кивнул.

– В каком она была настроении? Она производила впечатление, что счастлива, в депрессии, или?..

Кэрол слабо улыбнулась. Суперинтендант определил горечь в ее улыбке. При этом он отметил, что на ее лице не было следов слез.

– Она казалась очень бодрой, – ответила девушка. – Она с нетерпением ждала, когда сможет подняться. Она просто хотела поговорить со мной о мелочах, связанных с работой прислуги, и я пробыла с ней очень недолго.

– Ее бодрость – это важно, – суперинтендант пристально взглянул на девушку. – И когда она должна была подняться?..

– Сегодня.

Суперинтендант никак это не прокомментировал и лишь переглянулся с сержантом Вейлом.

– Миссис Лакланд была вашей бабушкой? – продолжил опрос Литтлджон.

– В известном смысле. То есть она была второй женой моего дедушки, – пояснила Кэрол. – На самом деле она не была кровной родственницей ни мне, ни кузине.

– Ясно. Как долго длилась болезнь миссис Лакланд?

– О, практически всю весну и лето. В марте ей стало нехорошо, а в начале апреля доктор Фейфул приписал ей постельный режим. Она очень сильно болела следующие два месяца, – в голосе Кэрол появилась грустная нотка. – В начале мая мы думали, что она умирает.

Суперинтендант выглядел соболезнующим.

– Но она очень быстро выздоровела, не так ли?

– Да. Когда в конце прошлого месяца она пошла на поправку, ее состояние быстро улучшалось. Доктор был очень доволен.

– И сегодня она должна была подняться?

– Ну, с ней такое уже бывало. Более недели назад доктор Фейфул сказал бабушке, что она достаточно окрепла, чтобы ненадолго вставать. Так что она уже спустилась в гостиную и казалась поправившейся.

– Тогда почему она снова оказалась прикованной к постели? Как это случилось?

– На выходных она заболела. В субботу. Доктор решил, что ей лучше отдохнуть еще день-другой, так что большую часть этой недели она провела у себя в спальне.

– У этой болезни была какая-то особая причина?

– Нет. А может, и да. Доктор считает, что она могла съесть что-то лишнее. У нее был гастрит, и ей нужно было проявлять осторожность.

– Хорошо, – суперинтендант сделал мысленную пометку «расспросить доктора Фейфула как можно скорее». – Ну, вернемся к сегодняшнему дню. Мисс Квентин, как вы провели вечер после того, как оставили бабушку?

Кэрол приподняла бровь.

– Здесь, – холодно ответила она. – Я имею в виду в доме. Не выходил никто из нас, за исключением мисс Буллен.

Суперинтендант вопросительно взглянул.

– Это компаньонка бабушки, – пояснила Кэрол. – По четвергам у нее свободный вечер.

Литтлджон кивнул.

– Значит, вы с кузиной и слугами оставались дома.

Кэрол молчала, но что-то в ее глазах побудило полицейского спросить:

– Мисс Квентин, здесь был кто-то еще?

Девушка улыбнулась.

– Ну, конечно, вы должны знать. Здесь не было никого, ведь бабушка возражала... Но к ужину у нас был гость – друг кузины, мистер Карновски, киноактер.

– О, да. И во сколько он пришел?

– Должно быть, вскоре после семи.

– А ушел?

– Думаю, около десяти.

– Ну, а насчет чего возражала миссис Лакланд?

Кэрол снова замешкала с ответом.

– Ну, прошлым вечером она не возражала, так как не знала, что он придет. Но, – увидев удивление Литтлджона, поспешно продолжила она, – это не имеет никакого отношения к смерти бабушки, и если вы хотите узнать что-то о мистере Карновски, то лучше расспросите кузину.

– Почему?

– Но ведь он же ее друг. Но, в любом случае, это не важно.

– Знаете, об этом судить буду я, – добродушно заметил суперинтендант. – Не хочу вмешиваться в посторонние дела, что может показаться вам неуместным, но я был бы рад, если бы вы поделились своим мнением о возражениях вашей бабушки против этого джентльмена. Кроме того, разве вы не хотите оказать услугу кузине, избавив ее от необходимости рассказывать?

– Полагаю, что вы скажете ей то же самое, – хитро заметила она. – Ну, если я ничего вам не скажу, вы придадите этому большее значение, чем оно того стоит. Это и правда пустяки. Бабушка не одобряла нашу дружбу с мистером Карновски, так как она была театральной актрисой, а он снимается в фильмах, тогда как она презирала кинематограф. Она была очень старой и очень упрямой.

– И это все? – удивился суперинтендант.

– Ну, возможно, не вполне. Миссис Лакланд была нашей опекуной. Согласно завещанию дедушки, мы не могли выйти замуж без ее согласия. И она была очень подозрительна по отношению ко всем нашим друзьям мужского пола.

После этих слов наступила гнетущая тишина. Суперинтендант нарушил ее, сделав полузамечание – полувопрос:

– Ее сомнения основывались на том, что друзья мужского пола могли...

– Оказаться охотниками за приданым, – закончила фразу Кэрол. – Да. Это было отвратительно и нелепо.

Пару секунд суперинтендант ни о чем не спрашивал. Затем задал вопрос:

– Дадите адрес мистера Карновски?

– Ох, но вы же не можете думать, что его необходимо вмешивать во все это! Просто абсурдно, – возмутилась Кэрол, впервые проявив явную тревогу.

– Мисс Квентин, это просто рутинная – я обязан поговорить со всеми, находившимися в доме во время смерти миссис Лакланд.

– Я не знаю его точного адреса. Где-то в Челси, но, боюсь, это слишком неопределенно.

– Спасибо, – ответил Литтлджон. – Я уточню. И я должен знать, во сколько ужинала ваша бабушка.

– В семь часов. С точностью до минуты.

– Кто из слуг отнес ей ужин?

Кэрол снова слегка улыбнулась, и ее улыбка снова была горькой.

– Никто. Его отнесла моя кузина.

Суперинтендант не потребовал объяснений.

– Теперь насчет лекарств, – продолжил он. – Мы обнаружили пустой пузырек. Доктор Фейфул говорит, что он дал миссис Лакланд порцию, когда днем посещал ее. Мисс Квентин, сколько оставалось в пузырьке?

– Я не уверена. Почему бы вам не спросить самого доктора?

– Это не ответ, – прямо заметил он. – Мне нужно ваше собственное наблюдение. Но если вы не уверены, то оставим это. Ваша бабушка должна была принимать его и на ночь?

– Да. Но доктор сказал, что когда пузырек опустеет, в тонике не будет нужды. Не знаю, могла ли она из-за этого принимать его не так тщательно.

– Она принимала его регулярно?

– Да. Но он ей не нравился, и ей приходилось напоминать.

– Понятно. Буду признателен, если теперь вы расскажете, что именно происходило после ужина и до момента, когда вы обнаружили бабушку при смерти и вызвали доктора. Просто расскажите все, что вспомните – неважно, насколько незначительным это может казаться. Начнем с того, каков был обычный распорядок дня миссис Лакланд после ужина?

– Вы имеете в виду, чем мы занимались в другие вечера? Ну, обычно бабушка вызывала кого-нибудь звонком, чтобы поговорить. Или она просто читала, конечно, когда ее состояние позволяло. Затем, в девять вечера, миссис Бидл, кухарка, относил ей стакан горячего молока. Для того из нас, кто присматривал за ней в тот вечер, это было сигналом к тому, что нужно подняться и проверить, насколько удобно она устроилась на ночь.

– У вас не было заведено пожелать ей доброй ночи?

– Нет. Она не хотела никого видеть, если ей не было нужно о чем-то сказать.

– Хорошо. Мисс Квентин, пожалуйста, продолжайте. Что произошло после ужина?

Кэрол ненадолго задумалась.

– В четверть восьмого все было, как обычно: прошлым вечером мы припозднились, так как пришел мистер Карновски, и ужинали до восьми. Затем мы говорили, потом перешли в гостиную и включили радио, и...

– Один момент. Пока вы были в гостиной, кто-нибудь из вас отлучался?

– Ну, да. По крайней мере, я. Мне показалось, что Дженни будет рада побыть с Яном наедине, и я вышла. Ведь я была с ними все время с тех пор, как он пришел, и со стороны Дженни было очень достойно то, что она терпела меня всякий раз, когда они встречались здесь. Так что я сказала, что пойду поговорить с миссис Бидл о Хетти (это горничная, которую я собралась уволить), но сначала я решила сходить наверх – за платком. Если вам нужно время, то это произошло около двадцати минут девятого. Затем я пошла на кухню и какое-то время говорила с кухаркой. Не знаю, во сколько я ушла от нее. Мистер Карновски и кузина все еще беседовали, когда я вновь присоединилась к ним. Вскоре после этого (хотя не могу сказать точно, насколько «вскоре») Дженни сказала, что сходит посмотреть, готова ли бабушка выпить молока.

– Это было обычным действием? – спросил суперинтендант.

– Нет. Но когда Дженни накануне отнесла бабушке ужин и собралась отмерить для нее дозу лекарства, бабуля попросила ее уйти и сказала, что сделает все сама. У Дженни появилась мысль, что она хочет увильнуть от приема лекарства, ведь все равно курс заканчивался. Так что на этот раз Дженни решила сходить и посмотреть, приняла ли она препарат. Спустившись, Дженни сказала, что бабушка уснула, и она сообщила кухарке, что молоко относить не нужно.

– Что случилось дальше? – спросил Литтлджон, когда Кэрол замолчала.

– Где-то спустя час мистер Карновски ушел. В течение десяти минут после его ухода вернулась Эмили Буллен, компаньонка бабули. Она пошла в столовую – там кухарка оставила ужин для нее.

– И никто не сходил посмотреть, не проснулась ли миссис Лакланд, и не ждет ли она свое молоко?

– Нет. Понимаете, всегда, когда ей было нужно что-нибудь, она звонила, а когда она спала, то беспокоить ее было невыносимо. Да и уже несколько раз случалось такое, чтобы она заснула до вечернего молока.

– Хорошо. Мисс Квентин, когда вы отправились спать?

– Как и Дженни – около одиннадцати. Мисс Буллен тоже собиралась спать. Запирать дом входит в обязанности Хенесси – он делает это в десять вечера, и слуги расходятся по своим комнатам. Так что Дженни выпустила Яна, а спустя несколько минут опять отперла дверь – для Эмили.

– Понятно. А теперь постарайтесь ответить, как можно точнее. Из-за чего ночью вы вошли в комнату бабушки и обнаружили, что нужно вызвать врача?

– Я знала, что вы спросите об этом. Доктор Фейфул задал мне тот же самый вопрос. Но боюсь, что не смогу дать удовлетворительный ответ. Просто по наитию. Думаю, вы могли бы назвать это интуицией, хотя не могу утверждать, что она у меня есть.

– Вы беспокоились насчет миссис Лакланд?

– Не совсем. Но я почувствовала, что к ней уже давно никто не заходил, и подумала, не могли ли мы ее разбудить, когда ложились спать, и не должна ли я была зайти к ней.

– Но вы говорили, что уже были случаи, когда миссис Лакланд засыпала таким образом.

– Да, я знаю. Но это было какое-то время назад, тогда здесь еще дежурила медсестра, а она уже месяц, как ушла. А после приступа в минувшую субботу все мы стали осторожнее. Так что я беспокоилась. И просто лежала без сна, размышляя о мелочах, которые способны тревожить всякого и, мысленно разрастаясь, вовсе прогнать сон. Тогда я подумала о подушках и о том, не одолел ли сон бабулю до того, как она смогла удобно устроиться.

– А что с подушками?

– Она всегда сидела в постели, обложившись множеством подушек, но прежде чем уснуть, их нужно было убрать. Я вспомнила, как однажды она уснула, не успев удобно устроиться, и что на следующий день она была раздражена.

– И вы решили посмотреть, на произошло ли и на этот раз нечто подобное?

– Да. Я подумала об этом, лишь много времени пролежав в постели. Когда я включила свет и посмотрела, была уже половина первого, но даже тогда я не сразу пошла к ней: я знала, как она ненавидит, когда ее беспокоят, несмотря на то, что с ней все в порядке. Я просто не знала, что делать, а в ночные часы все кажется немного более тревожным, нежели при свете дня.

Суперинтендант молча кивнул. Он интересовался тем, как девушка оценивает собственные мотивы посещения спальни миссис Лакланд в столь неурочный час. Сейчас она выглядела бледнее, чем когда вошла, и смотрела куда-то в район плеча Литтлджона, в то время как ее журчащий голос немного дрогнул, когда она продолжила:

– Немного посомневавшись, я настроилась на то, чтобы сходить в комнату бабушки и посмотреть, как она – ради собственного спокойствия. Я сплю впереди, окна моей комнаты выходят на площадь, и мне нужно было пройти по основному коридору, мимо комнаты кухни...

Кэрл резко запнулась. Она быстро взглянула на лицо суперинтенданта, и тот увидел, как она испугана.

– Мне жаль, что вам приходится через это проходить, – мягко сказал он. – Просто предоставьте мне факты, так будет быстрее. Вы стучали?

– Нет. Это было ужасно. Как только я подошла к двери, мне показалось, что я слышу, как кто-то говорит или поет. Я испугалась. И просто вошла. Я собиралась сказать: «Бабуля, все в порядке?» Я *хотела* это сказать, но не заговорила. Она стонала... или что-то вроде того. Я сразу же включила свет...

Голос девушки стал выше. Внезапно она встала и так поспешно подошла к окну, что оба полицейских были застигнуты врасплох. Там она стояла, спиной к комнате, смотря сквозь занавес на жаркий сад и медленно побеждая страх.

Обернулась она также резко, как и отвернулась. Литтлджон и Вейл были готовы встать, не зная, сядет ли она снова, но девушка быстро вернулась к своему стулу. Хотя ее щеки были бледны, она улыбнулась.

– Получилось так глупо. Извините. Высказав все словами, я куда-то провалилась. Теперь буду рассудительней. Но я забыла, что собиралась сказать. Суперинтендант, что еще вы хотите узнать?

– Мисс Квентин, вы остановились на том, что включили свет, – мягко ответил Литтлджон.

– О, да, – заметила она.

Сержант Вейл насторожился, стараясь не пропустить, что же она скажет.

– Я сразу же увидела, что происходит что-то страшное. Бабушка упала с кровати. Одна из подушек лежала на полу, остальные сползли. И... о, ужас... ее взгляд... бабушка выглядела так ужасно. Она покраснела, побагровела до темна, совсем на нее не похоже. Она размахивала руками и все время стонала. Я... я не знала, что делать. Я решила сбегать за Дженни. Она и Буллен быстро проснулись и пошли со мной. Затем я побежала к телефону – вызвать доктора Фейфула. Я решила, что Эмили вызовет кухарку и Хенесси, а Дженни останется с бабушкой...

– Помните, чем вы занимались, пока не прибыл доктор? – спросил Литтлджон.

– Он был здесь совсем скоро. Знаете, он живет всего в пяти минутах ходьбы. Мы попытались успокоить бабушку. Пододвинули подушки. Не зная, в чем дело, мы боялись навредить, сделав что-то не то. Затем пришел доктор.

Под конец Кэрл вздохнула – и от воспоминания о появлении врача, и от облегчения, что ее рассказ окончен.

– Мисс Квентин, спасибо, – суперинтендант исхитрился выразить сочувствие все тем же твердым и практичным тоном. – Для всех вас это очень тревожное время. Я не собираюсь задерживать вас, но у меня есть еще три вопроса. Ответать на них вы можете коротко.

– Да? – взглянула ему в глаза Кэрл.

– Во-первых, кто адвокат миссис Лакланд?

– Мистер Арчибальд Ренни, из «Ренни и Чаплин». Их офис за собором.

– Я знаю Ренни, – кивнул суперинтендант.

Он сделал паузу, формулируя следующий вопрос.

– Известны ли вам случаи, чтобы миссис Лакланд высказывалась о желании покончить с жизнью?

– Нет, – прямо ответила Кэрл. – Подобное предположение чрезвычайно нелепо. Бабушка была последним, *самым* последним человеком, пошедшим бы на суицид.

Суперинтендант подался вперед.

– Я верю вам, мисс Квентин, – сказал он, и прежде чем девушка смогла бы обдумать его слова, он добавил: – И мой последний вопрос: вы когда-нибудь получали анонимные письма?

На этот раз, взглянув на лицо девушки, ошибиться было нельзя – оно выражало лишь явное удивление.

– Анонимные письма? – переспросила она, и сержанту Вейлу послышалась гордость в ее голосе. Она перевела взгляд с суперинтенданта на сержанта и обратно. – Конечно, нет. Но почему...

– Мисс Квентин, на этом все, – улыбнулся суперинтендант. – Буду признателен, если вы попросите мисс Херншоу уделить мне несколько минут.

Кэрл встала, встали и полицейские. Сержант Вейл открыл для нее дверь. Уходя, она не взглянула на него. Теперь на ее лице были не страх и не усталость, а что-то вроде недоумения.

Глава 5

Последняя порция

Вот возьму и запру двери на замок тебе в наказание. Ни один мужчина в дом не войдет.

У. Конгрив «Любовь за любовь»⁵

Как только Дженни Херншоу вошла и села в пододвинутое Литтлджоном кресло, сержант Вейл заметил, что теперь суперинтендант не уделяет внимания освещению – с ней он собирался работать иначе, чем в случае с кухней.

Кэрл была присуща словоохотливость, а Дженни – сдержанность. Если первая открыто проявляла страх и отвращение, то вторая контролировала эмоции. Суперинтендант мысленно вздохнул, увидев, что ему предстоит работа с типажом, опрос которого обычно давался не так легко. Но, к счастью, и здесь есть плюс – эта девушка не из тех, что могут скрывать улики за ширмой истерики, настоящей или показной. Он решил не усложнять свою работу и, по крайней мере, на этом этапе не затягивать опрос.

Он начал с обычного выражения соболезнования. Дженни не обратила особого внимания на вежливые формальности – она явно ждала, какие же вопросы он задаст. Поняв это, Литтлджон перешел к делу.

– Мисс Херншоу, насколько я понимаю, этой ночью вы отнесли ужин бабушке? – спросил он деловым тоном, который он использовал в разговорах с теми людьми, которые предпочитали подобный стиль.

– Да, – ответила Дженни.

Суперинтендант дождался секунду-другую, но девушка ничего не добавила.

– Во сколько это было?

– В семь часов.

– Она приступила к еде еще, когда вы были с ней?

– Нет.

Литтлджон вздохнул – ему не нравились односложные ответы. Он немного подался вперед.

– Она приняла лекарство, пока вы были с ней?

– Нет, – ответила Дженни после секундного колебания.

– Разве это не было частью ее обычного распорядка: употреблять тоник перед последним приемом еды?

– Да, это так.

«Так дело не пойдет», – подумал суперинтендант.

– Мисс Херншоу, вы не очень-то помогаете своими ответами, не так ли? Моя работа не так уж приятна для всех нас, но вы можете помочь ускорить ее, рассказав немного больше.

Он увидел румянец на ее смуглых щеках. Она оживилась, и Литтлджон сразу увидел контраст между ней и кухней. При поверхностном знакомстве ее можно назвать почти простушкой: короткие темные волосы, высокое скулы и серые глаза под неухоженными бровями. Но в аскетизме и простоте было что-то, что можно было назвать красивым, если задуматься над этим.

– Извините, – ответила она и добавила безо всякого сарказма: – Вы спрашивали, а я отвечала. Что еще вы от меня хотите?

Ее слова могут показаться угрюмыми, но в тоне, которым она их сказала, не было ничего такого. Литтлджон ответил ей в том же духе:

– Я хочу, чтобы вы своими словами рассказали, как и почему этой ночью миссис Лакланд не стала принимать лекарство.

– Могу рассказать, как, но я не знаю, почему. Принесла поднос, я взяла пузырек и собралась откупорить его, но бабушка сказала: «Не надо. Спасибо, но я и сама могу принять лекарство, и

⁵ Перевод Р. В. Померанцевой

приму его, когда пожелаю». Я была немного удивлена ее тону – как если бы мы принуждали ее пить лекарство. Я просто послушалась ее, вот и все.

Суперинтендант кивнул.

– Мисс Херншоу, можете рассказать, сколько лекарства было в пузырьке, когда вы собирались отмерить дозу для бабушки?

– Да. Оставалось на один раз.

«Это подтверждает слова доктора», – подумал Литтлджон. Увидев, что она «оттаяла», суперинтендант приложил все силы и подробно расспросил ее о том, как прошел вечер, избегая прямых вопросов о Карновски.

Ответы Дженни совпадали с рассказом Кэрол. По сравнению с кухней, она была менее уверена в том, что касалось определения времени событий, но да, она думает, что где-то в четверть восьмого Кэрол вышла из комнаты и оставила ее беседовать с мистером Карновски. Она не помнит, когда вернулась кухня, но сама она без пяти девять ходила вверх – посмотреть, приняла ли бабушка лекарство перед тем, как выпить молоко.

– Я упоминала об этом и раньше, но мы говорили, и время пролетело незаметно.

– Было так важно, чтобы миссис Лакланд допила лекарство? – спросил суперинтендант.

– Нет, я не думаю, что это было особенно важно. Но доктор Фейфул всегда настаивал на том, чтобы бабушка регулярно принимала тоник, а сама она была рассеянной, когда это касалось лекарств. А было важно, чтобы на следующий день она хорошо себя чувствовала.

– Потому что она должна была подняться с постели?

– Не только. Она договорилась о встрече с адвокатом и была очень взволнованна в ее преддверии.

Суперинтендант насторожился. Встреча с адвокатом? Ему стало интересно, почему ее не упомянула первая девушка, более разговорчивая по своей натуре.

– Мисс Херншоу, вы знаете о цели встречи с адвокатом? – спросил Литтлджон.

Ему показалось, что, отвечая, девушка немного запнулась.

– Я... Мы считаем, что бабушка собиралась составить новое завещание.

«Кажется, у нас что-то вырисовывается», – подумал суперинтендант. Сержант Вейл взглянул на начальника, но тот ждал объяснения Дженни.

– Расскажите, миссис Лакланд полностью распоряжалась всем, что ей оставил ваш дедушка? – задал он следующий вопрос. – Например, могла ли она сделать своими наследниками вас с кухней или передать наследство кому-то еще?

На этот раз колебание Дженни было явным.

– Это сложный вопрос, – ответила она. – Понимаете, мы с кухней никогда толком не знали своего положения. Финансовая сторона дедушкиного завещания оставалась нам неизвестной. Мистеру Ренни не позволялось сообщать нам ее, и он рассказал лишь об условиях опеки.

– Разве ваша бабушка не просветила вас? Хотя бы косвенно?

– Иногда она намекала на одно, иногда на другое, – покачала головой Дженни. – Несколько лет назад мы считали, что она владеет лишь правом на пожизненное пользование имуществом, а после ее смерти мы унаследуем все. Но с тех пор она так часто говорила о собственном завещании, что мы толком не поняли, что именно находится под ее контролем, и может ли она сделать нас нищими, если пожелает, – голос девушки задрожал. – В последнее время я считала, что предыдущие намеки на то, что мы – дедушкины наследницы, делались намеренно, чтобы когда она решит лишить нас наследства, это еще сильнее шокировало нас.

Суперинтендант был определенно потрясен. Его брови приподнялись.

– Это описывает миссис Лакланд как довольно злобную личность, – предположил он.

– Да, – твердо согласилась Дженни.

Литтлджон вздохнул.

– Ну, очень скоро вы узнаете точные условия завещания, – заметил он.

Дженни ничего не ответила, и суперинтендант возобновил допрос. Он вернулся к визиту в спальню миссис Лакланд в девять вечера. Девушка просто заглянула к ней, поняла, что та спит. Да, она заметила подушки, но она знала: бабушка будет очень недовольна, если она ее разбудит, а она неизбежно проснется, если попытаться поправить подушки. Кроме того, Дженни была

уверена, что бабушка еще проснется и позвонит кому-то из них. Нет, она не подходила к кровати достаточно близко, чтобы заметить, осталась ли в пузырьке последняя порция тоника.

– Как спала ваша бабушка? – спросил суперинтендант.

– Полусидя и громко храпела.

– Что вы сделала затем?

– Спустилась и сказала кухарке, что бабушку не стоит беспокоить, принося ей молоко.

Литтлджон без комментариев выслушал ответы девушки и перешел к ночному приступу, вызову врача и смерти миссис Лакланд. Девушка ответила, что когда вошла кухня, она крепко спала, но быстро проснулась – тревога в голосе Кэрол развеяла сон. Суета в коридоре и их полусшепот, должно быть, потревожили мисс Буллен – та выглянула из своей комнаты и вскоре присоединилась к ним, а узнав, что произошло, отправилась за миссис Бидл. Кузины поспешили в комнату бабушки. Дженни осталась там, а Кэрол побежала вниз – звонить доктору. Бабушка умерла спустя более чем два часа после его прибытия. Да, все это время она провела в ее комнате, а мисс Буллен совсем упала духом, и после прихода врача была совсем бессильна.

– Как она сейчас? – спросил суперинтендант.

– Она в постели. Доктор дал ей бромид и посоветовал постельный режим в течение дня. Не думаю, что она в полном порядке. Как и Кэрол, – прибавила она.

– Позже я хотел бы поговорить с мисс Буллен, – заметил Литтлджон. – А сейчас, мисс Херншоу, я был бы благодарен, если бы вы оставили мне адрес мистера Карновски. Дело в том, что я обязан опросить всех, кто был в доме, хоть это и формальность.

Он увидел, что девушка напряглась.

– Но мистер Карновски покинул дом прежде, чем бабушке стало плохо, – коротко ответила она.

– Вы имеете в виду, что он ушел прежде, чем вы обнаружили, что ей плохо, – мягко поправил сыщик.

– Но это не обязательно противоречит моим словам. Или?..

– Мисс Херншоу, дело в том, что и доктор Фейфул, и полицейский хирург сходятся во мнении: миссис Лакланд умерла от передозировки какого-то наркотика, и она его приняла за несколько часов до того, как оказалась в том состоянии, в котором ее обнаружил доктор Фейфул. Когда мы получим отчет из лаборатории, то, я надеюсь, мы узнаем, какой это был препарат и в каком количестве, и, возможно, более точное время его приема.

Дженни сидела в напряженной позе, закинув ногу на ноги и крепко обхватив руками колено. Она равнодушно пожала плечами, во всяком случае, так показалось сержанту Вейлу.

– Адрес мистера Карновски: Челси, Тайт-сквер, 110, – резко ответила девушка. – Там у него квартира.

Суперинтендант сделал заметку.

– Мисс Херншоу, спасибо. Заверяю вас, что постараюсь беспокоить его как можно меньше. Поскольку мы затронули эту тему, я должен сказать – ваша кухня при допросе неохотно признала, что миссис Лакланд возражала против присутствия в доме мистера Карновски. Можете поделиться мнением, почему она так относилась к нему?

Дженни рассмеялась. Неуместно и без веселья, не заботясь о том, что подумает суперинтендант Литтлджон.

– Здесь не может быть мнения. Это просто факт. Не думаю, что бабушка опасалась того, что мы с Яном поженимся без ее согласия – она знала, что я боюсь все потерять, и, вероятно, у меня хватит здравого смысла подождать, но она знала и то, что я счастлива, когда нахожусь вместе с ним.

Лицо Дженни внезапно залилось краской. Ее глаза наполнились слезами, и совершенно не подготовленный к этому суперинтендант был сконфужен. Сержант Вейл также почувствовал себя некомфортно, и уткнулся взглядом в блокнот.

Дженни прибавила:

– Она считала своим долгом сделать так, чтобы мы с Кэрол никогда не были счастливы. Но мы были. Иногда.

Литтлджон заметил, что вытерла слезы она без стеснения – точно так же, как ранее она не пыталась скрыть смех. Прежде, чем суперинтендант успел задать следующий вопрос, она продолжила:

– Думаю, будет лучше рассказать вам, что однажды Хенесси, дворецкий, получил уведомление о предстоящем увольнении за то, что как-то вечером на прошлой неделе я провела мистера Карновски в дом через сад, в то время как Хенесси знал, что его нельзя впускать в дом. Это ужасно несправедливо, и теперь, если все имущество переходит к нам, мы позаботимся о том, чтобы Хенесси остался на службе. Я рассказываю все это сейчас, так как не хочу, чтобы вы узнали об этом откуда-то еще и подумали, что мы пытались что-то скрыть.

– Совершенно правильно, – заметил суперинтендант. – Мисс Херншоу, рассказать обо всем сразу – очень разумно. Всевозможные увеливания только преувеличивают значимость различных пустяков. – Кажется, он отбросил этот вопрос, но спустя мгновение он, что-то обдумав, нахмурился. – Кстати, это мне кое о чем напомнило. Выша кузина что-то говорила о служанке, которую также уволили?

– А, Хетти. Она не имеет никакого отношения к тому, о чем я рассказывала. Ее поймали подслушивающей под дверями, и, думаю, вчера вечером Кэрол сказала кухарке, что с ней стоит расстаться.

– Ясно. Буду рад, если вы подробнее расскажите о слугах и о том, какое положение в доме они занимают.

– Их пятеро. Хенесси, его вы видели, когда пришли. Миссис Бидл и двое горничных. Они живут здесь. И еще Френсис, водитель – он приходит из собственного дома в городе. Если вечером машина не нужна, он уходит домой в семь вечера. Так продолжалось все лето, пока бабушка болела.

– А как зовут вторую горничную?

– Помимо Хетти есть еще Эдит Доус.

– Все они служат здесь достаточно давно?

– Все, кроме Хетти. Она поступила на службу вскоре после предыдущего Рождества. Хенесси служил дедушке еще до того, как я родилась, кухарка стряпает здесь около пятнадцати лет, а Эдит здесь уже пять лет.

– Спасибо. Мисс Херншоу, не стану вас задерживать. Я задам еще лишь пару вопросов, – суперинтендант сделал паузу, а потом добавил: – У вас есть причины полагать, что миссис Лакланд могла подумывать о том, чтобы покончить с жизнью?

Дженни вскинула голову и уставилась на Литтлджона.

– Ну, нет, – прямодушно заявила она. – Это совершенно невозможно.

Суперинтендант выглядел заинтересованным.

– Почему вы так ответили?

– О, если бы вы знали бабушку. Нелепо представлять, что она могла бы такое сделать. И склонности к суициду говорят о комплексе неполноценности, так ведь? Если у бабушки и были комплексы, то явно противоположные!

– Склонен с вами согласиться, мисс Херншоу, – ответил суперинтендант. Он не стал напоминать, что в данном случае существует лишь одна альтернатива. – Тогда у меня остался только один вопрос. Вы когда-либо получали анонимные письма?

Закончив вопрос, он заметил одну особенность в девушке. На ее лице не было естественных эмоций, и пока он задавал вопрос, она неподвижно уставилась в одну точку безо всякого выражения в глазах. «Словно неживая», – подумал суперинтендант. Ну, или, если выбрать не столь мрачное сравнение, как человек, чей дух и мысли пребывают где-то вдалеке. Краем глаза он заметил, что Вейл пристально наблюдает за ней.

Он собирался повторить вопрос, когда Дженни внезапно ожила. Она все так же смотрела на него, ничего в ее позе не изменилось, но все-таки произошла какая-то перемена – теперь напротив суперинтенданта сидел как будто другой человек.

– Анонимные письма? – переспросила Кэрол. Она говорила живо, но не удивленно, что отметили оба полицейских. – Нет, я никогда их не получала. – Она вздохнула и поднялась с места, словно подавая сигнал к окончанию разговора. – Кажется, на этом все, вы ведь так сказали, – резко заметила она.

Суперинтендант встал.

– На этом все, мисс Херншоу, благодарю вас. Я бы хотел поговорить с миссис Бидл, и, если вас не затруднит, попросите ее пройти сюда.

– Конечно, – уходя, сказала Дженни.

Сержант Вейл подошел к окну. Когда полицейские остались в комнате одни, Литтлджон не стал заговаривать с коллегой. Вместо этого он подошел к книжному шкафу в углу и с удовлетворением осмотрел его полки, внешность которых привлекала больше, чем содержание: красиво состарившиеся тома середины восемнадцатого века с позолотой на корешках.

Однако через минуту – другую они услышали размеренные шаги миссис Бидл. Она постучалась и вошла. Суперинтендант увидел, что она немного запыхалась, а массивные черты ее лица носили одновременно печальное и напряженное выражение. Ее глаза покраснели от слез, но через пару минут Литтлджон понял, что перед ним стоит женщина, способная плакать «ради приличия», а не из-за личного сочувствия.

Когда она вошла, полицейские обернулись в ее сторону; и, взглянув на ее платье, фартук и засученные рукава, суперинтендант заметил:

– Миссис Бидл, извиняюсь, что отвлек вас от кухни в разгар утренней работы, но могу пообещать – это не более, чем на несколько минут, а потом вы сможете вернуться обратно.

Литтлджон выдвинул низкое кресло, на котором сидели девушки, но кухарка покачала головой, устроилась на высоком стуле и взглянула на суперинтенданта.

– Я не из тех, кто сидит чуть ли не на полу – так мне трудно дышать, – пояснила она. – Ну, а сказали вы все правильно. Я *занята*, и что бы там ни происходило, а люди должны есть, и скоро время ланча. Так что буду рада, если вы управитесь побыстрее.

– Я тоже этого желаю, – искренне признался Литтлджон, которому не хотелось растягивать опрос слуг, по крайней мере, на этом этапе расследования. Полицейские стояли, и поскольку они оба были в поле зрения миссис Бидл, она переводила взгляд с одного на другого.

– Миссис Бидл, я уверен, все это неприятно потрясло вас, – быстро начал суперинтендант, стараясь успеть задать вопрос прежде, чем кухарка снова расплачется. – Я хочу лишь узнать: что было на ужин у вашей покойной хозяйки?

– Могу сказать, ужин был небольшой. Она была хорошим едоком, но постельный режим отнял у нее аппетит. Только небольшой кусочек куриной грудки, немного цветной капусты и картофеля, да бисквит на десерт. Мамочки! – разрыдалась она, вспомнив, что нужно высказывать эмоции. – Я и не думала, что это последний ужин бедняжки! Она так радовалась тому, что сегодня должна была встать с постели...

– Да, никто из нас не может предвидеть будущее, – прервал ее суперинтендант, подумав о том, что кто-то мог хорошо себе представить будущее миссис Лакланд. – В котором часу вы приготовили вечернее молоко для миссис Лакланд?

– Я начала подогревать его как раз перед тем, как мисс Кэрол ушла от меня.

– Хорошо. А о чем она с вами говорила?

– Ну, – миссис Бидл постаралась выразить презрительное изумление от столь явного любопытства, – не понимаю, какое отношение это имеет к бедняжке миссис Лакланд, вот чего не знаю, того не знаю! Но если вам так уж надо это знать, то она пришла рассказать, что Хетти причиняет неприятности, и что за те полгода, что она прослужила здесь, проку от нее было мало, и было бы лучше уволить ее. И я тоже так считаю, – многозначительно добавила кухарка.

– И это все, о чем вы говорили?

– Это все, – важно ответила миссис Бидл.

– Очень хорошо. Можете ли вы вспомнить, в который час мисс Квентин вошла на кухню?

– Ну, нет. Я же не могу постоянно поглядывать на часы. Я уверена, что не знаю, когда она пришла, а вот ушла она без десяти девять – как раз когда она уходила, молоко для бедной миссис Лакланд было готово.

– Ну, это уже что-то, – сердечно заметил Литтлджон. – Не хочу совать нос в то, что не касается расследования, но уточнение времени, когда кто где был, все значительно облегчает.

Суперинтендант полагал, что это объяснение устроит скорее миссис Бидл, чем его самого. И, судя по всему, это сработало – теперь кухарка казалась намного спокойней.

– Не могли бы вы предположить, сколько времени длился ваш разговор? – добродушно спросил Литтлджон.

– Нет, не могу. В расчётах такого рода я не сильна. Может, десять минут, а может, и двадцать – знаете, за разговором время бежит так непредсказуемо.

– Хорошо, это не так уж важно, – равнодушно ответил суперинтендант. Он не хотел, чтобы кухарка или кто-либо еще начали заострять внимание на какой-либо конкретной части расследования. Насколько это возможно, он не желал оставлять впечатления, что сосредоточен на каком-то определенном вопросе. – А во сколько мисс Херншоу пришла сказать вам, что ее бабушка уснула?

– В каком-то смысле это забавно. Я как раз приготовила молоко и собралась относить его, как вошла Дженни и сказала, что ее бабушка уснула, и не стоит ее беспокоить и относить ей молоко.

– Дженни выглядела взволнованно или возбужденно?

– Возбужденно? Дженни? – удивилась миссис Бидл. – Нет. С чего бы ей возбуждаться? Все было, как обычно. Она была, как всегда, серьезна. Она всегда спокойна.

– Не обеспокоена, например?

– Нет. Почему? Никто не знал, что ночью бедной старушке станет плохо. По правде говоря, никто из нас не расстроился оттого, что миссис Лакланд уснула. Пускай себе спит. Сон улучшает настроение.

– С ее настроением было что-то не так? – доверительно спросил Литтлджон.

Но кухарка решила не выносить сор из избы.

– Да, но кто из нас, имея власть, не стал бы прихотлив? – упрек в ее голосе говорил о том, что даже к диктаторам можно отнестись снисхождением.

– Верно. Ну, миссис Бидл, на этом все. Спасибо за помощь. Кстати, кто вчера отнес чай миссис Лакланд?

– Вы имеете в виду вечерний чай?

– Да.

– О, это была Эдит...

– А Хетти когда-либо ухаживала за хозяйкой?

– Нет, – сердито выдохнула миссис Бидл. Она чуть ли не поразилась такому невежеству в отношении поведения слуг. – В ее обязанности входила лишь утренняя уборка в ее комнате, и поскольку выполняла она ее не слишком прилежно, то получала от старушки нагоняй.

– Ясно. Ну, когда вернетесь на кухню, попросите Эдит заглянуть сюда на минутку.

Суперинтендант любезно выпроводил кухарку. Позже она возмущенно рассказала Хенесси, что не посмела спросить у сыщика, что он думает о смерти хозяйки.

Эдит Доус притворялась возмущенной своим причастием к полицейском расследованию, в то время как на самом деле она наслаждалась предстоящей публичностью. Ее обуревало чувство превосходства, пока она выслушивала вопрос о том, когда она в последний раз видела миссис Лакланд в относительно добром здравии.

– Ну, если вы хотите это знать, то доброго здравия у миссис Лакланд не было уже около четырех месяцев.

– Тогда спрошу по-другому: когда вы в последний раз видели хозяйку живой? – терпеливо переспросил Литтлджон.

– Вчера, в четыре часа пополудни – когда я принесла ей чай.

– Можете вспомнить, что было у нее на тумбочке?

– О, да, – ответила Эдит, гордившаяся своей наблюдательностью. – Пузырек с лекарством, стакан, бисквиты (думаю, штуки три), блокнот и журнал. Я отодвинула все это в сторону, чтобы поставить поднос.

– Помните, сколько лекарства оставалось в бутылке?

– Ну, немного. На донышке. Думаю, на один раз.

Суперинтендант задумался.

– Эдит, вам здесь хорошо служится? – внезапно спросил он.

– Почему нет? – резко вспыхнула та. – Я делаю свое дело, и мне платят за это.

– Хорошо, – Литтлджон тут же отпустил ее, но когда она обернулась, чтобы уйти, он заметил озадаченное выражение в ее взгляде.

– Странно, – помявшись, сказала она, и пришедшее на смену высокомерию смущение сделало ее более человеческой. – Когда вы спросили меня о вещах на столике, мне показалось, что там должно было быть что-то еще. Но я не могу вспомнить... Не знаю. Может, ничего и не было.

Литтлджон перечитал список, но девушка никак не отреагировала. Он знал: тормошить что-то ускользающее из памяти бесполезно, и поэтому не стал подчеркивать значимость вопроса.

– Скорее всего вы вспомните об этом, когда подумаете о чем-то другом, – с улыбкой предположил он. – Дайте мне знать, когда оно вспомнится.

Полицейские ушли почти сразу. У них остались только Эмили Буллен, дворецкий и Хетти. Опрос двоих последних мог немного подождать, а что касается первой, то суперинтендант решил отложить допрос до тех пор, пока она не придет в порядок и не сможет держать себя в руках.

Когда молчаливый Хенесси вывел Литтлджона и Вейла, те вернулись в участок. Суперинтендант был заинтересован отчетом об отпечатках пальцев с пузырька; впрочем, поскольку у него не было причин рассчитывать на какой-либо результат, на многое он не надеялся.

В Минстербридже наступил час ланча, и улочки практически опустели. Никто из полицейских не чувствовал желания общаться: все были заняты прокручиванием собственных мыслей. Но когда они прошли полпути, Литтлджон вдруг обернулся к спутнику и спросил:

– Джимми, обратили внимание на что-то особенное?

– Один – два момента, сэр. Что насчет того, как мисс Херншоу восприняла ваш вопрос об анонимках?

– Хм, – уклончиво ответил Литтлджон.

– А на что обратили внимание вы, сэр? – через минуту спросил Вейл, но суперинтендант не ответил.

Но когда они дошли до участка, он внезапно бросил:

– Не пожалейте, если шеф обратится в Ярд, когда врачи подтвердят убийство. Местная семья и все такое. Для меня такое – не очень.

Сержант внутренне был готов согласиться с начальником, да и ему было бы интересно понаблюдать за работой Скотленд-Ярда, но в тоже время он не желал упустить такую возможность закрепить собственные амбиции.

Их ждал отчет дактилоскописта.

На пузырьке был обнаружен только один набор отпечатков, и он явно принадлежал доктору Фейфулу, который последним держал бутылочку в руках.

Глава 6

Яд и почерк

Злой комар напев свой летний
С капель яда взял у сплетни.
У. Блейк «Прорицания невинности»⁶

Старший инспектор Скотленд-Ярда Дэн Пардо с нетерпением дожидался отпуска в Котсуолде, ведь дело, которым он занимался, подходило к триумфальному окончанию. Там даже в августе воздух был свеж, просторы – широки, а горизонты – далеки, что так радует человека, отягощенного городской жизнью и борьбой с преступностью. Недели утомительной работы окончились поимкой убийцы, чья жертва была обнаружена на сеновале в Уилтшире, и личность которой не могли определить в течении месяца. Теперь все концы грязного дела сошлись, а терпеливо накопленные инспектором улики привели к аресту уважаемого члена одного из клубов.

Это дело принесет ему достаточно лавров, но сейчас Пардо хотел отдохнуть. Но прежде чем мир узнал об окончании «Дела об убийстве на сеновале», ему показали материалы по делу Минстербриджа. «Гетти занят в хартпульском деле, а ты лучший из тех, кого можно направить на расследование этих внутрисемейных интриг», – полуоправдывался помощник комиссара.

Пардо не был рад славе «всеобщего дядюшки», но достойно встретил неизбежное и даже проявил интерес к делу. Ему было под сорок, он был высок и гибок. Его походка была по-крестьянски широкой, да и лицо создавало впечатление, что он привык к вольному воздуху. Копна выющихся волос уже практически поседела. В его внешности не было той нелепости, которая, как почему-то считается, говорит об одаренности. Он выглядел тем, кем был: человеком, который в своей работе находил баланс между разумом и воображением, не отвергая в своей работе никаких инструментов. Он уже много лет был вдовцом, семейная жизнь которого была слишком коротка, чтобы оставить след на его личности.

Пардо пробежался по фактам из дела Лакланд. Блейн обнаружил в старушке 2,8 грана морфия? А пустой пузырек был начисто вытерт перед тем, как доктор взял его в руки. На первый взгляд все это выглядело грубо сработанным делом. И не было причины, по которой все дело не продолжилось бы так же глупо. Вопреки мнению детективных писателей, значение улик зачастую оказывалось именно таким, каким казалось на первый взгляд. Семейные дела зачастую были совсем грязными. Старший констебль рассуждал именно так. Но, хорошо, все это обождет, пока он не пообедает.

Как правило, Пардо предпочитал поезда, а не машины. Даже если добираться на медленном поезде, до Минстербриджа было всего чуть больше часа езды. Выехав из Паддингтона в два часа дня, инспектор оказался в кабинете Литтлбриджа еще до трех часов пополудни. Его сопровождал детектив-сержант Солт, который выглядел обезоруживающе по-домашнему.

Вместе они изучили текущее состояние дел. У всех домашних, а также у доктора Фейфула, были сняты отпечатки пальцев – для того, чтобы сопоставить их с отпечатками на почти чистом пузырьке. Как и предполагалось, на нем были лишь отпечатки доктора. Утром сержант Вейл говорил с Хенесси и горничной. Дворецкий внес в их копилку информацию о том, как неделю назад миссис Лакланд уволила его, и это после того, как он двадцать шесть лет прослужил в семье.

– Он говорил довольно прямо, – пояснил Литтлджон. – Он сказал, что знал: его работа состоит в том, чтобы держать Карновски вдали от дома, но он не понимает, почему девушки не должны наслаждаться жизнью. Все равно все шло к концу, добавил он, но старушка вдруг принялась руководить. И когда мисс Дженни предложила, что он мог бы исполнять свои обязанности формально, и просто оставить дверь в сад незапертой, он согласился.

⁶ Пер. С. Маршака

– Когда это было? – спросил Пардо.
– В прошлую пятницу. После того, как старушка отправилась спать.
– А на следующий день она опять заболела? – задумчиво спросил инспектор.
– Хм. Она заболела ближе к вечернему чаю. После того, как обо всем узнала и уволила Хенесси.

– Это был приступ какой-то определенной болезни?
– Нет. Мисс Квентин, младшая внучка, говорит, что дело тут не в болезни, а в слишком хорошем аппетите. Надо бы расспросить доктора.

– Расспросим, – Пардо сделал пометку. Минуту-другую он изучал отчет, а затем поднял глаза и спросил: – У Хенесси есть алиби на ночь среды?

– Оно выглядит довольно крепким, – заметил суперинтендант, – если только слуги не сговорились, что маловероятно. Четверо из них подтверждают заявления друг друга о том, что в решающий момент они были внизу, в своих комнатах...

– Но, смотрите, – добродушно прервал его Пардо. – Что в этом деле вы называете «решающим моментом»? Нет, погодите минутку. С моей стороны было глупо спрашивать об алиби Хенесси. Я знаю, что говорится в отчете медиков: поскольку миссис Лакланд говорила с мисс Херншоу в семь часов и сразу после этого съела ужин, она не могла отравиться раньше этого времени. И поскольку в девять часов она уже уснула, предположим, что сон наступил от воздействия выпитого яда. И это значительно сужает интересующий нас период. Правда, немаловажно, что нас интересует не только это время. Кто-то подмешал морфий в лекарство, причем в пузырек, а не в стакан, и... – Пардо заглянул в отчет, – это могло произойти в любой момент с тех пор, как доктор дал ей предыдущую порцию лекарства, то есть с половины третьего.

Пардо сделал паузу, Литтлджон собирался что-то сказать, но инспектор продолжил:

– Это еще не все. Кто-то вытер все отпечатки с пузырька. Это произошло до того, как пришел доктор Фейфул, но неизвестно, когда именно. Доктор прибыл вскоре после двух часов ночи, – встретившись взглядом с суперинтендантом, инспектор улыбнулся, – Вот вам и «решающий момент». Отравить тоник, применить его, уничтожить улики. Какой из этих моментов – решающий?

– Ну, если ставить вопрос таким образом, – вздохнул Литтлджон, – то нужно расширить момент до полусуток.

– Именно. А не два часа. Двенадцать часов непроверенных перемещений в комнату и обратно, и это дает убийце или убийцам достаточно времени.

– Вы не думаете, что старушка могла выпить лекарство наедине и ничего не заподозрить?

– Если бы это было так, то почему убийца не оставил на пузырьке отпечатки пальцев миссис Лакланд? Это бы несколько усилило подозрения о возможном самоубийстве. В любом случае, какой смысл стирать их?

– Если только цель не заключалась в том, чтобы свалить все на доктора, – вставил суперинтендант.

– На первый взгляд, возможно, – нахмурился Пардо. – Но это слишком неуклюже, и не сработало бы. Доктор ушел от них еще до четырех, а поскольку старушка не могла выпить препарат еще как минимум три часа... подумайте над этим. В любом случае, какой смысл оставлять лишь один набор отпечатков, тогда как до наступления ночи к бутылочке мог прикоснуться кто угодно? Например, у вас есть показания горничной, которая отодвинула пузырек для того, чтобы поставить поднос.

– Да, в этом нет смысла, – заметил Литтлджон, – если только убийца не запаниковал и не сглупил безо всякой на то причины.

– Запросто. Вы только что намекнули, что кто-то мог попытаться втянуть в дело врача. Наверное, вы вспомнили об анонимных письмах? – спросил инспектор.

– Да. Хотите взглянуть на них?

– Сперва я должен увидеть доктора Фейфула, и как можно скорее.

Литтлджон посмотрел на часы.

– Он рано пьет чай, если только к нему не поступает вызов, – заметил суперинтендант. – Как раз сейчас.

– Тогда через полчаса я пойду к нему, – ответил инспектор Пардо. – А тем временем, давайте пойдем выпьем по чашечке чая.

Суперинтендант слегка покраснел, почувствовав, что это он должен был проявить гостеприимство, и неловко сказал:

– Это я должен был...

– Это совсем рядом, – возразил Пардо. – Я остановился в «Лебеде и переправе». Выглядит милым местом.

Так и было. Эта скромная старая гостиница располагалась в тупичке главной улицы Минстербриджа. Здесь не акцентировались ни старина (времена правления Генри VIII), ни вполне умеренные цены. Суперинтендант объяснил, что первоначально гостиница называлась «Лебедь Пармса» – по фамилии большой семьи, жившей здесь сотни лет назад, но после войны Алой и Белой розы смысл названия постепенно забылся, и, в конце концов, оно сменилось на современное.

Пардо заметил, что и правда – на вывеске гостиницы не было никакой переправы, и на бледно-лазурном щите был изображен лишь одинокий лебедь.

Они выпили чай в меленькой гостиной, переданной Скотленд-Ярду; это было уютное, но довольно душное место.

За трапезой они обсудили оставшиеся показания, обсудив допрос горничной Хетти. Литтлджон заметил, что, опрашивая ее, сержант Вейл не смог ничего добиться.

– Занятно, – продолжил он. – Вейл не смог получить от нее ничего внятного, так как она постоянно извергает потоки слез. Кажется, что ее выводит из равновесия любое упоминание о том, что она подслушивала. Но я не думаю, что она могла бы сказать что-либо полезное. Обслуживание старушки не входило в ее обязанности, она виделась с ней совсем немного: когда прибирала ее комнату по утрам, и миссис Лакланд обычно запугивала ее. Вот так-то. Нам лучше оставить ее в покое, пока она не возьмет себя в руки – даже если у нее есть, что сказать, сейчас мы не можем этого расслышать.

Пардо никак не прокомментировал ситуацию.

– А что насчет другой женщины, компаньонки? – спросил он.

– Буллен, – поморщился суперинтендант. – Еще одна истеричка. Это началось у нее вскоре после того, как ночью прибыл доктор. И вчера, и сегодня она находится в постели – по приказу врача. Не могу сказать, не притворяется ли она, лишь бы только избежать допроса. Я ее с тех пор не видел, но сегодня утром встретил Фейфула, и он сказал, что завтра она будет в состоянии говорить.

– Хорошо. Тогда следующая цель – увидеться с доктором.

Сержант Солт, обладавший способностью извлекать ценную информацию из самых необычных источников, отстал от коллег, чтобы обосноваться в «Лебеде и переправе».

Инспектор Пардо и суперинтендант Литтлджона покинули гостиницу. После того, как последний забрал из своего кабинета анонимки, направленные доктору Фейфулу, сыщики вместе пошли по улицам, которые в разгаре дня пестрели от контраста яркого света и четких теней. Пардо всегда чувствовал дух обстановки и, по-видимому, начал ценить спокойный ход жизни Минстербриджа. То, что сам он был не столь спокоен, лишь усиливало очарование городком.

Они подошли к небольшому дому, скрывавшемуся в тени огромного каштана, доктор Фейфул был на месте и был бы рад видеть их. Они прошли в гостиную – уютную и прохладную комнату с низким потолком. Здесь были книги, кресла и фарфор с выгравированными изображениями города и собора, каким он был в начале восемнадцатого столетия. Французское окно выходило в грушевый сад. После яркого солнечного света на улице здесь казалось свежо.

Доктор встал со стула у очага – там он на коленке писал письмо, и, прежде чем шагнуть вперед и поприветствовать пришедших, он положил письмо и ручку на каминную полку. Суперинтендант был уже знаком с ним. Представляя инспектора, Литтлджон заметил, что доктор выглядел усталым. Пардо видел его впервые, и у него сложилось впечатление, что доктор очень приятный, но немного обрюзгший человек.

Закончив с формальностями, инспектор перешел к сути дела.

– Я бы хотел знать вот что: ухаживала ли за миссис Лакланд профессиональная медсестра?

– О, да. Начиная с мая и до конца прошлого месяца. Старушка ее практически прогнала. Но не за профнепригодность – та была очень опытной. Миссис Лакланд с самого начала возражала против медсестры, а помощь была так нужна! Как ей самой, так и девушкам. Она сдалась только потому, что я подговорил Дженни и Кэрол выступить против этого предложения!

Доктор на мгновение задумался, затем взял блокнот, выдернул из него страницу, черкнул на ней имя и адрес и протянул ее Пардо.

– Если вам нужно связаться с ней. Но она не сможет ничего добавить.

– Спасибо, – поблагодарил Пардо, поместив лист между страниц собственного блокнота. – Теперь простите мое невежество и расскажите, что именно натолкнуло вас на мысль о необходимости вскрытия?

Доктор Фейфул позволил себе немного удивиться.

– Вы же видели мои показания? – вежливо спросил он.

– О, да. Я не хочу, чтобы вы повторили все это еще раз. Я просто хочу услышать о вашей первой реакции на смерть миссис Лакланд.

– Все это ужасное дело было непонятно мне. Как вы знаете, я наблюдал за миссис Лакланд в течении всей долгой и опасной болезни. Я видел, как на фоне гриппа развился гастроэнтерит, и в мае – начале июня она могла умереть в любой момент. В конце мая были проведены консультации с лондонским специалистом, мистером Такстином. Он полностью одобрил мой подход к лечению, и, получив от него один-два совета, я продолжил его, надеясь на лучшее. Пациентка выкарабкалась благодаря своей удивительной выносливости. После недель борьбы между жизнью и смертью, она пошла на поправку. Едва она перешла эту невидимую грань, она тут же уверенно пошла на поправку. Такой пациенткой можно было гордиться.

Доктор сделал паузу.

– Вот почему новый приступ и смерть позапрошлой ночью выглядели крайне подозрительно. Это было невозможно. Ее сердце было здорово и билось, словно колокольчик. В течении нескольких дней она была в прекрасном настроении, а когда я беседовал с ней в тот день, она только и могла, что говорить о своих планах на завтра. Случилось что-то кошмарное.

Не ожидавший такого накала инспектор заметил румянец на щеках доктора и слабое подрагивание его ноздрей. Пардо решил, что несвоевременная смерть многообещающей пациентки ущемила чувства и профессиональную гордость врача.

Тем не менее, уже через минуту доктор пришел в себя, черты его лица разгладились, а вокруг рта образовалась тень улыбки.

– Боюсь, я был на грани, – спокойно продолжил он. – Ведь благодаря тем письмам я был лично убежден в крайне неприглядном характере этого несчастья. Более того, мне пришлось отменить долгожданный отпуск, который должен был начаться на следующей неделе, и телеграфировать моему заместителю об отмене. Когда вы пришли, я как раз составлял пояснительное письмо. Вы скажете, что, по сравнению с убийством, все это очень незначительно, и будете правы, но тем не менее, все это очень раздражает. – В конце доктор улыбнулся, смеясь над собственным эгоцентризмом.

Литтлджон пробормотал что-то вроде сочувствия, а инспектор вернулся к интересовавшему его вопросу:

– Значит, что-то в миссис Лакланд немедленно натолкнуло вас на мысль о том, что что-то идет не так – например, какие-то неестественные симптомы?

– Точно. Как я вчера и говорил, с самого начала было видно, что все безнадежно. К тому времени на старушку не действовали никакие внешние стимуляторы. До того, как меня вызвали, она, должно быть, пробыла без сознания уже несколько часов. Все ее мышцы были расслаблены, пульс крайне слаб, лицо побледнело до голубизны, зрачки сузились, боюсь, здесь нельзя было ошибиться. Кроме того, явный запах намекал на морфий, к тому же из пустого пузырька шел еще более сильный запах. Мой диагноз подтвердил доктор Уайли, полицейский врач. Осталось лишь выяснить, сколько именно проглотила несчастная женщина.

– Все, что я хотел знать, – кивнул Пардо, – не чувствовали ли вы сомнений, отказываясь выписать свидетельство о смерти.

– Никаких. Конечно, с медицинской стороны. А вот с социальной... Мои отношения с семьей были скорее дружескими, чем чисто профессиональными, и здесь все было плохо. К счастью, такое редко бывает.

– Давно ли вы лечите Лакландов?

– Шесть лет. А до этого я был партнером в практике моего отца, а он был их семейным врачом девять или десять лет. До сих пор они были проблемными пациентами.

– Хорошо, теперь о приступе миссис Лакланд в конце прошлой недели. Не поделитесь вашим мнением о симптомах и прочем?

Том Фейфул резко взглянул на инспектора.

– Вы думаете, это связано с фатальным приступом? Полагаю, такая мысль естественна, но могу с уверенностью сказать: у этих двух болезней нет ничего общего. Что бы она ни съела в субботу, это явно был не морфий. Меня вызвали незадолго до пяти часов. Думаю, мне позвонил дворецкий. Обе девушки играли в теннис и пили чай в беседке. Со старушкой была только мисс Буллен, и мне показалось, что она не восприняла приступ всерьез – во всяком случае, она не паниковала и не выходила из себя, как в этот раз. Она понимала, что нужно уложить миссис Лакланд в постель. Нужно сказать, что к тому времени старушка практически выздоровела, и на той неделе большую часть времени она либо была внизу, либо сидела в саду. При помощи рвотного и горячей воды мы вскоре привели ее в порядок. Но пока приступ продолжался, все было скверно. Несколько раз у нее были рвота, дрожь и слабый пульс, но явно не было ни сонливости, ни оцепенения, ни каких-либо других признаков отравления морфином или чем-то подобным. Напротив, миссис Лакланд ясно мыслила, и ее комментарии между приступами были вполне понятны и уместны.

– Вы ничего не сказали о том, что в тот раз почувствовали тревогу?

– Тревогу? Нет. Должен признать, что я был озадачен, поскольку приступ был внезапным и тяжелым. Но у миссис Лакланд был хороший аппетит, и с тех пор, как ей стало лучше, она была склонна делать себе послабления и переедать. Она была довольно упряма, когда речь заходила о диете, а в ее состоянии последняя была крайне необходима. Я решил, что она съела что-то запретное, к примеру, кусок торта. Да она и сама в этом призналась.

– И вас это удовлетворило?

– Да. Болезни желудка легко активизируются у тех, кто к ним предрасположен, и учитывая длительную болезнь миссис Лакланд, а также то, что у нее был чувствительный желудок, на который она не обращала должного внимания...

– Доктор, вы прописали ей несколько дней постельного режима? – вставил суперинтендант.

– Да, и я опять не ожидал, что она так быстро пойдет на поправку. В субботу я велел ей неделю оставаться в постели. Но уже в воскресенье она была в том же состоянии, что и в пятницу. Но я не стал сообщать ей этого вплоть до среды, когда я сказал ей, что на следующий день она сможет подняться.

Пардо задумчиво взглянул на врача.

– Доктор Фейфул, вспоминая эту болезнь в свете всего произошедшего после, у вас есть причины подозревать, что неделю назад кто-либо вынашивал замысел против вашей пациентки?

Доктор выглядел так, словно предпочел бы не отвечать. Наконец, после минуты сомнений, он сказал:

– Конечно, теперь, когда все произошло, ясно, что все взаимосвязано. Но я не хотел бы говорить что-то еще. Если это был яд, то миссис Лакланд удалось не отравиться, а я ничего не заметил, так как она была больна, и я думал лишь на еду.

– Конечно, – ответил Пардо и тут же добавил: – Правда ли, что миссис Лакланд очень расстроилась, узнав о визите мистера Карновски?

Доктор снова засомневался. Когда он отвечал, на его лице появилось отвращение:

– Инспектор, думаю, что да. Но боюсь, что здесь я не так уж полезен. Мне мистер Карновски не внушает доверия, но если мне позволено совать нос не в свое дело, то разве вы не считаете, что полагаясь лишь на эту линию, вы могли бы ошибиться?

– Каким образом?

– В наши дни отношения с девушками и флирт не так уж значительны, и если, как я полагаю, миссис Лакланд возражала против молодых людей, то это объяснялось ее юридическим положением по отношению к Дженни и Кэрл. Она ведь была их опекуном.

– Хорошо. А вы случайно не знаете, в какой степени миссис Лакланд могла распоряжаться наследством мужа?

– Не вполне. У меня только догадки. Ренни, ее адвокат, сможет сказать точно. Полагаю, на карту поставлено много денег.

Доктор говорил осторожно, и заметивший его сдержанность инспектор не стал вдаваться в подробности. Как и сказал Фейфул, он мог уточнить все эти важные аспекты у самого адвоката. Он резко сменил тему и заметил облегчение на лице собеседника, не желавшего обсуждать разногласия в семье.

– Теперь о морфии. Мы должны попытаться выяснить его источник, и мне сказали, что вы сделали интересное предположение по этой части, доктор.

– Скорее, я напомнил суперинтенданту об уже известном ему факте, – улыбнулся Фейфул. – Я уже обращался в полицию по поводу пропажи таблеток. Это было в начале июня, думаю, седьмого числа. В тот день я сделал четыре визита к пациентам: начал в половину второго, а закончил без четверти три. Во всех случаях машину я оставлял на улице. Закончив с вызовами я отправился в больницу, и по пути я внезапно заметил, что моего чемоданчика нет на месте – обычно он лежит на сиденье. Я остановился и, поискав, обнаружил его под сиденьем. Он был растянут, но на первый взгляд ничто не пропало. Но позднее, уже в больнице, я обнаружил, что в нем недостает четырнадцати таблеток морфия. В тот же вечер я сообщил о краже.

– Много ли препарата содержится в одной таблетке?

– В них было по четверти грана в каждой. Существуют и таблетки с меньшей дозировкой, но эти – самые распространенные.

– Значит, старушке досталось дюжина таблеток? – быстро подсчитал Пардо.

Фейфул кивнул.

– Возможно, где-то остались две лишние, – добавил он.

– Доктор, а в тот понедельник вы, случаем, не посещали Лакландов?

– Да. Я оставил для полиции адреса всех пациентов. Лакланды были третьими по счету. Но чемоданчик к ним в дом я не заносил. Он оставался в машине снаружи во всех случаях, кроме первого вызова.

Суперинтендант прочистил горло.

– Все верно, сэр. У меня есть адреса. Как я уже говорил, из нашего опроса ничего не вышло. Мы как можно тактичнее обошли дома. Мы не упоминали названия таблеток, сказав лишь, что доктору кажется, что он что-то забыл. Но, конечно, никто ничего не видел, но мы на это и не рассчитывали, ведь сумка большую часть времени была в машине.

– Это дает нам не так-то много, но нам важно знать, когда и где произошла эта кража, – заметил Пардо. – Доктор, когда в тот день вы вышли от Лакландов, вам никто не повстречался по пути к машине?

Фейфул наморщил брови пытаясь вспомнить тот день.

– У меня довольно плохая зрительная память, – признался он. – Погодите минутку, – беспокойно продолжил он, явно стыдясь своей забывчивости. – Вряд ли это имеет значение, но мне кажется, что я встретил Дженни, то есть мисс Херншоу – она возвращалась от калитки, где распрощалась с каким-то посетителем. Понятия не имею, кто это был, но, возможно, она вспомнит.

Пардо поблагодарил его, а затем спросил:

– Вы упоминали о пропаже морфия в разговоре с кем-нибудь помимо полиции?

– Нет, я ни с кем не говорил об этом.

– Тогда буду благодарен, если вы не будете делать этого и впредь.

Доктор согласился, и Пардо, по своему обыкновению, отставил эту тему.

– Доктор, пока вы здесь, я бы хотел взглянуть на те письма. Я все еще не видел их, но суперинтендант взял их с собой.

Врач пододвинул свой стул поближе – он был рад сменить тему или, по крайней мере, взглянуть на нее под новым углом.

– Вынимайте их, – бодро предложил он. – Вы не представляете, чего мне стоило пусть даже временное расставание с этими посланиями!

Суперинтендант Литтлджон вынул письма из внутреннего кармана, каждое из них находилось в своем конверте, и все они вместе были перевязаны резинкой. Он протянул их инспектору, в то время как взгляд всех троих был прикован к дешевым конвертам.

Пардо снял резинку и изучил верхнее письмо; делал он это с холодной неприязнью, которую приберегал для подобных случаев. Затем, отложив оставшиеся два письма на колено, он несколько брезгливо вынул из первого конверта лист бумаги. Развернув его, он взял его так, чтобы остальным было видно, что там написано.

Тихим голосом он прочел послание:

*Доктор Фейфул, берегитесь! Злые дела не останутся
безнаказанными. Есть те, которые наблюдают.*

– Хм. Неровные печатные буквы, но, возможно, это нарочно. Самая дешевая писчая бумага и такой же конверт. Бледные чернила – выцветшие, разбавленные, или их наскоро промокнули. Неприятный состав, а стиль письма пафосный, что делает его еще хуже. Доктор, как я вижу, здесь нет даты, – добавил он, обращаясь к Фейфулу. – Вы помните, когда вы его получили?

– О, да. Я сделал заметки о каждом из писем, но что касается этого, то мне не нужна шпаргалка. Это первое письмо, и оно пришло с утренней почтой в субботу, 12 июня. Думаю, штемпель на конверте достаточно четкий.

Так и было. На конверте были и марки, и штемпель, говоривший о том, что письмо было отправлено из Минстербриджа 11 июня в 18:30.

Пардо отложил письмо в сторону и раскрыл второе. Конверт, бумага и почерк были точно такими же, но штемпель был едва различим. Однако доктор мог дать информацию. Письмо пришло 2 июля, с первой почтой. «Думаю, это была пятница». Оно гласило:

*Уважаемый доктор Фейфул, отчего болезнь миссис Лакланд длится
так долго? Вы знаете ответ. Вы увидите, что она не поправится. Вы
чудовище.*

– Это немного выразительнее, – отметил доктор. Его голос был спокойным, но Пардо быстро увидел, как напряглись мышцы вокруг его рта, показывая, что легкость и спокойствие голоса даются не так-то просто.

– И более злобное, – добавил суперинтендант.

– В любом случае, менее сдержанное, – прокомментировал Пардо. – Теперь третье. Вижу, что конверт изменился. Доктор, как я понимаю, вы получили его в среду? О, на этот раз оно отправлено не из Минстербриджа?

Он присмотрелся к штемпелю, на котором было ясно видно время – половина шестого, дата была не такой четкой, а место отправления было неразборчиво, за исключением последних букв: «гхэм».

– Скорее всего, Буллингхэм, деревня в восьми милях отсюда, – предположил Литтлджон. – Но это не значит, что письмо было отправлено именно оттуда. Почта в Буллингхэме обслуживает две или три деревни, и начальница почтового отделения говорит, что последнюю почту они отправляют в половине шестого, а в Минстербридж она должна приходить к чаю на следующий день. Это вполне подходит. Одно из мест неподалеку, и даже поезда туда ходят.

– Это полезная информация, – отметил Пардо. Он вынул письмо из конверта, и рассмотрел последнее послание.

Думаете, то, что вы медленно отравляете миссис Лакланд – это секрет?

Инспектор приподнял брови.

– Коротко и прямо. К каким только приемам не прибегают малодушные самолюбцы! – он обернулся к доктору: – Вы не знаете никого в этом городе или поблизости, кто мог бы быть

обижен на вас? Даже если это что-то неприметное, дайте знать. Авторы анонимных писем не вписываются в обычные стандарты.

Увидев, что Фейфул колеблется, инспектор продолжил:

– Доктор, отбросьте сомнения. Мы расследуем убийство и должны узнать эти имена. Ничто из того, что вы скажете, не навредит невиновным людям. Кроме того, у вас самих есть личный интерес, вас же обвинили в убийстве!

Врач расслабился и горько улыбнулся. Он потер брови указательным пальцем.

– И должно быть, я кажусь опереточным злодеем. Нет, инспектор, я помогу, чем смогу. Нет нужды говорить мне, чтобы я отбросил сомнения. Получив все эти письма, я не могу переживать за их автора. Но факт остается фактом – я не могу ни на кого подумать.

– Жаль, – заметил Пардо. – Подумайте, нет ли у вас пациентки, отношение которой к вам недавно переменилось?

Инспектор знал, что ступает на зыбкую почву. Он был достаточно хорошим знатоком человеческих нравов, чтобы понимать: сильными составляющими характера доктора были гордость и даже, в каком-то смысле, высокомерие. Но он и в самом деле предполагал, что была пациентка, разгневанная воображаемой или настоящей небрежностью со стороны врача.

Но хоть доктор и не оскорбился, он все равно лишь покачал головой, отвергая предположение, что он что-либо знает о подобном недовольстве.

– Инспектор, это не тщеславие, – заявил он, словно прочитав мысли Пардо, – я просто не знаю ничего такого. Конечно, здесь нет доктора, который в ходе своей работы время от времени не сталкивался бы с недружелюбным отношением из-за пустяков или чего-то более-менее серьезного. Но если нужно указать пальцем на определенного человека и заявить: «Вот источник бедствий», – то это не так-то легко.

– Да. Но если вы сможете нам что-нибудь рассказать, то это, возможно, поможет нам. А может, и нет. Авторы анонимных писем не всегда демонстрируют враждебность. В повседневном общении такой человек может казаться вполне любезным. В любом случае, прежде чем мы отложим эту тему, не сможете ли вы назвать имя кого-нибудь из бывших пациентов, которые перешли на лечение к другому доктору? Скажем, за последний год или около того?

– Но одного, инспектор, – немедленно ответил Фейфул, почти сожалея о том, что не может угодить полиции.

– Хорошо, – продолжил не сдающийся инспектор. – Тогда мы будем искать сведения другим путем. Отправим письма Брасси – это графолог, который сможет определить пол и возраст, что поможет сузить область поиска. Теперь просто поделитесь своими мыслями о возможном авторе. Не важно, считаете ли вы их необоснованными. Я хочу услышать, что вы думаете, даже если вы и не можете доказать это.

– Вы хотите, чтобы я поделился с вами подозрениями, основываясь лишь на собственном воображении? – засомневался и возмущился доктор.

Пардо понял, что к доктору нужно подходить незаметно, и решил быть честным.

– Не вполне. Верите ли вы, что автор писем и есть убийца миссис Лакланд?

Доктор выпрямился и словно решил избегать явных обвинений.

– Так и есть. Думаю, это естественный вывод. Но часть письма не вписывается в теорию. Почему «медленно отравляете»? Это ошибка или какой-то хитрый ход автора, ведь нет сомнений в том, что пожилая леди была убита одной дозой морфия, а не от накопительного эффекта какого-то другого яда, которым можно было ее травить долгое время, на что намекает письмо.

– Хорошее замечание, доктор, – кивнул инспектор. – Вы заметили в этой теории еще что-либо странное?

– Да. Почему третье письмо было отправлено так, чтобы оно пришло в последний день жизни миссис Лакланд? Это должно было привлечь особое внимание к автору, ведь это совсем не то, как когда приходили предыдущие письма, а миссис Лакланд шла на поправку. Это такое внимание, которого убийца захотел бы избежать. А может, он или она (или надо говорить «оно») решило, что я, невиновный человек, покорно приму эти дьявольские обвинения и оставлю их в тайне?

– Что бы получил автор, если бы вы молчали? – быстро вставил Пардо. – Ничего, кроме удовлетворенного злорадства от того, что письма доставлены. И это может указать на автора. Извините, – он дружески улыбнулся Литтлджону, – я имею в виду, что это выглядит так:

неутомимый автор анонимок не мог в то же самое время обдумывать убийство. Разве это не согласуется с вашими предположениями?

Он обернулся к доктору Фейфулу, и тот кивнул.

– Да, – и задумчиво добавил: – Тогда мне кажется, что... – он запнулся.

– Да? – подтолкнул его Пардо.

– Я собирался сказать, что из этого следует, что автор писем что-то подозревал. Может быть, он знал о том, что готовится убийство; может быть, знал убийцу, и по каким-то своим причинам решил бросить подозрение на меня.

– Может быть, – повторил Пардо, но было ясно, что сам он так не считает. – Но это возвращает нас к вашему первоначальному возражению: поскольку миссис Лакланд была отравлена одной большой дозой, а не множеством мелких, то что мог заметить посторонний человек, да еще настолько давно – 11 июня?

– Это проблема, – согласился доктор. – Предположим, что автор анонимок и убийца действовали сообща, и убийца знал о письмах?

– Боюсь, это не продвигает нас вперед, – ответил инспектор. – Ведь это значит, что письмо, отправленное из Буллингхэма во вторник, могло бы доставить убийце неудобства, как если бы он написал его сам. Снова, откуда все эти предположения о медленном отравлении? – Инспектор поймал взгляд Литтлджона. – Суперинтендант, вы хотите что-то сказать?

– Ну, что касается меня, то я склонен считать, что все это – дело рук одного и того же человека, а все несовпадения сделаны специально – с какой-то непонятной нам целью.

– Ясно, что сейчас мы не понимаем, в чем его цель, – заметил Пардо. – Так что сказанное вами может оказаться верным. Нам нужно рассмотреть все теории, которые только можно выдвинуть. Если за всем этим стоит один человек, то у него какая-то странная психология. Если их двое, то это еще более непонятно.

Он встал. Доктор Фейфул и суперинтендант последовали его примеру.

– Не могу вас больше задерживать, сэр, – сказал он Фейфулу. Пардо быстро сложил письма, обернул их резинкой и отправил во внутренний карман. – Пожалуйста, дайте знать, если получите новые анонимки. Я передам их эксперту. А сейчас мы должны отправиться к адвокату.

Доктор стоял, сунув руки глубоко в карманы, устремив взгляд на инспектора. В его манере была какая-то нерешительность, и это привлекло внимание обоих полицейских.

– Прежде чем вы отправитесь к Ренни, думаю, вам нужно кое-что узнать. Я не упоминал об этом, потому что знаю, насколько туманными бывали заявления миссис Лакланд. Но, – брови доктора причудливо приподнялись, – поскольку я обвиняюсь в отравлении, то лучше огласить все, тем более, что если это так, то у кого-то есть мотив для убийства. Я склоняюсь к тому, что это было непреднамеренное убийство, – он взглянул на Пардо, и в его голосе появились вопросительные интонации.

Однако инспектор ничего не ответил, и доктор продолжил:

– Когда вы спросили меня о том, полностью ли миссис Лакланд распоряжалась наследством покойного мужа, я ответил, что не знаю. И это правда. Но мне известно, что у нее были и собственные средства, никак не связанные с ее браком. Она сказала мне, что их порядка пятнадцати тысяч фунтов. И, что касается этой суммы, она периодически то ли притворялась, то ли и в самом деле забавлялась тем, что составляла новые завещания и уничтожала старые. Вот, что я имел в виду, говоря туманности ее слов. В среду днем, то есть в последний раз, когда я видел ее в добром здравии, старушка сказала, что дожидалась, когда же я разрешу ей увидеться с Ренни, ведь она хочет составить новое завещание, согласно которому те пятнадцать тысяч, которыми она могла распоряжаться по собственному усмотрению, перешли бы ко мне в случае ее смерти. Она добавила, что адвокат знает о ее намерении, так что, если это так, то Ренни сможет подтвердить ее слова. С другой стороны, я склонен относиться к этому скептически.

– Интересная информация, доктор, – сказал инспектор. – Вы считаете, что миссис Лакланд говорила это всем, или же сказала вам по секрету?

– Не имею представления. В тот день, когда она объявила об этом, она, конечно, была взволнована, и она не привыкла молчать, зная, что может раздражить кого-либо.

– Вы не знаете, как она собиралась распорядиться деньгами прежде чем решила оставить их вам?

– Нет. Иногда она говорила о своих деньгах, но не о том, кому их завещает. Она наслаждалась, делая намеки и окружая себя таинственностью.

– Понимаю. Доктор, как вы приняли эту новость? Она немного смущает, не так ли?

– Так и было бы, не знай я как следует миссис Лакланд и ее злобность. Я принял это как бы в шутку, да мне показалось, что так оно и есть. Я сказал ей, что не могу претендовать на ее доброту, и что у нее еще есть целый день на то, чтобы передумать, да и, в любом случае, ее здоровье достаточно хорошо, чтобы она смогла еще долго прожить. Бедная старушка... Конечно, она протестовала, утверждая, что твердо намерена, и все такое...

– Ну, доктор, все выглядит так, словно кто-то настроен к вам крайне недоброжелательно и хочет одним махом лишить вас состояния, и, к тому же, свалить на вас убийство! – заявил Пардо.

Они с суперинтендантом попрощались с доктором и отправились к мистеру Ренни.

Они прошли полмили или около того, не обсуждая дело. Оба были поглощены мыслями. Пардо думал о докторе – единственном персонаже, с которым он общался. Он размышлял о крепком красивом мужчине, его подвижном лице и потрясшей его вспышке чувств, когда оказалось, что Смерть смогла отнять его триумф, забрав почти оправившуюся от болезни жертву. Он думал об анонимных письмах и обещанном наследстве. Последнее могло быть ключом к делу. Допустим, врач стал мишенью для чьей-то ненависти. Чьей?

– Интересно, кого он мне напоминает? – сказал Пардо вслух.

– Муссолини, – выпалил суперинтендант, не уточняя ход мысли инспектора.

Глава 7

Мистер Ренни вспоминает...

Мы думаем, что наши дети – часть нас самих, но, вырастая, они прекрасно разубеждают нас.

Маркиз Галифакс «Мысли и размышления»

Мистер Ренни взял у Пардо сигарету, но не зажег ее. Он перевел взгляд с инспектора на суперинтенданта и обратно, по привычке делая вид, что обдумывает даже самые тривиальные действия.

– Джентльмены, вы совершенно уверены, что для решения вашей проблемы вам нужна столь подробная предыстория, что мой рассказ нужно начать с событий, скажем, семидесятилетней давности?

– Мистер Ренни, нам бы хотелось выслушать все, что вы смогли бы нам рассказать, – ответил Пардо. – Так что говорите.

– Хорошо, – согласился Ренни. Очевидно, ему нравилось обдумывать последовательность рассказа. Не прошло и пяти минут, как инспектор Пардо решил, что лучше позволить старому адвокату излагать информацию так, как ему удобнее. Если добиться взаимного удовлетворения, то и результат будет лучше.

Мистер Арчибальд Ренни был маленьким, аккуратным семидесятидвухлетним джентльменом, уважительно относившимся к точности и логике, что прекрасно характеризовало его жизненную позицию. Даже в его внешности не было никаких несоответствий, кроме разве что производимого им впечатления полноты, хотя у него не было лишнего веса. Его седые волосы с четким пробором ровно посередине превосходно сочетались с почти инфантильно розовыми щеками и бесхитростными голубыми глазами, свидетельствовавшими о гармонии между старостью плоти и юностью духа. Он был честным пожилым джентльменом, почтительно относившимся к законам, с которыми он работал. Сейчас он нуждался в самоконтроле, ставшем его второй натурой. Его ужасно смутили обстоятельства смерти миссис Лакланд, да еще как раз перед тем, как она собиралась обратиться за его услугами.

Он принял полицейских в своем кабинете, окна которого выходили на жилище священника и прекрасное пространство, служившее Минстербриджу местом для отдыха и площадкой для детских игр. В четверг утром адвокат получил письмо от миссис Лакланд и приготовился ко встрече на следующий день, но вместо этого в назначенный час он получил телефонное сообщение о смерти клиентки, что поначалу потрясло его. Пардо, желавший получить побольше информации о прошлом убитой женщины, честно сказал об этом юристу. Он предположил, что Ренни знает о семье Лакландов больше кого-либо другого в Минстербридже, и мог бы рассказать о предыстории сложившейся ситуации.

– Сначала о людях, – попросил он. – Все, кого вы знаете, и почему они совершили те или иные поступки, о которых вы знаете. Постепенно мы дойдем до завещания и событий этой недели.

Это понравилось старику, который не возражал помочь правосудию, но предпочел бы сделать это, рассказав все по порядку. Он выразительно прочистил горло, если только это выражение можно применить к столь щепетильному человеку, как он.

– Джон Лакланд, дедушка мисс Херншоу и мисс Квентин, родился в Минстербридже, в пятидесятых годах прошлого века. Его отец был сапожником, но его стаж был невелик из-за чахотки, которая сделала его инвалидом в самом расцвете лет. Он умер, когда Джону было двенадцать лет. Джон был единственным ребенком, и после того, как его отец умер, миссис Лакланд, чтобы прокормить себя, занялась стиркой. Она была толковой прачкой, и даже после того, как ее сын стал человеком с деньгами и захотел, чтобы она ушла на покой и наслаждалась комфортом, она все равно предпочла время от времени стирать для нескольких старых клиентов вместо того, чтобы, как она это называла, «жить в праздности».

Сержанту Литтлджону это описание показалось чрезмерно затянутым. И он был удивлен, заметив, что Пардо внимательно слушает, словно случившееся в прошлом веке было непосредственно связано с событиями в эту среду.

– Затем, – продолжил мистер Ренни, – когда Джону исполнилось четырнадцать, он оставил свою подработку в Минстербридже – он то газетами торговал, то занимался садоводством, то прочей тому подобной случайной работой. Теперь родственники его матери, жившие в Лестере, помогли ему устроиться помощником в небольшой магазин в их городе. Это было в 1871 году. Конечно, он начинал с самого низу, но, думаю, его деловая хватка быстро развивалась – ничто другое не смогло бы объяснить его стремительного карьерного роста и перехода от бедности к богатству.

Как только старый адвокат, задумавшись, сделал паузу, Пардо вставил:

– А что насчет родственников? Они могли помочь?

– Вовсе нет. Судя по тому, что он говорил мне, они и сами пребывали в бедственном положении и смогли пристроить мальчика миссис Лакланд только благодаря знакомству с портным. Нет, я думаю, мы можем принять за факт: оказавшись в Лестере, Джон Лакланд был одинок, и у него не было друзей.

Пардо кивнул. Суперинтендант, пытаясь сохранить интерес к рассказу, начал делать заметки на обратной стороне конверта.

– Вскоре мальчик вырос и достаточно продвинулся, чтобы стать управляющим. А поскольку портной был бездетным, то магазин перешел к Джону, когда тому не было еще и двадцати. Вскоре у него появился филиал в другой части города, а через год и третий, для которого потребовались новые рабочие...

– Когда же он женился в первый раз? – спросил Литтлджон, которому хотелось поскорее добраться до этого момента.

– Я подхожу к этому, – чопорно ответил мистер Ренни. Он явно не любил, когда его перебивали, и предпочел бы продолжить рассказ в собственной неторопливой манере. Суперинтендант вновь взялся за карандаш, а юрист продолжил: – Затем магазины Джона Лакланда стали открываться по всему Лестеру и округе, как грибы после дождя. Только, в отличие от грибов, они открывались в любую погоду. Бизнес Лакланда расширился на Лафборо, Хинкли, Маркет Харборо и множестве городков поменьше. Вскоре они стали появляться и в соседних графствах, поглощая бизнесы конкурентов и убыточные торговые точки, но после этого они становились прибыльными. К 1890 году он стал основным торговцем одеждой в Мидленде⁷.

Как раз в это время Джон Лакланд и женился, – мистер Ренни взглянул на суперинтенданта. – Брак был заключен в 1885 году. Его жена была лестерширской девушкой из рабочей семьи по фамилии Бассет. Восемь лет она была прекрасным спутником жизни, и, когда в 1883 году она умерла во время эпидемии оспы, Джон Лакланд был сильно потрясен. Боюсь, он начал считать себя неуязвимым и полагал, будто ничто, даже смерть, не сможет помешать его амбициям и встать у него на пути.

Теперь мы переходим к части, которая прямо относится к завещанию Джона Лакланда – а именно его детей. Хотя... – смутившись, мистер Ренни запнулся.

– Но ведь это нормально, – заметил Пардо. – Первый брак, затем дети. Думаю, обычная последовательность.

– Да. Но в нашем случае вдовец повторно женился, когда его дети были еще очень малы – младшему было всего четыре года, когда его мать умерла. Так что значимый период их жизни настал лишь годы спустя, когда вторая миссис Лакланд была его женой уже лет пятнадцать. Может, дальше мне рассказать о ней? – предположил адвокат.

– Не важно, о ком именно вы расскажете раньше, – вежливо заметил Пардо. – Вкратце расскажите о детях, и можете переходить к миссис Корнелии.

– Хорошо. Детей было трое – мальчик и две девочки. Эндрю – старший, затем – Джейн и всего на год младше ее была Шарлотта. Когда их отец вторично женился, Эндрю было десять лет, а младшей девочке – около семи.

– Вдовство продлилось недолго? – приподнял бровь Пардо.

⁷ Центральная часть Великобритании (геогр.)

– Нет. Понимаете, – мягко пояснил мистер Ренни, – как я уже сказал, Джон Лакланд тяжело переживал преждевременную утрату первой жены. Думаю, что одиночество вывело его из себя и подтолкнуло к скоропалительному второму браку, – несколько неловко продолжил юрист, бывший холостяком и сомневавшийся в необходимости второго брака.

– Весьма вероятно, – поддержал его Пардо, внезапно проникнувшись симпатией к старому адвокату, проявившему понимание сложных человеческих мотивов. Суперинтендант в то же время задавался вопросом: зачем обсуждать продолжительность вдовства старого Лакланда?

– Для людей (я не говорю о друзьях Джона Лакланда – их у него было мало) было важно не то, почему он снова женился, а кого он выбрал на роль второй жены... – юрист немного смутился. Поскольку миссис Лакланд только что умерла, да еще при таких ужасных обстоятельствах, мне кажется неправильным... знаете, *de mortuis*...⁸

– Мистер Ренни, не беспокойтесь, – заверил Пардо. – Лучшее, что вы можете сделать для вашей покойной клиентки – это рассказать о ней все, что сможете. Узнав о ней как можно больше, мы сможем выстроить картину произошедшего и понять ее отношение к тем, кто сейчас находится под подозрением. Помните, все, что вы расскажете, послужит интересам и живых, и мертвых, а мы с суперинтендантом достаточно хорошо понимаем человеческую природу и не станем воспринимать критику в отношении миссис Лакланд как что-то сказанное со зла.

Инспектор улыбнулся, а Литтлджон подкрепил улыбку подбадривающим пыхтением. Мистер Ренни тоже расслабился.

– Тогда, полагаю, мне не нужно подбирать слова.

– Кроме того, – добавил инспектор, – если то, что я слышал о ней – верно, то миссис Лакланд не посчитала бы этот разговор неуместным.

– Конечно, это так, – поспешил согласиться старый адвокат. – Я уверен, что одной из причин появившегося у нее в последние годы высокомерия, было незримое противодействие окружающих.

Суперинтендант хотел было что-то сказать, но, перехватив взгляд Пардо, промолчал.

– Да, – размышлял адвокат, – почтение и раболепство плохо влияет на эгоцентричных людей. Оно создает что-то вроде мании величия, и человек замыкается на себе. Все было бы не так, если бы они подчинялись миссис Лакланд добровольно и от души. Даже в этом случае не стоило бы доходить до идолопоклонства, но тогда бы в этом не было ничего ядовитого и той сильнейшей неприязни, которую испытывала леди.

Старик сделал паузу, сконфуженно вздохнул и добавил с сухим юмором:

– Боюсь, что «ядовитое» – не самое подходящее определение. – Взглянув сперва на Пардо, а потом на суперинтенданта, он продолжил: – Подозреваю, что вы оба слишком молоды, чтобы припомнить что-нибудь о Корнелии Кроун? Все это осталось в прошлом столетии.

– Она была известной актрисой, сэр? – предположил Литтлджон.

– Нет, – заявил Пардо прежде, чем старик успел ответить. – Но она какое-то время выступала на сцене. – Он обернулся к мистеру Ренни. – Но это другое.

Суперинтендант выглядел озадаченным. Ренни кивнул.

– Вы совершенно правы. Она появилась на сцене в восьмидесятых. Но не претендовала на звание актрисы. Отдавая ей должное, я не думаю, что она когда-либо заявляла о театральном призвании. Ее периодическое участие в спектаклях вызывалось привлекательностью ее имени – оно производило волшебный эффект, нынешнему поколению сложно представить такое.

– Как Гарбо и Гейбл? – усмехнулся суперинтендант.

– Примерно так. Об этом я мало знаю, но полагаю, что существует огромная разница между преклонением теням на экране и тем почтением, которое оказывалось Корнелии Кроун в дни моей молодости.

– Я в этом не уверен, – заметил Пардо. – Но, как бы то ни было, мистер Ренни, продолжайте.

– Ну, в какой бы степени ни преклонялись перед Корнелией Кроун, по крайней мере, шесть-семь лет она была любимицей Лондона, а заодно и провинций, бравших пример со столицы. Она никогда не сталкивалась с неодобрением. На пике ее популярности бытовала фраза: «Кроун не

⁸ Начало фразы «*de mortuis nil nisi bene*» – о мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*)

может ошибаться»⁹. Но... Боюсь, что Корнелия натворила немало дел, который нельзя назвать правильными.

– Откуда она родом? – поинтересовался Пардо.

– Не знаю. Понимаете, она была народной любимицей, а не дамой с родословной. Я часто думаю, что она и Джон Лакланд сошлись из-за того, что оба были выходцами с самых низов. Они нашли общую почву, а нет ничего более крепкого, чем равенство по рождению, так что их внезапный брак не был таким уж неожиданным, как показалось большинству людей.

Но вернемся немного назад: о Корнелии Кроун впервые услышали, когда она позировала Фриску – известному портретисту конца викторианской эпохи. Это было около 1880 года, когда Академии была представлена «Девушка с примулами» – картина, ставшая очень известной благодаря очарованию, невинности и утонченности; невинность каким-то образом способствовала особому шарму. Да, Фриск был великим художником.

– Растратившим свой талант, – добавил Пардо.

– Да. Он писал, угождая текущим нравам, – вздохнул мистер Ренни. – Портреты богатых брокеров, бездельников на ипподромах, пресные женские общества, которым хотелось лишь эффектности... Но он еще не дошел до этой стадии, когда взялся писать Корнелию с большой корзиной белых примул в руках, светом, сверкавшим в ее темных волосах, и чем-то этаким в глазах.

– Я видел картину, – сказал Пардо.

– Конечно. Нет нужды ее описывать, – ответил юрист.

– Я рад, что вы описали ее – таким образом, я словно увидел ее еще раз, – улыбнулся Пардо.

– Вы так любезны! – мистер Ренни покраснел от удовольствия. – Боюсь, что, вспоминая, я могу отклоняться от интересующей вас истории. Говорили о том, что Корнелия была пассивей Фриска. Может, и была, я не знаю. Но нет сомнений в том, что в расцвете славы она завоевала немало сердец. Пэры, политики и актеры ухаживали за ней, конкурируя в борьбе за ее благосклонность. Какое-то время она находилась под протекцией иностранной особы королевских кровей, и какой-то остряк дал ей прозвище «Корона империи», так оно к ней и приклеилось.

– Вот забавно: я прожил почти полвека, причем последние десять лет – в Минстербридже, но не знал и половины из всего этого, – вежливо заметил Литтлджон, поразившийся осведомленности мистера Ренни. Казалось, что он угнетен, как если бы его неведение относительно истории покойной миссис Лакланд отразилось на его официальном положении.

– Суперинтендант, в этом нет ничего странного, – покачал головой старый адвокат. – Дни Корнелии Кроун окончились много лет назад. Вы видели то же, что и все остальные: старую высокомерную леди, у которой, как полагают, когда-то была романтическая история, сделавшая ее заносчивой и деспотичной со слугами. К несчастью, ее жизнь пришлось на тот период, к которому она не подходила, так что вся ее биография стерлась из умов даже тех, кто ее помнит.

Адвокат сделал паузу. Через открытое окно доносилось голоса детворы на игровой площадке.

– Начиная с их первой встречи, – продолжил мистер Ренни, – Джон Лакланд вознамерился сделать Корнелию своей женой. Полагаю, у него хватало способностей, благодаря которым он мог достигать желаемой цели. Он ни перед чем ни останавливался и был крайне привлекателен. Он хотел обладать тем, чего ему хотелось, и чем скорее, тем лучше. А Корнелия Кроун к тому времени настроилась отказаться от былой фривольности и обезопасить себя браком. Ей было уже под сорок. Они поженились в 1896 году, к тому времени она была достаточно проницательна, чтобы осознавать необходимость какой-то стабильности. Джон Лакланд мог ее предоставить. Он был очень богатым человеком, и это было фактором, на который полагалась Корнелия.

Инспектор подался вперед.

– Полагаю, вы можете описать миссис Лакланд как экономную и скупую женщину?

Мистер Ренни замешкался.

– В юности она такой не была. Но, по ее собственному признанию, она всегда была меркантильна, даже во времена своего расцвета, когда ее щедрые расходы вполне покрывались предоставленными ей многочисленными подарками. Такая черта стала основанием для развития

⁹ Игра слов. Фамилия «Crown» переводится как «корона», т. е. символ английской власти.

скупости, и отношение Корнелии Кроун к деньгам начало меняться еще до того, как она вышла замуж за Лакланда. Примерно в то время она начала рассматривать стабильность как самый надежный актив. Это укрепило ее любовь к деньгам, инстинкт к накопительству. Ее эгоизм тоже усилился. В итоге, во времена старости миссис Лакланд все же нельзя было сказать, что она противница расходов, пусть даже экстравагантных – если это ее собственные расходы, потраченные на себя. Думаю, она и в самом деле считала, что все, что может быть потрачено, нужно тратить только на себя. Нет, она не была скрягой, когда дело касалось ее собственного комфорта. Но вот с домашними она обходилась совсем иначе: здесь ее скупость сочеталась с властью, и она призывала к жесткой экономии.

Адвокат говорил спокойно, словно размышляя вслух, с печалью, свидетельствующей о нежелании разоблачать все недостатки покойной леди.

– Но все это было впоследствии, – продолжил он. – Когда она стала женой Джона Лакланда, его дети были еще маленькими. Понятия не имею, как они поначалу относились к мачехе. Вероятно, она мало занималась ими, в то время как их отец был поглощен бизнесом в поисках все большего богатства. Предполагаю, что жизнь нового поколения вращалась вокруг нянь и подготовки к школе. Но когда дети выросли, то начались проблемы. Джон Лакланд говорил мне об их повторявшихся выходках – это ранило его гордость. Но со стороны детей я никогда не слышал... и не хочу утверждать, что роль миссис Лакланд в этих разногласиях была большей, чем у ее мужа или приемных детей.

– Мальчик рано умер, не так ли? – спросил Литтлджон.

– Да. И это не облегчило жизнь остальных. Его смерть омрачила отца, разгневавшегося на судьбу, которая сперва лишила его жены, а теперь и сына, на которого он так рассчитывал. Эндрю был многообещающим мальчиком. Особым любимцем отца. Девочки значили для него меньше. Может, таланты Эндрю были невелики, а возможно, Джон Лакланд, не имея особо образования, был склонен преувеличивать способности своих детей. Как бы то ни было, потенциал Эндрю быстро испарился. В девятнадцать он поступил в Кембридж, а в двадцать он был убит в пьяной драке с хулиганами в притоне. Этому предшествовал ряд инцидентов, штрафов из-за более-менее серьезных правонарушений, и одно неприятное дело, связанное с девушкой из хорошей семьи. Джону Лакланду пришлось постараться, чтобы уладить этот момент, и он не успел бы передохнуть, если бы не смерть Эндрю.

– Накуражился за год, – заметил Пардо. – И где они тогда жили?

– В Лондоне. Они не возвращались в Минстербридж, пока Джон Лакланд не отошел от активного участия в бизнесе – это было пятнадцать лет назад.

– Полагаю, все это сломило старика, сэр? – вставил суперинтендант.

– Нет, не думаю, что это верное описание состояния Джона Лакланда. В данных обстоятельствах смерть Эндрю не сломила его. Она лишь укрепила его настрой не сдаваться, несмотря ни на что. Теперь ничто не могло отклонить его от намеченной цели. Его озлобленный рассудок породил идею, которая создала столько проблем последующему поколению. Он решил позаботиться о том, чтобы оставшиеся дети, две дочери, избежали того разложения, которое погубило Эндрю. Конечно, это не сработало. Даже до войны старомодный патриархальный уклад шел на убыль. Нынешнее поколение посчитало бы дочерей Джона Лакланда бесправными и зажатыми, но даже они не хотели быть рабынями. Для старшей рабство продолжалось пять лет. Джон Лакланд говорил мне, что в течении пяти лет у девушки не было ни одного свободного часа, ни одного посетителя, явившегося без ведома отца. Тот в любой момент мог потребовать, чтобы переписка девушек была не очень активной, впрочем, она такой и не была. Все начиналось со строгого присмотра и окончилось совершенной тиранией, и в... дайте припомнить... в 1911 году Джейн восстала. Она сбежала с нищим актером Уиллом Херншоу.

Суперинтендант явно воодушевился, услышав знакомую фамилию.

– Боюсь, ее отец отрекся от нее, – продолжил адвокат. – Насколько мне известно, она больше никогда не видела его. Хотя, возможно, это из-за того, что бедняжка не прожила достаточно долго, чтобы дожидаться примирения. Избранная ею беспокойная жизнь впроголодь слишком отличалась от уютной золотой клетки, из которой она выпорхнула. Джейн умерла, когда ее дочурке было четыре года, это было во время войны. По причинам, о которых мы можем только догадываться, Джон Лакланд взял ее ребенка.

– А что Херншоу? Он был готов отдать дочь? – спросил Пардо.

– О муже Джейн я не знаю ничего, кроме нескольких очень коротких замечаний, которые я услышал от Джона Лакланда. Как вы можете догадаться, они были весьма уничижительными. Он описывал его как эгоцентричного безумца, женившегося на мисс Лакланд в корыстных целях, а когда этот брак оказался невыгодным, он был готов легко отказаться от любых последствий женитьбы. Таким образом мисс Дженни попала в дом Лакланда.

– Херншоу все еще жив? – слегка нахмурился инспектор.

– Я не знаю, – мистер Ренни выглядел немного удивленно. – Можно сказать, что для Лакландов он всегда был мертв, и поскольку он никогда не пытался с ними связаться, никто в семье его жены не может сказать, что могло с ним случиться. Кажется, я слышал, что во время войны он служил в армии, но не могу сказать наверняка.

– Значит, мисс Квентин – ребенок другой дочери? – спросил Литтлджон.

– Верно. Шарлотте, младшей дочери Джона, должно быть, стало совсем неуютно после бегства Джейн. Как бы то ни было, спустя пару лет, утром она отправилась за покупками и не вернулась, вместо этого прислав лишь открытку из Брайтона. В ней говорилось, что она вышла замуж за юношу по имени Морис Квентин.

– О, да, – вставил суперинтендант, – припоминаю, что слышал, будто мисс Кэрол связана с Квентинами из Лодвейна, что в Бакенгемпшире.

– Вероятно, – подтвердил мистер Ренни и обернулся к Пардо: – Местная аристократия. Морис был младшим сыном и приходился братом нынешнему владельцу поместья. Его побег и женитьба полностью разорвали отношения с родными, точно так же, как произошло и у Шарлотты.

– Когда девушки пошли на побег, они по-видимому, были очень решительны, – заметил Пардо.

– Да. Одна из самых неприятных особенностей тех событий – безразличие детей к шансу примирения с отцом...

– Может, они просто принимали ситуацию такой, как она есть? Понимая, что не могут ничего изменить? – предположил инспектор.

– Возможно. В каком-то смысле брак Шарлотты был еще неудачней, чем у сестры. По крайней мере, Херншоу не обвинялся в жестоком отношении с женой. Квентин был транжирой, считавшим себя обманутым, и мстившим за это Шарлотте. Кажется, единственная услуга, которую он оказал ей – это то, что он внезапно умер еще молодым, перебрав алкоголя.

Лицо старого адвоката приняло суровое выражение.

– Думаю, он довел бедную Шарлотту до того, что она была готова принять любое унижение в обмен на дом. Иначе она, очевидно, поступила бы по примеру сестры и не вернулась бы в отчий дом. Хотя забота о ребенке, конечно, тоже подталкивала ее к этому выбору.

– Удивительно, правда? – Пардо приподнял брови. – Я имею в виду то, что Джон Лакланд смягчился и принял ее обратно.

– Он не смягчился. Он принял ее обратно, но никогда не говорил с ней. Так он мне сказал.

– Вот ужас, – вставил Литтлджон.

– Да. Шарлотта вернулась домой в том же году, когда первая внучка «была спасена», как это называла миссис Лакланд. Она находила в этом временном совпадении что-то дьявольски смешное. Но присутствие падчерицы долго не обременяло ее – через полтора года после возвращения Шарлотта умерла. – Юрист запнулся. – Говорили, что это следствие побоев мужа. Она была хрупкой девушкой. Но жестокость может быть не только физической. Считается, что немного доброты могло бы залечить раны.

– Итак, поскольку обе дочери были вне досягаемости, полагаю, Лакланд принялся за внучек? – спросил Пардо.

– Да, – ответил Ренни. – Когда Шарлотта умерла, они были еще совсем малы: Кэрол не было и трех лет, а Дженни была всего на два года старше. Достаточно юны, чтобы воспитать их по-своему. Дедушка ввел для них режим, соблюдения которого не мог добиться от взрослых дочерей. Он считал, что таким образом он может исправить прошлое, заставив внучек жить той жизнью, которую не смогли прожить его дочери.

– Вы имеете в виду, что он стремился предотвратить вероятность того, что внучки пойдут по стопам родителей.

– Да, возможно, – согласился мистер Ренни. – Эти маленькие девочки жили в своих клетках. А Джон Лакланд не успел увидеть плоды своих усилий. Он прибыл в Минстербридж, когда им было десять и восемь лет, и умер семь лет назад – еще когда они были школьницами.

– Я хорошо это помню, – вставил Литтлджон, бывший рад показать, что хоть что-то знает. – Это было чем-то вроде сенсации, не так ли?

– Да. У него были шикарные похороны. Зрелища такого рода и демонстрация печали в крови у старой леди.

– Конечно, – согласился Пардо. – Минстербридж должен был быть впечатлен тем, что покойный Джон Лакланд так же величествен, как живой, и нужно было показать значимость его вдовы. Что затем случилось с детьми?

– Дженни закончила школу за год до смерти деда. Кэрол все еще училась в монастырской школе к северу от Лондона, но ее вернули домой для присутствия на похоронах, и к учебе она не вернулась.

– А завещание Джона Лакланда? – поинтересовался суперинтендант, который больше не мог сдерживаться. – Полагаю, бабушка осталась единственным опекуном девушек?

– Я подхожу к этому, – ответил мистер Ренни. – Одно мгновение, – он встал и прошел в маленькую комнатку за коридором.

Глава 8

Я, Джон Лакланд...

Нет у меня наследника, кроме тебя
И все же не тебя, ведь своенравный дух
Влечет тебя прочь от моей любви.

Томас Деккер «Праздник башмачника»

Само завещание хранилось в офисе. Однако специально для полиции мистер Ренни подготовил его краткое содержание, чтобы не полагаться только лишь на свою память.

Он вернулся с бумагой в руках, сел и поделился подробностями, которые жаждал услышать суперинтендант. Они оказались малочисленны, но ценны, как и предполагал инспектор Пардо. Джон Лакланд изложил свою последнюю волю просто и ясно.

– Ему не нравились сложности и уточнения, – пояснил мистер Ренни и со вздохом добавил: – Боюсь, он не ценил тонкости юридической науки. Однако его деловая хватка и склонность к прямоте не позволили ему допустить ошибок.

Пардо улыбнулся.

– Отойдя от дел, он полностью продал всю свою долю в бизнесе, – продолжил мистер Ренни. – Так же и с завещанием: оно полностью лишено изменений или дополнений. Оно сразу же было написано в окончательном варианте. Все его наследство переходило к вдове, которая должна была жить на доход от основного капитала. После его смерти примерно семь лет назад и до сих пор она распоряжалась процентами от суммы в 435.000 фунтов. Да, очень приличные деньги, – добавил Ренни, увидев выражение инспектора, – даже несмотря на низкий процент, она ежегодно получала около 16.000 фунтов. Как я уже говорил, доход доставался только миссис Лакланд. Но она не могла контролировать сам капитал – он должен был перейти внукам, мисс Херншоу и мисс Квентин. В конечном итоге, после смерти миссис Лакланд, они должны стать наследницами, но с соблюдением двух условий...

Адвокат сделал паузу, интригуя слушателей.

– И в чем же условия? – спросил Пардо.

– Они не должны выходить замуж без согласия миссис Лакланд. А также они не должны устраиваться на работу без ее согласия.

– Было ли установлено ограничение по времени для опекунов? – поинтересовался Пардо. – Я имею в виду, могут ли девушки по достижению определенного возраста получить свободу действовать по своему усмотрению, не рискуя потерять наследство?

– Нет. Это условие распространяется на весь срок жизни миссис Лакланд.

– Ну и ну! Что за человек! – воскликнул суперинтендант Литтлджон. – Это гарантирует убийство... – здесь он остановился, чтобы не сказать лишнего.

– Так что, фактически, бабушка держала девушек под контролем, – заключил Пардо.

– Ну, да, – признал мистер Ренни. – То есть их деятельность ограничивалась желаниями миссис Лакланд.

– А их доход в течении жизни миссис Лакланд? Им полагались какие-либо выплаты?

– Боюсь, что нет. Джон Лакланд переложил заботу о них на миссис Лакланд. Возражать было бесполезно. Он настроился на то, чтобы у внучек не было «ненадлежащей свободы».

– И далеко ли заходила миссис Лакланд?

– Боюсь, что да. Но всем руководила она, а не я, так что не могу сказать наверняка. Несколько раз она упоминала, что выдает им «карманные деньги». Думаю, что сумма зависела только от ее настроения.

– Ясно, – Пардо какое-то время обдумывал следующий вопрос. – Мисс Херншоу и мисс Квентин получили бы по двести тысяч фунтов после смерти старушки, если бы при ее жизни не шли ей наперекор, что касается брака и места работы. Я хотел бы знать, были ли девушкам известны условия завещания? Суперинтендант считает, что это не так.

Мистер Ренни покачал головой.

– Они не знали. Их дедушка особенно подчеркнул, что им не следует сообщать, что они будут выгодоприобретателями. Думаю, что Джон Лакланд хотел, чтобы, не зная всего, внуки считали себя полностью зависимыми от доброты миссис Лакланд. Он и сам вводил их в заблуждение. Когда он умер, они были еще детьми, и крайне маловероятно, чтобы при его жизни они смогли услышать хоть что-то о завещании. Нет, он хотел, чтобы они ничего не знали, пока не умрет миссис Лакланд.

– Значит, он предпочел жить или умирать, обманув их?

– Я не защищаю его мораль, – немного покраснел мистер Ренни. – Моральная сторона вопроса не имеет ко мне никакого отношения. Факт остается фактом: старик считал, что его внуки будут более послушны, если не будут знать, что в итоге получают независимость.

– И никто из девушек не пытался выяснить этот вопрос? – прямо спросил инспектор.

– Сложно сказать, инспектор, – промямлил мистер Ренни. Он казался немного подавленным.

– Ох, бросьте, – небрежно ответил инспектор, – вы же не хотите сказать, что в данных обстоятельствах девочки могли вырасти, никогда не обсуждая собственное будущее? Они ведь были достаточно взрослыми, чтобы понимать: их дедушка был очень богатым человеком.

– Да, конечно, они знали это, – в голосе адвоката появился оттенок возмущения. – Но, инспектор, я не могу ничего вспомнить о характере разговоров. Могу вас заверить, при мне мисс Квентин никогда не упоминала о собственных ожиданиях от будущего, а мисс Херншоу только раз затронула эту тему.

– Это уже кое-что. Когда и что сказала мисс Херншоу?

– Это было около года назад, – неохотно ответил юрист. – Я был у них в саду с обеими девушками, и мисс Кэрол пошутила насчет составления ее завещания. Беседа была несерьезной. Я заметил, что мисс Дженни притихла, а через минуту она обернулась ко мне и спросила о их положении в будущем. Вот и все.

– Понятно, – Пардо казался незаинтересованным. – Вы можете точно вспомнить ее слова?

– Это сложно, – ответил мистер Ренни. Он задумался, – Думаю, она спросила так: «Кстати, о завещаниях, вы знаете, что нас ждет после смерти бабушки?». Это был довольно прямой вопрос, но Дженни всегда была такой. Я ответил, что ей не стоит беспокоиться, ведь что-то в нем написано. Это было все, что я мог сказать.

– Спасибо. То, что вы рассказали, может быть полезно. Нет, – добавил он, заметив выражение лица адвоката, – это не помогло мне составить мнения о самой мисс Дженни, но зато дало представление о том, в какой степени девушки не знали содержание завещания. А как отреагировала мисс Кэрол?

– Думаю, она была удивлена. Затем рассмеялась и сказала, что ожидала, будто их будут кормить вороны¹⁰. Но она не стала давить на меня, чтобы получить информацию, которую я не мог дать.

– Конечно, – рассеянно ответил Пардо. Его следующие слова касались другого вопроса. – Вернемся к личной собственности миссис Лакланд. Насколько я понял, у нее был собственный капитал, ведь она хотела увидеться с вами по поводу своего завещания, а значит, у нее были деньги.

– Да, – подтвердил мистер Ренни. – У нее было от пятнадцати до шестнадцати тысяч фунтов. Она могла ими распорядиться по собственному усмотрению. И это давало ей власть, – со вздохом добавил адвокат.

– Она часто меняла завещание? – спросил Пардо.

– Она переписывала его пять раз. К сожалению, она часто говорила о том, что собирается изменить завещание, не уточняя разницы между собственными средствами и доходом от имущества покойного мужа. Это могло путать тех, с кем она говорила.

– Точно. Вы можете вспомнить основные условия разных версий завещания?

¹⁰ Ссылка на библейское повествование о том как оставшегося без пропитания пророка Илию кормили вороны, принося ему хлеб и мясо. (3 Царств 17:1-6).

– Несколько лет назад миссис Лакланд написала завещание, согласно которому вся ее собственность должна была перейти Дженни – по крайней мере, в то время та считалась ее любимой внучкой. Но вскоре она написала новое завещание, распределив деньги между двумя девушками, а также оставив около тысячи фунтов своей компаньонке, мисс Буллен. Последующие изменения либо оставляли всю сумму кому-то одному, либо распределяли ее между тремя, и сопровождалась угрозами завещать все какому-либо благотворительному заведению. Впрочем, до последнего никогда не доходило.

Суперинтендант Литтлджон насторожился.

– И каковы же условия последнего завещания, сэр? – спросил он. – Я имею в виду завещание, действующее на момент смерти миссис Лакланд.

– Оно более или менее соответствует второму завещанию, за исключением того, что теперь мисс Буллен получает 750 фунтов, а также в нем предусмотрены небольшие выплаты слугам, прослужившим не менее семи лет на момент смерти миссис Лакланд – а это исключает всех, кроме дворецкого и поварихи, остаток же суммы распределялся поровну между Дженни и Кэрл – по семь тысяч каждой.

– Мистер Ренни, есть ли у вас представления о намерениях миссис Лакланд в отношении нового завещания, которое она собиралась составить на этой неделе? – вставил инспектор.

– Да, – быстро ответил юрист. – То есть я знаю, о чем она говорила, когда я навещал ее почти три недели назад. Ей тогда было намного лучше, но она еще не спускалась в гостиную. Тогда она как всегда уверенно заявила, что смогла «взглянуть на мир, как он есть», и намерена вычеркнуть из завещания всех домашних, сделав единственным наследником доктора Фейфула.

Мистер Ренни не смог добиться ожидаемого им переполоха.

– Вы были удивлены ее решением? – спросил Пардо.

– Да. Хотя нужно признаться, я должен был привыкнуть, что капризы миссис Лакланд могут в любой момент обернуться самым неожиданным образом. Не то, чтобы я был изумлен тем, что миссис Лакланд захотела учесть способности и услуги доктора по восстановлению ее здоровья, или тем, что по новому завещанию Дженни и Кэрл не должны были ничего получить – ведь миссис Лакланд знала, что после ее смерти они унаследуют имущество ее мужа. Но меня поразило то, что она пожелала оставить все доктору, совсем ничего не оставив компаньонке. Ведь несмотря на всю жесткость и капризность миссис Лакланд, я считал ее справедливой женщиной.

– Мистер Ренни, вы тогда как-нибудь прокомментировали ее намерения? – спросил инспектор.

– Очень коротко. Я напомнил ей о мисс Буллен, полагая, что миссис Лакланд может исправить упущение, но та лишь рассмеялась и заявила, что мисс Буллен прекрасно знает, как позаботиться о себе. Я ничего не ответил, ведь я верил, что миссис Лакланд вскоре может переменить мнение и распределить деньги иначе.

– Резонный вывод, – кивнул Пардо. – Но, кажется, на этот раз старушка настроилась решительно: доктор Фейфул сказал нам, что в последний день своей жизни она упоминала о том, что оставит ему все свои деньги.

Адвокат приподнял бровь.

– О, я не знал этого, – заметил он и словно собирался что-то добавить, но промолчал.

Глава 9

Звезда из Челси

Ну, обвинять, не предъявив улик, немного стоит.

*Отелло*¹¹

На следующий день Пардо отправился в Лондон, чтобы увидеться с Яном Карновски. Дознание было назначено на понедельник, но это была лишь формальность, так как полиция намеревалась попросить отсрочку на уточнение обстоятельств.

Хотя сейчас Карновски и был без работы, вряд ли его можно было легко застать дома, но несмотря на это, инспектор решил попытаться прийти внезапно, не оповещая его заранее о грядущем визите полиции. Приближаясь к вокзалу Виктории, инспектор размышлял о том, что сейчас он увидит разницу между кинозвездой на экране и тем же человеком, но при выключенной камере. Сам инспектор хоть и был нечастым посетителем кинотеатров, но все же невольно восхищался игрой Карновски в тех немногих фильмах, которые он видел. Уравновешенность и умелое мастерство, скупые жесты, тем не менее намекавшие на скрытую необузданность нрава – все это привлекало Пардо, ведь он восхищался утонченностью, в чем бы она ни проявлялась. Также он удивлялся актерскому таланту, позволявшему полностью вжиться в роль, но при этом не теряя личного обаяния, за демонстрацию которого так охотно платила публика. Фильм о Лоренцо Медичи. И поклонники Карновски смогли насладиться игрой своего кумира, и историки не смогли придираться ни к каким неточностям в том, как изображен великий флорентинец. Даже русский фильм, Пардо забыл его название, стал триумфом – несмотря на бессвязный сценарий и явную наигранность, польский актер смог получить похвалу от требовательных критиков.

Размышляя об этом, Пардо не мог дожидаться встречи, предполагая, что под маской артиста он обнаружит человека совсем другого склада.

Оказавшись на вокзале Виктории, инспектор взял такси до Тайт-сквер. Горячий воздух, скопившийся между землей и небом, не смог помешать легкому бризу с набережной обдаться сквознячком узкий вход на площадь. Здесь, в двух шагах от Оукли-стрит, располагался квартал долговязых домов с металлическими изгородями, милый и уютный, все еще не поверженный последний оплот викторианства.

Дом под номером 110 стоял в середине квартала и сверкал латунью. Как и многие соседние дома, он переживал метаморфозу, превращаясь из фамильного особняка в дом на несколько квартир. Карновски занимал одну из них на третьем этаже. Конечно, здесь не было лифта, и инспектор добрался до жилища актера при помощи лестницы. Он позвонил в дверь, и долго ждать ему не пришлось. Низкорослый слуга с плутовской торжественностью кокни взял визитную карточку Пардо и исчез на полминуты. Удача улыбнулась инспектору. Мистер Карновски был дома, так что не может ли мистер Пардо пройти внутрь?

Пардо вошел в гостиную. Она казалась на удивление большой – особенно по сравнению с липипутским холлом. Он был обшит серыми панелями, и за исключением роскошного ковра, был обставлен со скромностью и сдержанностью – в них выражался дух мужественности, прибегающей к комфорту только из кокетства. На глаза инспектору попался прекрасный пейзаж Мэтью Смита, но прежде чем он успел насладиться видом, в зеркале над письменным столом он заметил отражение входившего в комнату Карновски.

Двое мужчин осмотрели и оценили друг друга. Пардо быстро понял, что у его сомнений не было никаких оснований. Сила и, возможно, утонченность этого человека были неизменны. Они вовсе не походили на плащ, который можно одевать или же снимать по усмотрению актера.

– Инспектор Пардо, пожалуйста, садитесь, – пригласил Карновски. Говорил он медленно и с выраженным акцентом, словно подчеркивая каждое слово. Но даже не слыша его голос, в нем

¹¹ Перевод Б.Н. Лейтина

было легко узнать иностранца. Инспектор присмотрелся к четким чертам лица, глубокому лбу, суровым, но чувственным линиям рта и темным, умным глазам. Очарование, которое испускал этот человек, объясняло, как он смог очаровать мир.

Карновски спокойно ждал, что скажет ему инспектор.

– Я пришел по поводу смерти миссис Лакланд из Минстербриджа, – начал Пардо. После вступительной фразы он сделал паузу, но невозмутимое выражение лица актера ничуть не изменилось. – Полагаю, вы знаете, что она умерла в четверг утром.

Карновски был серьезен.

– Да. Я знаю, что два дня назад умерла миссис Лакланд. С этим что-то не так? Разве она умерла не от болезни?

– Миссис Лакланд была отравлена, – прямо ответил полицейский.

Инспектору показалось, что на лице актера промелькнуло какое-то чувство. Но он не выглядел изумленным.

– Ах! – серьезно выдохнул он. Внезапно актер протянул руку к звонку. – Мистер Пардо, не желаете кофе?

Улыбнувшись, Пардо покачал головой.

– Нет, спасибо. Я поздно завтракал.

Актер никак не прокомментировал отказ, и прежде чем гость успел что-либо сказать, Карновски продолжил беседу с того места, на котором она оборвалась.

– Это было отравление, – осторожно сказал он голосом, в котором не было никакого выражения. – Это плохо. Но почему вы пришли ко мне?

– Мистер Карновски, моя работа заключается в том, чтобы увидеться со всеми лицами, так или иначе связанными с семьей покойной, – ответил инспектор. – Насколько я понимаю, вечером накануне смерти миссис Лакланд вы были гостем в их доме?

– Да, – быстро ответил Карновски. – Но я не виделся с миссис Лакланд. А когда я уходил, еще ни у кого не было и мысли, что она больна.

– Я понимаю. Но, в то же время, все, что вы сможете рассказать, может оказаться полезным. Например, нам нужно проверить время, когда кто-либо приходил и уходил – чтобы выяснить промежутки времени, когда члены семьи были вместе. Буду признателен за любую помощь.

– Конечно, я расскажу все, что смогу. Но, думаю, от моих слов будет мало проку. Инспектор, дайте минутку.

Как только Пардо собрался заговорить, Карновски протянул руку, жестом останавливая его. Инспектор тут же заметил сочетание силы и утонченности в руках актера – так часто демонстрируемое в кинокадрах изящество.

– Не знаю, что вы имеете в виду. «Промежутки времени, когда члены семьи были вместе», – процитировал он. – Вы считаете, что кто-то из домашних дал старой леди яд?

– Это именно то, что должна выяснить полиция, – ответил Пардо. Он увидел трепыхание ноздрей Карновски и огонь в его взгляде и добавил: – Выяснив это, мы надеемся доказать невиновность членов семьи.

– Да, я понимаю. Но это ужасно. Предположим, вы узнаете что-то, из-за чего невинный человек окажется обвинен? Или нет, в Англии такого не может случиться?

Он внезапно так дружелюбно улыбнулся, что Пардо растерялся, не зная стоит ли искать в вопросе подвох.

– Мы все перепроверим. Мистер Карновски, пожалуйста, расскажите, во сколько вы прибыли в дом.

Актер собрался с мыслями.

– Ужин начался в половине восьмого. Я успел на десять минут раньше. Значит, можно сказать, что я вошел в дом в семь двадцать.

Пардо сделал пометку в блокноте.

– А как? На машине или на поезде?

– На машине.

– Вы подъехали к дому? – Пардо пристально посмотрел на актера.

Актер ответил ему таким же пристальным взглядом и легкой улыбкой.

– Умно. Нет, я не подъезжал к дому. Я отправился на Ривер-стрит, это неподалеку, и поставил машину в гараж Кэппера. Потом я пешком прошел к дому.

Пардо кивнул и записал адрес гаража – еще один пункт в программе рутинных проверок. Инспектор был уверен в том, что Карновски не рискнул бы привлечь внимание миссис Лакланд, подъезжая прямо к дому и паркуясь там.

– Я предполагал, что все примерно так и было, – заметил инспектор. – Во сколько вы ушли из дома?

– С точностью до минуты не вспомню. После десяти. Но, думаю, ненамного. Дворецкий должен запирать все двери в десять. Я знаю, что ушел после десяти, так как для меня пришлось отпирать выход.

– Ясно. Не хочу, чтобы мои вопросы показались неуместными, но мне бы помогло, если бы вы смогли сказать, как и в какой компании вы проводили время после ужина.

– Должен заметить, что ваш вопрос очень прямой. Вы что, подозреваете меня?

Простодушность вопроса заставила Пардо отбросить официальный тон. Полицейский улыбнулся.

– Не раскрою большой тайны, сказав, что на данном этапе следствия я подозреваю всех и, в то же время, никого конкретного. Можете быть уверены – до сих пор не произошло ничего такого, что заставило бы меня подозревать именно вас. Подозрение может на вас упасть, только если вы откажетесь сообщить мне то, что я хочу знать, (а вы, конечно, можете и отказаться, если хотите).

Пардо внезапно почувствовал низостью то, что он косвенно подталкивает человека, который, очевидно, не понимал всей сути его замечаний. Однако Карновски словно не понял скрытую угрозу и ответил прямо:

– Но я ничего не скрываю. Все было очень просто.

Как он и сказал, все было очень просто. Это подтверждало показания девушек о тихом вечере, прошедшем за беседой. Но Пардо был разочарован тем, что Карновски не мог ни назвать время, в которое Кэрол оставила его с Дженни и поднялась наверх, ни сказать, как долго она отсутствовала. На первый взгляд казалось, что он честно пытается вспомнить, а затем одарил Пардо своим проницательным взглядом и стал скрытен. «Я не знаю. Не могу вспомнить», – вот и все, что он сказал. Быстро осознав ситуацию, инспектор снял этот вопрос.

Пардо получил интересный факт, задав вопрос, находился ли актер хоть какое-то время вне гостиной. Да. Около половины десятого или, может быть, чуть позже он подымался в ванную. Он провел там пять минут. Да, он знал, где находится ванная, ведь он уже бывал в доме, но он и не подозревал, что спальня миссис Лакланд находится совсем рядом с ванной комнатой.

– Я никогда не знал, какую комнату занимает миссис Лакланд, – он утверждал это так возмущенно, что в его словах появился комический оттенок. – Я никогда не видел миссис Лакланд. Я никогда не говорил с ней.

«Не удивительно, что старая леди так возражала против этого юноши, – подумал Пардо, – ведь внуки даже не потрудились их хотя бы формально познакомить».

– Значит, вы никогда не встречались с миссис Лакланд? – спросил инспектор, даже не пытаясь скрыть удивление.

– Никогда. Она бы этого не захотела. Я знаком с мисс Херншоу и мисс Квентин с Нового года, то есть еще с тех пор, когда их бабушка еще не заболела, но она тогда не хотела меня видеть. А затем, когда она заболела, то не выходила из своей комнаты. Даже когда ей стало лучше. Поэтому, когда пришел к ним, я не видел миссис Лакланд.

Возбуждение в голосе актера сделало его речь несвязной. Пардо заинтересовался и ожидал услышать что-нибудь новое. Но зря. Карновски либо взял себя в руки, либо решил, что английский язык не может выразить его эмоции. Он замолчал, и Пардо воспользовался возможностью задать следующий вопрос:

– Мистер Карновски, вы знаете, почему миссис Лакланд отказывалась увидеть вас?

Его спокойный тон был оплачен той же монетой. Актер, жестикуляция которого вне экрана была точно такой же, как и на экране, пожал плечами в своем стиле – легким, но красноречивым жестом.

– Она была безумна, – ответил он низким голосом. – Ей был нужен... – актер подбирал нужное, но позабытое им слово, – ей был нужен психиатр. Она не молода, и поэтому она не хочет, чтобы

внучки были молодыми. У нее есть деньги, и она хочет выстроить их жизни, а затем – поломать их, – актер вдруг широко взмахнул руками, это был его самый красноречивый жест из тех, что видел Пардо. Карновски словно что-то выстроил и тут же разрушил. Он взглянул на инспектора: за исключением сверкающих глаз, лицо актера было бесстрастно. – Они не должны встречаться с мужчинами. Они не должны ни с кем встречаться, ведь сама она больше не молода, – безжалостно сказал он, тщательно подбирая слова, чтобы обойти подводные камни неродного языка.

– Понятно, – ответил Пардо. – Это одинаково относилось ко всем друзьям, которых хотели завести мисс Херншоу и мисс Квентин? А можете ли вы назвать какую-либо особую причину, из-за которой миссис Лакланд питала неприязнь именно к вам?

Пардо не мог сказать, почему он ожидал отрицательного ответа. Но вместо этого Карновски заявил:

– Да. Для этого были очень веские причины. Миссис Лакланд сама была великой актрисой... – Пардо не смог определить нет ли во фразе иронии, – а я, я играю в кино. – Актер улыбнулся. – Это одна из причин, почему она выставила меня за дверь. Но все хуже. Я был женат, а сейчас – разведен. Старики становятся такими правильными, когда стареют. Поэтому я не должен был даже разговаривать с мисс Херншоу.

Пардо впервые услышал, что Карновски, оказывается, был женат. Он не понимал, как его семейное положение может влиять на взаимоотношения с Лакландами и стать дополнительным фактором для неприязни к нему со стороны покойной. Если она и впрямь не изменилась и оставалась такой же, как и была в юности, то она не могла предъявить ему какие-то моральные упреки. Но это, конечно, могло быть хорошим предлогом для того, чтобы отказать ему в праве посещать дом.

– Безусловно, если старушка становится таким строгим опекуном, как миссис Лакланд, на то есть причины, – Пардо замешкался. – Вы не возражаете рассказать, как долго длился ваш прежний брак, и живет ли ваша бывшая жена в Англии?

Карновски не возражал, но явно удивился такому вопросу. Актер считал, что все вокруг и так знают о его семейной жизни даже больше, чем он сам.

– Вы этого не знаете? Моей женой была Фидела Люк. Думаю, вы знаете, кто это?

Пардо знал. Как в Старом, так и Новом Свете она была самой известной киноактрисой, за исключением лишь Греты Гарбо, но, в отличие от последней, Фидела была не столь молчалива¹².

– Мы нравились друг другу, – заметил Карновски. – Но жить вместе – нет. Мы расстались через год или два. Она никогда не была в Англии. Голливуд, Нью-Йорк, Париж – да. А здесь – нет.

Актер отрицал пребывание здесь экс-супруги с пылким самодовольством, сам-то он почтил Англию своим присутствием, подумал Пардо.

– Ну, не думаю, что тот ваш брак может оказать влияние на проводимое мной расследование. Если он как-то и связан с этим делом, то лишь тем, что помог усилить сопротивление миссис Лакланд против вашей дружбы с ее внучкой.

Он еще говорил, а его мысли уже мчались по новому руслу. Если старушка сделала развод Карновски непреодолимой причиной против его брака с Дженни, то здесь появлялся сильный мотив для убийства. Все остальное можно преодолеть при помощи шарма и решительности Карновски, даже имея дело с таким сильным характером, как у миссис Лакланд. Но когда дело касается расторгнутого брака, то здесь ничего нельзя ни изменить, ни исправить, раз уж старушка четко обозначила свою позицию по этому вопросу. Пардо уже не в первый раз задумался: а как у актера обстоят дела с финансами? Инспектор знал, что дорогая обстановка и материальные признаки благополучия часто оказываются обманчивы. Не так ли и у Карновски?

Внезапно встретившись с актером взглядом, Пардо прервал свои размышления. Черт возьми, должно быть парень обладает шестым чувством! Карновски неожиданно эмоционально воскликнул:

¹² За исключением самых ранних лет своей кинокарьеры, Грета Гарбо редко давала автографы, избегала публичных мероприятий, не присутствовала на премьерах своих фильмов, не отвечала на письма фанатов и не давала интервью.

– Вы, должно быть, думаете, что мне не жаль, что миссис Лакланд умерла? Что я, возможно, даже рад? Ну, это правда. Как и то, что я не хотел бы, чтобы она ожила.

Эти слова были произнесены не то, чтобы грубо, скорее, с просчитанной горечью, что лишало их той импульсивности, которую Пардо смог бы оправдать.

– Мистер Карновски, это ваше собственное признание, – спокойно заметил инспектор. – И это не означает, что я предполагал, что вы рады.

Прежде, чем актер успел ответить, полицейский продолжил:

– Можете ли вы вспомнить о каких-нибудь событиях того вечера, о чем-то сказанном, произошедшем или даже не произошедшем, о чем-то таком, о чем, по вашему мнению, стоило бы сообщить? Не думайте, что ваши слова могут на кого-то бросить тень подозрения. Они с тем же успехом могут развеять подозрения.

Карновски выслушал его с некоторым высокомерием. Пардо казалось, что тот возмущен тем, что после его откровенности ему было уделено столь незначительное внимание.

– Я рассказал все, что знаю. Это было в другой вечер.

– Возможно, в прошлую пятницу? – переспросил инспектор.

– Да, – актер с типичной для него мимикой поднял бровь. – В прошлую пятницу. После того, как я узнал, что миссис Лакланд очень рассердилась моему пятничному приходу. Она не желала, чтобы я проходил в ее дом, так же сильно, как и не хотела меня видеть. Но, понимаете, я не отказываюсь от друзей только потому, что старая леди не хочет меня видеть.

– Разве вы не могли выбрать для встречи другое место?

– Нет. Во время болезни миссис Лакланд мисс Херншоу и мисс Квентин не могли покидать дом более чем на полчаса, к тому же они вовсе не могли уходить вместе. Старуха вызывала их. Постоянно вызывала их. Если ей не отвечали, то она звонила снова и снова. Это держало их в доме, понимаете?

Пардо понимал. И он не сомневался в правдивости слов актера. Дом Лакландов превратился в надежную тюрьму, а в подобном месте вполне может произойти задуманное и осуществленное убийство.

– Насколько я понимаю, в среду у мисс Буллен был свободный вечер. Вы не знаете, вернулась ли она до того, как вы ушли?

– Нет, – ответил Карновски. – До моего ухода она не возвращалась. Или же я не слышал, как она пришла.

Пардо был удивлен тому, что последний ответ был столь осторожен. Вероятно, это была уступка формальному требованию фактов. Но это никуда не приводит, подумал он, как вдруг Карновски снова заговорил.

– Здесь есть кое-что, о чем вы, возможно, хотели бы узнать, – то, как актер это сказал, заставило Пардо почувствовать себя маленьким любопытным мальчиком, которому не терпится узнать секрет. – До сих пор я не задумывался об этом. Но сейчас мне кажется, что в этом было что-то странное, ведь это произошло дважды: и когда я прибыл, и когда уходил.

– Да? – заинтриговано спросил сыщик.

– Около дома я видел человека, он словно чего-то ждал. Он был там оба раза.

– Близко к дому? Расскажите, как это было.

– Первый раз – когда я открыл калитку и пошел по дорожке к дому. Кто-то, уходивший от дома, прошел мимо меня. Позже я не вспоминал об этом. Когда около десяти вечера я уходил, я свернул в сторону Ривер-стрит, и там снова был тот человек. На этот раз стоял, прижавшись к изгороди. Увидев меня, он пришел в движение и довольно быстро зашагал впереди меня. Но не к Ривер-стрит, нет. Он свернул влево, через площадь.

Карновски сделал паузу, и, воспользовавшись ей, Пардо спросил, каким образом вторая встреча побудила актера изменить мнение о первой.

– Я увидел его второй раз, – ответил тот. – И это заставило меня вспомнить первую встречу. И я задумался о том, что тогда, в первый раз, он не мог выйти из дома – иначе, входя в калитку, я бы услышал, как за ним закрылась дверь. Но я не слышал ничего подобного. Все выглядит так, словно он пришел в движение, заметив, что я иду, – актер нетерпеливо вздохнул от неспособности подобрать слова, чтобы лучше выразить мысль. – Понимаете? Словно он какое-то время чего-то ждал, но я и не думал об этом, пока не увидел его во второй раз.

– Но он мог выйти из дома за минуту до того, как появились вы, и просто задержаться у тропинки.

– Да-а, – нерешительно признал Карновски. – Но я так не думаю. Кажется, он стоял лицом к дому, но как только я открыл калитку, он вдруг развернулся и пришел в движение – точно так же, как и второй раз, ночью.

– Вы уверены, что это был один и тот же человек?

– Да, – удивленно ответил Карновски. – Здесь не может быть сомнений.

– Я спросил это, так как вы упомянули, что в первый раз не обратили на него особенного внимания. Не можете ли описать этого человека?

– Не вполне, – честно ответил актер. – Я ведь его особенно не рассматривал. Он был невысок и, думаю, одет в темное. Носил мягкую шляпу, надвинутую на лицо, и к тому же быстро шел, опустив голову. – Карновски изобразил эту позу. – Та же самая шляпа, та же самая манера, та же самая походка, что и у человека на дороге. Поэтому я знаю, что это один человек.

– Это был бродяга?

– Нет. Я особенно не присматривался, но думаю, что он был немного безвкусно одет. Но несмотря на это, будь он попрошайкой, мог бы дважды воспользоваться возможностью просить подаяние, но он не сделал ничего подобного, – заключил Карновски.

Пардо согласился с выводом. Но во всем этом было что-то, что он хотел бы обдумать. Полицейский встал.

– Мистер Карновски, спасибо, – поблагодарил он в то время, как актер тоже поднялся. – Сказанное вами может оказаться чем-то важным. Возможно, занятия того незнакомца и были невинны, но в том, что он присутствовал поблизости в течении трех часов, конечно, есть что-то странное. Сейчас я вас покину, но если возникнет необходимость, мне бы хотелось, чтобы мы могли с вами связаться.

Карновски не удивился этому и оставил номер своего телефона, и упомянул, что сейчас он не занят на съемках. Вместо того, чтобы вызвать слугу, он самостоятельно проводил инспектора в маленький холл.

Одевая шляпу, Пардо обернулся к актеру и внезапно спросил:

– Кстати, о смерти миссис Лакланд вы узнали от мисс Херншоу?

– Да. Она позвонила мне в четверг днем.

Пардо кивнул. Не обращая внимания на ответ, он тут же задал второй вопрос:

– Мистер Карновски, вам когда-либо посылали анонимные письма?

Спросил он словно невзначай, но тем не менее внимательно присмотрелся к реакции актера. Он заинтересовался ею, но решил, что Карновски просто сомневается в значении слова «анонимный».

– Я имею в виду письма без подписи, – пояснил сыщик.

– О, я знаю, – ответил актер. – Разоблачающие письма. Нет, мне такие не приходили. А должны?

– Мы надеемся, что нет, – весело ответил Пардо и удалился.

Некоторые фрагменты беседы он нашел интригующими. Личность Карновски сама по себе могла превратить рутинный опрос в нечто выдающееся, но помимо этого, в рассказе о вечере среды были эпизоды, над которыми инспектор мог поразмыслить по пути в Минстербридж.

Почему для Карновски стал новостью тот факт, что миссис Лакланд была отравлена? Ведь он признавал, что ему стало известно о ее смерти еще в четверг днем. Сообщившая ему об этом Дженни знала обо всем после разговора с доктором, и было невероятно, чтобы она навела Карновски на мысль, будто ее бабушка умерла от естественных причин. Даже если при первом разговоре Дженни была очень лаконична, то за последующие два дня она должна была дополнить информацию. Пардо не верил в неведение актера, но и не мог понять то, как быстро Карновски согласился с тем, что произошло убийство. Он ни разу не предположил, что это могло быть самоубийство, но озвучил подозрение, что отравителем мог быть кто-то из домашних.

Инспектор не поверил в рассказ о следившем за домом незнакомце. История была слишком театральна. И Карновски поведал ее слишком поздно, так что она не выглядела спонтанной. Она казалась искусственной, словно трюк, заполняющий перерыв между двумя номерами в шоу.

Предоставил ли Карновски эту мелодраму лишь в качестве приманки для отвлечения внимания полиции?

Но, в любом случае, являются ли показания актера правдой или вымыслом, присмотреть за ним стоит, решил Пардо.

Глава 10

Тень над семейством

Кажется, твое лицо в смятении!

Не меньше чем судьба, что ты мне предрекаешь:

Ты в трепете и дрожи! Твоя кровь стынет в жилах!

Томас Отуэй «Спасенная Венеция»

Эмили Буллен уселась на стуле в такой неудобной позе, что сержанту Солту захотелось ее поправить. Из-за этой позы она казалась более вялой и безрадостной, чем обычно, но жесткость, с которой она встретила взгляд сержанта, остановила его.

Двое детективов и мисс Буллен находились в той самой маленькой гостиной, в которой три дня назад доктор Фейфул беседовал с Дженни и Кэрл. Вернувшись от Карновски, Пардо пообедал и отправился к Лакландам – поговорить с семьей и особенно с Эмили Буллен, которая до сих пор избегала встреч с полицией. Их встретила мисс Херншоу. Мисс Квентин отсутствовала. Она должна вернуться к чаю. Пардо бегло осмотрел спальню, в которой умерла миссис Лакланд, а также соседние комнаты. После этого он захотел увидеть мисс Буллен.

Инспектор опасался женских истерик и побаивался начинать опрос компаньонки. Но, к удивлению обоих детективов, она хотела дать показания так же сильно, насколько они хотели взять их. Она вошла с деланным спокойствием, и если Пардо оно не обмануло, то Солт решил, что сообщения о ее недавней истерике были явным преувеличением. Теперь она пристально присматривалась к полицейским, прежде чем приступить к разговору.

Пардо, в свою очередь, наблюдал за ней и размышлял о том, насколько внимателен ее взгляд. Безвкусное платье, которое она носила, заставило его подумать о контрасте между красотой дома и истерзанным видом его обитательниц. Даже Дженни, молодость которой маскировала атмосферу этого места, была словно одета во что-то древнее, но неумело перешитое под современный стиль. Она словно ожидала траура, решил инспектор.

Эмили Буллен начала говорить. Она теребила предмет, вид которого развеселил сержанта. «Это то, что они называют ридикюлем», – решил он. Бархатное нечто было зашнуровано синей нитью, которая стягивала верхнюю часть предмета и образовывала петлю. «Ну и закрома», – подумал он, поглядывая на подозрительные выступы.

– Инспектор, я с нетерпением ждала встречи с вами, – начала она. – Мы все испытали ужасный шок... по крайней мере, некоторые из нас, – зловеще поправила она. – И я сказала себе: «Для чего нужна полиция, если не для того, чтобы решать наши проблемы?» И я немедленно решила предстать перед вами.

– Совершенно верное решение, мисс Буллен, – осторожно сказал Пардо, сознававший, что имеет дело с необычной женщиной. – И какую же проблему нам нужно решить?

Инспектор был удивлен тем, что мисс Буллен взяла инициативу на себя, и не мог сказать, чего можно от нее ожидать.

Эмили Буллен беспокойно раскрыла ридикюль. «Сунул пальчик в пирог, две изюмки извлёк»¹³, – чуть ли не пропел сержант Солт, но она вынула из сумочки лист бумаги. Пардо показалось, что он уже видел что-то подобное.

Он перевел взгляд с листа бумаги на лицо женщины. Ее глаза и пухловатые щеки казались одинаково болезненными и беспомощно смотрели на него. «Они выглядят, как галька», – подумал инспектор.

– Я слышала расспросы насчет анонимных писем. Кэрл и Дженни никогда их не получали, но ко мне такое письмо пришло! – триумфальные нотки последних слов придали пронзительности монотонному голосу мисс Буллен. Она внезапно по-ребячески улыбнулась. – Оно пришло...

¹³ Строки популярного детского стишка «Джек Хорнер» (перевод Самуила Черфаса).

позвольте припомнить... должно быть, неделю назад. Одно утро – и письмо. Я думаю, это было в пятницу на прошлой неделе, – голос Эмили Буллен вновь стал равнодушно-невыразительным.

– Можно взглянуть на него? – поинтересовался Пардо, протянув руку.

Как он и ожидал, почерк и бумага были те же, что и в письмах к доктору. Инспектор прочел послание:

Присматривайте за старой леди. Вы должны знать, что происходит.

Пардо молча протянул бумагу Солту.

– Мисс Буллен, у вас сохранился конверт, в котором пришло это письмо?

– Нет, инспектор, боюсь, не сохранился, – ответила женщина с нотками чопорного самопорицания. – Конечно, я должна была сохранить его, но он сильно порвался когда я его открывала. Я не люблю хранить неопрятные вещи, и в то время не подумала, что на него когда-либо понадобится взглянуть.

– Получив его, вы не были встревожены?

– Не вполне. Конечно, я возмутилась из-за того, что кто-то написал мне такое, но я не испугалась. И тогда я не подумала, что здесь имеется в виду состояние здоровья миссис Лакланд.

– И правда, здесь нет никакого указания на то, что именно имеет в виду автор письма, – согласился Пардо. – А как вам тогда показалось, о чем это письмо?

Вопрос был внезапным, и щеки Эмили Буллен окрасил румянец.

– Трудно сказать. Я подумала, что оно ссылается на ее деньги. Знаете, миссис Лакланд любила переписывать завещание. Как если бы я смогла повлиять на нее, соберись она составить новое.

К удивлению Эмили Буллен, инспектор Пардо тут же согласился с ее суждением о письме:

– Возможно, это именно то, что имел в виду автор письма, – заявил он. – Вы не знаете, завещала ли она вам что-нибудь?

Мисс Буллен покраснела и опустила глаза, но инспектор успел заметить, как они жадно сверкнули.

– Нет, не знаю. Со мной она никогда не говорила о таких вещах.

– Мисс Буллен, вы уверены? То, что миссис Лакланд не говорила с вами о завещании, не укладывается с тем, что мы знаем о ее характере. Нам кажется, что она любила не только изменять его, но и обсуждать сделанные перемены.

Эмили Буллен осторожно и хитро взглянула и какое-то время не отвечала. У полицейских сложилось впечатление, что она обдумывает, насколько много можно сказать.

– Конечно, – наконец ответила она. – Иногда миссис Лакланд говорила о своих деньгах. Она упоминала, как сложно справедливо их распределить, и все такое. Но сама мысль о том, что она могла оставить их мне, – просто невероятна.

Она немного поморщилась, словно даже мысль об этом была неприлична. Пардо приметил, что она, судя по всему, восстановила свой обычный самоконтроль. Солт большую часть времени не отводил взгляда от блокнота. Может, это и было невежливо, зато он избегал того нездорового ощущения, которое испытывал всякий раз при виде Эмили Буллен.

– Мисс Буллен, как долго вы прослужили у миссис Лакланд? – спросил инспектор.

– Двенадцать лет. Бедняжка напомнила мне о продолжительности нашего знакомства в тот самый день, когда скончалась.

– Да. В тот самый день. Это тогда вы видели ее в последний раз? Я имею в виду, здоровой?

– Да, я ушла от нее перед вечерним чаем. Понимаете, по средам у меня обычно свободный вечер. Нет, я была не против остаться, если бы бедняжка пожелала, но она всегда настаивала на том, что у меня должен быть выходной, и я не должна отказываться от него.

– Пожалуйста, расскажите, как вы провели свободный вечер? – спросил Пардо, не придав особого значения альтруизму миссис Лакланд.

– Да... – перед тем, как продолжить, Эмили Буллен сделала паузу. – Я пошла на скрипичный концерт в школе для девочек.

– Во сколько это было?

– В восемь часов. А перед тем, как уйти, я была в саду.

– И когда вы вернулись домой?

– Думаю, это было в пятнадцать минут одиннадцатого.

– Концерт был таким длинным?

– О, я была не только на нем. Он закончился, должно быть, около девяти. Прежде, чем идти домой, я позвонила подруге и обсудила с ней планы проведения благотворительного представления, которое она вскоре устроит.

– Мисс Буллен, думаю, мне нужно знать имя вашей подруги, – заметил Пардо. – Понимаете, чтобы сверить время, – добавил он.

– Конечно, инспектор, – с важным видом согласилась Эмили Буллен. – Ее зовут миссис Мэкин, она проживает в «Зарослях ракитника» – большой усадьбе, на той улице, – она взмахнула рукой, указав куда-то в сторону окна. – Через две недели она устраивает садовую вечеринку с театральным и другими представлениями – в помощь Лиге Наций. И, конечно, ей нужна помощь в организации.

– Конечно, – пробормотал Пардо. – А вернувшись домой, вы видели миссис Лакланд?

От этого вопроса у нее расширились зрачки. На мгновение показалось, что у нее вот-вот начнется истерика.

– Нет-нет, я не видела ее! – выкрикнула она пронзительным голосом. – Я съела ужин, оставленный мне кухаркой, и отправилась спать еще до одиннадцати, и я не подходила к ее комнате! Если кто-то говорит, что я подходила, то он врет!

– Мисс Буллен, не терзайтесь, – резко заметил Пардо. – Не стоит. Никто не предполагает, что вы заходили в комнату миссис Лакланд. Я спросил только для порядка – мне нужно выяснить, когда последний раз ее видели живой.

– Я же говорила вам, – ответила миссис Буллен. Она стала сдержанней, но еще не успокоилась до конца. – Я не видела ее с тех пор, как еще днем вышла из ее комнаты, и до тех пор, пока ночью не пришел доктор.

– Очень хорошо. А во время дневного визита доктора Фейфула вы оставались здесь?

– Не все время, инспектор, – Эмили Буллен заговорила еле слышимым голосом, отчего он, правда, стал еще неприятней, чем раньше. – Доктор *очень* добросовестно лечил миссис Лакланд. Он всегда надолго задерживался у нее. Знаете, она доверяла ему. После того, как он дал ей лекарство, которое она должна была принимать после обеда, он задал мне обычные вопросы насчет ее здоровья, и потом я ушла. Ей не нравилось, если я оставалась на все время обследования. Она очень ценила внимание доктора.

«Кажется, у вас есть представление о том, как появилось новое завещание», – подумал Солт.

Пардо задумчиво посмотрел на Эмили Буллен.

– У вас есть мысли о том, кто мог писать анонимки?

Внезапность вопроса поколебала ее. В ее глазах появился страх, и она схватилась за горло.

– Нет, конечно, нет, – прохрипела она и окинула Пардо подозрительным взглядом. – Кто-нибудь еще получал их?

Инспектор проигнорировал ее вопрос.

– Ваше письмо я пока оставляю у себя. Дайте мне знать, если получите еще одно.

Она кивнула.

– Есть еще кое-что, о чем вы должны знать, – продолжила она, переводя дыхание, словно переходя от одного страха к другому. – Думаю, это может быть очень важно. Это может быть ужасно. В тот день, когда миссис Лакланд в последний раз говорила со мной, она упомянула о ночных шумах. О людях, которые ходили и перешептывались. Я не знаю, что это было. Но я чувствую, что это может иметь отношение к... этому ужасу!

Ее голос опять повысился. Солту захотелось, чтобы шеф побыстрее закончил с ней. Она словно играла у него на нервах.

– Вы имеете в виду шумы, беспокоившие миссис Лакланд накануне, во вторник? – спросил инспектор.

– Нет. Я не знаю, когда. Да, кажется, она говорила о предыдущей ночи. Она была очень сердита. Она подумала, что это может быть... – недовольно добавила Эмили Буллен.

– Мисс Буллен, это не причина для беспокойства, – Пардо ответил резко, но не грубо. – Но мы разберемся. Ночные передвижения и разговоры случаются не так уж редко и необязательно связаны с чем-то зловещим. А вот передвижения без разговоров уже интереснее.

Но старушка не казалась успокоенной. Ее тело тряслось, и она, как загипнотизированная, смотрела на Пардо. Он собирался спросить о чем-то еще, но последняя порция информации отвлекла его, и он забыл свой вопрос. В любом случае, он чувствовал, что лучше дать ей успокоиться, прежде чем пугать ее новым вопросом. Так что он встал и, сверившись со своими записями, спросил, не сможет ли она прислать к нему Хетти Пэрк, горничную.

Вцепившись в свой ридикюль, Эмили Буллен вскочила с места, бросила на двоих детективов испуганный взгляд и безмолвно удалилась.

Солт многозначительно взглянул на начальника и громко вздохнул.

– Я так рад, что она по ту сторону двери, – сухо признался он. – Я бы сказал, что у нее комплекс неполноценности, – продолжил он с плохо скрытой гордостью за то, что он знает новый жаргон. – Видели, как ей было приятно объявить о получении анонимного письма? Думаете, что она могла бы получить не только письмо, но и наследство?

– Наследство? – задумчиво повторил Пардо. – Хм. Ну, его она получит. Ведь старушка была убита до того, как доктор успел получить все и сразу.

– И она знала, что у доктора велики шансы получить все и сразу, – мрачно согласился Солт. – Ей ведь было ясно, как ценит его старуха?

– Еще вопрос, насколько хорошо она представляла себе силу завещания. Если, как все они говорят, старушка не могла контролировать капитал мужа, то Эмили Буллен могла...

Фразу прервал робкий стук в дверь. Хетти Пэрк вошла, и выглядела она так, словно ожидала немедленного уничтожения всего мира. Она даже закрыла глаза, будто приготовившись к удару. Закрыв дверь за собой она продолжала сжимать ручку, как если бы это могло поддержать ее. Она была симпатичной маленькой пухленькой штучкой, но овладевший ею страх заслонил инфантильные черты. Ее глаза опухли от слез, рот покосился, обычно пушистые волосы были неопрятны и кое-как причесаны. Пардо, хоть и привыкший к самым различным облициям страха, редко встречал его в такой крайней форме.

– Хетти, входите, – сказал он, стараясь быть как можно неформальнее. – В том, о чем я хочу расспросить вас, нет ничего по-настоящему важного. Просто, понимаете, в делах вроде этого я обязан опросить всех.

Она села на тот же стул, где сидела Эмили Буллен, но ее поза отличалась: если первая была энергична и в любой момент была готова вступить в атаку, то вторая сжалась и сморщилась, словно пытаясь защититься.

– Я вообще ничего не знаю, – выдохнула она, заломив руки так сильно, что Солт смог увидеть красные и белые пятна на ее коже.

– Это вполне вероятно, – согласился Пардо. – Но удивительно, что многие люди, немного поразмыслив, понимают, как много они знают. Я не хочу торопить вас. Можете думать столько, сколько захотите, – Пардо бросил веселый взгляд на безмолвного Солта. – А когда соберетесь с мыслями, расскажите обо всем, что кажется вам связанным с последней средой и миссис Лакланд. Вы можете вспомнить что-нибудь такое, о чем другие забыли.

Девушка молча выслушала его, сжав руки, и перевела потупленный взгляд с ног Пардо на ноги Солта и обратно. Было сложно сказать, услышала ли она хоть что-то. Однако через минуту она бросила на инспектора запуганный взгляд и принялась за бессвязный и путанный рассказ о том дне.

Пардо позволил, чтобы ее рассказ шел своим ходом. Он научился не переспрашивать, принимая добровольные показания, если опрашиваемый сильно нервничал. Если бы он показывал нетерпение или пытался более четко сформулировать ее мысли, то девушка могла бы испугаться и умолкнуть, или, что более вероятно, она могла бы потерять нить собственного рассказа, что привело бы к тому же результату.

Так что инспектор не прерывал ее, самостоятельно подмечая немногочисленные важные факты в показаниях.

В комнате миссис Лакланд она не была с самого утра. Ее дневные обязанности в основном касались кухни. Она не заметила, чтобы с хозяйкой что-то было не так – утром та как всегда бойко разговаривала с мисс Буллен. К самой Хетти миссис Лакланд обратилась только раз – чтобы сообщить, что ее молодой человек ни на что не годится. Он рабочий на Корби-фарм, возле Буллхэма, и миссис Лакланд даже не знакома с ним, нет, совсем не знакома, но ей нравится

говорить такое, ведь ей не хотелось бы, чтобы кто-либо женился. Она даже ни с того, ни с сего отправила его к доктору Фейфулу, так как доктор иногда говорил: «Хетти, насколько плох твой молодой человек?». Говоря эту фразу, он обычно хихикал, должно быть, из-за болтовни миссис Лакланд, начинавшейся всякий раз, когда он упоминал Джорджа. Она не могла вспомнить ни о каких дневных событиях. Спать она отправилась, как обычно, в десять часов вечера. Перед приходом мисс Буллен. Она знала о том, что в доме гость, и догадывалась, что это иностранный актер. Но все об этом молчали, а кухарка всегда говорила, что не нужно лезть не в свое дело. Около двух часов ночи ее разбудила кухарка – к хозяйке нужно было вызвать врача. Она думает, что той ночью она проснулась последней.

Девушка остановилась, чтобы сглотнуть и вытереть слезы.

– Не плачьте, – призвал Пардо. – Вы в самом деле много вспомнили. Нет, нет, – строго сказал он, когда та продолжила безудержно плакать. – Хетти, остановитесь. В чем дело? Вам так жаль миссис Лакланд?

Девушка честно покачала головой.

– Нет? Это из-за того, что вы были уволены? Расскажите, как это произошло.

Девушка подняла голову и взглянула на Пардо.

– Я не подслушивала под дверью, не подслушивала! – заголосила она. – Это из-за того, что мне не нравится вторгаться, если в комнате люди, а в тот день там был доктор – я слышала его голос и задержалась на минутку у двери. Но я не слышала, о чем они говорили, но мисс Кэрл в то время была резка со мной. И на следующее утро я не могла поверить, когда кухарка сказала мне, что я должна уйти, так как подслушивала под дверью.

– Кто сказал кухарке, что вы должны уйти?

– Мисс Кэрл, – прошептала девушка и уткнулась лицом в руки.

– Когда? – допытывался инспектор.

– Предыдущим вечером. Должно быть, она думала об этом с того самого дня, но ничего мне не говорила до того утра, когда скончалась хозяйка.

– Хетти, веселее, – подбодрил инспектор. – Прямо сейчас вас не смогут уволить, а тем временем, может, и передумают. В любом случае, разумная девушка вроде вас быстро найдет работу.

– Нет, нет! – заплакала она. – Я не останусь здесь! Я уйду в понедельник, после похорон. Они рассчитаются со мной, и я отправлюсь домой.

Пардо приподнял бровь. Он взглянул на Солта, но сержант был «занят», бесцельно расставляя точки на полях блокнота.

– Ясно. Но, должно быть, это место будет вызывать у вас неприятные ассоциации, так что, возможно, стоит уйти отсюда побыстрее. Где вы живете?

– В Буллхэме, – глухо ответила девушка.

– Где в Буллхэме?

Если бы лицо Хетти могло выражать что-либо помимо страха, она выглядела бы удивленной.

– Коттеджи Бриони, 2, – ответила она вялым, но уже не таким плачущим голосом. – Там живут мои мать с братом.

– Хорошо, – кивнул Пардо. – В понедельник вы отправитесь домой и оставите все тревоги позади.

Она полуиспуганно-полуумоляюще взглянула на него. Пардо был озадачен. Здесь было что-то такое, что он не мог объяснить. Рискнув вызвать у девушки новый приступ паники, он попытался выяснить, в чем дело.

– Хетти, если вы думаете о чем-то, чувствуете, что должны что-то рассказать, то сейчас самое время. Все будет хорошо. Можете рассказать мне, и больше никто не узнает об этом.

Пардо заметил, как она невольно взглянула на дверь, на домашнее и молчаливое лицо Солта, на него самого. Девушка тревожно дышала.

– Есть что-то такое? – переспросил инспектор.

Он не мог объяснить почему, но он чувствовал, что находится на пороге чего-то интересного. Ему удалось перехватить ее взгляд, но болезненный страх на лице девушки не давал ей говорить.

Солт также наблюдал. Его карандаш лежал в сторонке.

– Нет ничего, – наконец, ответила Хетти. Она выглядела так болезненно, что Пардо испугался того, что она может упасть в обморок. Но прежде чем он успел пошевелиться, девушка уже встала с места, словно желая показать, что хочет окончить разговор. Инспектор не попытался остановить ее. Вместо этого он тоже встал и похлопал ее по плечу.

– Не беспокойтесь, – сказал он, понимая, что от этой заезженной фразы мало проку. – Через день-другой вы будете дома и забудете обо всем этом. И если позже вы почувствуете, что вам есть, о чем сказать, то дайте мне знать.

Он заметил, что девушка явно избегает его взгляда.

– Ладно, умойтесь и приведите себя в порядок. И спросите мисс Херншоу, могу ли я поговорить с ней минутку.

Девушка направилась прямо к двери. Ее движения говорили о том, что она словно вырвалась из ловушки.

Встретившись взглядом с Солтом, Пардо заметил, что в обычно спокойном лице сержанта видны и раздражение, и недоумение.

– Что со всеми ими не так? – хмыкнул тот. – Эта девушка держит что-то в рукаве, и она должна...

– Она должна сбежать из этого места, – отрезал Пардо, который, сунув руки в карманы, смотрел в окно на пустынную площадь. – Здесь она говорить не будет, но она вернется домой...

Он выглядел обеспокоенным и возмущился невысказанному комментарию сержанта. Пардо чувствовал, что был прав, не став давить на девушку и не пытаясь выдать из нее информацию, которой она могла поделиться. В знакомой атмосфере родительского дома в Булхэме она сможет свободно обо всем рассказать.

Инспектор обернулся на звук. Дженни Херншоу вошла бесшумно и сейчас стояла между ним и дверью, с несколько надменно-вопросительным выражением лица.

– О, мисс Херншоу, спасибо. Я вас надолго не задержу. Мисс Квентин еще не вернулась?

– Нет, – ответила Дженни, шагнув вперед и усаживаясь на стул у она. – Утром она отправилась в город, а сейчас позвонила и сообщила, что останется там на чай.

Пардо это не смутило. И за Дженни, и за Кэрл была установлена негласная слежка, так что поездка в Лондон не могла вызывать беспокойства. И если это будет не обыкновенная поездка за покупками, он узнает об этом.

– Она звонила мистеру Карновски? – прямо спросил он. Видя ее холодность и чувствуя, что она, вероятно, знает об его утреннем посещении Тайт-сквер, инспектор не видел причин быть скрытным.

Она зарделась, и в этот момент Пардо заметил, как ужасно она выглядит.

– Этого я не знаю. А она должна?

Пардо стоял, поскольку после того, как Хетти ушла, он был слишком обеспокоен, чтобы сидеть. Дженни запрокинула голову, чтобы посмотреть на него. По ее взгляду Пардо понял, что девушка провела бессонную ночь. Он проигнорировал ее вопрос.

– Когда вы в последний раз контактировали с Карновски?

Он заметил, что ее румянец усилился, а губы сжались.

– Вчера вечером я написала ему, – ответила Дженни.

– А до того?

– В четверг. Но зачем вам это знать?

– И написав ему в четверг, вы сообщили, что не можете говорить по телефону, и что полиция расследует гибель вашей бабушки?

Решив, что слышит в голосе инспектора что-то вроде угрозы, девушка отпрянула.

– Да, сообщила, – в ее голосе появились непокорные нотки. – Никто не запрещал этого.

– Конечно. Мисс Херншоу, я бы хотел узнать еще кое-что. Приходили ли за последнее время в дом какие-либо сомнительные незнакомцы? Или, может, бродили в окрестностях?

Инспектор заметил, как девушка нахмурилась и сжала лежавшую на коленях руку.

– Никого, – ответила она так твердо, что Солт сразу же заподозрил неискренность.

Пардо кивнул, не отрывая взгляда от ее лица.

– Хорошо. Если произойдет что-то подобное, дайте знать. А Хетти Пэрк была уволена только за подслушивание?

Дженни впервые опустила голову и уставилась куда-то на свои колени.

– Полагаю, вы имеете право задавать эти глупые вопросы. Нет, не только за подслушивание. Я ее никогда не заставляла за этим занятием, но кухня говорит, что в прошлую среду был не первый случай. Помимо этого, она неспособна. Прослужила уже около семи месяцев, но до сих пор не научилась справляться с элементарными обязанностями в домашней работе, и, похоже, она совершенно необучаема. Сама по себе Хетти мне нравится, но это место не подходит для нее. В другом месте службы ей будет лучше, возможно, там она проявит больше способностей. Вы, конечно, заметили, как она слезлива? Но это естественно в доме, где произошло... убийство.

Последняя фраза была сказана мягко, но так четко, что впоследствии Солт отметил, что это были самые выразительные слова из всего, сказанного днем.

– Да, это поразило бы кого угодно, – согласился Пардо, – а Хетти – обычная, здоровая девушка.

Теперь он был не раздражен, но по-прежнему холоден.

– Мисс Херншоу, можете ли вы вспомнить человека, приходившего сюда днем седьмого июня? Вы проводили его или ее до калитки, это было в то же самое время, когда приходил доктор Фейфул.

Дженни смотрела на него с явным удивлением. Затем она вздохнула и приложила руки ко лбу.

– Нет, боюсь, моя память не достаточно хороша. Во время бабушкиной болезни здесь было столько посетителей... И дневник я не веду.

– В тот день машина доктора стояла снаружи, – подсказал Пардо, проигнорировав тон девушки и смотря ей в глаза.

Она ответила ему таким же взглядом.

– Машина почти всегда стоит там, – спокойно ответила она. – Возможно, доктор сможет припомнить визитера.

– Возможно, – уклончиво заметил Пардо. – Мисс Херншоу, хотите ли вы добавить что-нибудь к информации, которую вы сообщили суперинтенданту Литтлджону?

В последовавшей за вопросом тишине у Солта возникла мысль, что Дженни, вероятно, помнит что-то еще. Но она покачала головой. Ее глаза заблестели от слез.

– Ничего, кроме того, что... Я не убивала бабушку.

Услышав столь необычную фразу, сержант Солт разинул рот. Пардо спокойно обернулся.

– Мисс Херншоу, вас никто не обвиняет, – сухо сказал он, подняв руку, чтобы девушка не смогла ответить. – У меня больше нет вопросов к вам, но я надеюсь, что вскоре вы вспомните что-нибудь, что сможет помочь расследованию. Я бы хотел опять увидеть мисс Буллен, всего на пару минут.

Дженни тотчас встала и внимательно посмотрела на инспектора. Но Пардо не смутился.

– Я готова рассказать все, что знаю, хоть вам и кажется, что это не так. Но я не собираюсь придумывать или приукрашивать факты только для того, чтобы дать полиции возможность продемонстрировать активную деятельность. Если мои факты слишком просты, то вам нужно принять их такими. Если бы вы сосредоточили свое внимание на том, как умерла бабушка, а не на старомодной мелодраме со снующими вокруг дома незнакомцами, то мы скорее бы освободились от этого ужаса.

– Эта мелодрама – одна из старомодных идей мистера Карновски, – неодобрительно пробормотал Пардо.

Внезапно он заметил страх на лице девушки. Она была безмолвна.

– Мисс Херншоу, все в порядке, – кивнул Пардо. Он пронаблюдал за тем, как она вышла из комнаты, и Солт впервые за день заметил у инспектора улыбку.

Когда Эмили Буллен вновь вошла в комнату, она словно стала другим человеком – настолько сильно она отличалась от обезумевшего существа, говорившего с ними ранее. Но ее нынешняя сервильность не сделала ее привлекательней в глазах сержанта Солта: ему было очень сложно изменить первоначальное впечатление. Инспектор был взбодрен после стычки с Дженни и посмеивался над тем, как сержант Солт смотрит на эту женщину. Она смущенно вошла в комнату, горя желанием услужить полиции.

Пардо посмотрел на нее с рассеянной задумчивостью – от этого его взгляд казался невежливым.

– О, да, мисс Буллен, – вкрадчиво сказал он, – извиняюсь, что снова беспокою вас, но я забыл вас спросить о чем-то важном.

Он заметил, как Эмили Буллен приосанилась, поняв собственную ценность.

– Да, инспектор?

– Когда в среду вечером вы возвращались от миссис Мэкин... Кстати, вы ведь шли пешком?

– О, да, – она хихикнула от одной только мысли, что могла бы возвращаться как-то иначе. – Знаете, путь довольно короткий.

– Да. Когда вы шли по площади и приближались к дому, не заметили ли вы незнакомца, празднично шатавшегося поблизости или стоявшего у ворот?

Ее глаза широко раскрылись, но ответила она, как всегда, сдержанно:

– Человека? Возле дома? – («Словно речь шла о бенгальском тигре», – подумал Солт). – Инспектор, вы рассматриваете версию ограбления? Нет, я никого не видела. Я бы сказала, если бы видела что-то такое, – самодовольно заключила она.

– Вы встречали кого-либо по пути обратно?

Она задумалась, но Пардо был уверен, что она размышляет не над вопросом, а над тем, почему он был задан.

– Нет, боюсь, я никого не встречала, – невесело ответила она, отчего создалось впечатление, что она хотела бы придумать какую-нибудь встречу, но не смогла составить убедительную историю.

– Мисс Буллен, все в порядке, – заверил ее Пардо. – Рассказ о том, что вы никого не встретили, так же полезен, как если бы все было наоборот.

Инспектор взглянул на Солта, и сержант встал. Готовясь уйти, Пардо еще раз взглянул на Эмили Буллен.

– Мисс Буллен, за сегодня вы насмотрелись на нас, – шутливо заметил он. – Пожалуйста, запомните пару пунктов. Дайте знать, если получите еще одно анонимное письмо. И помните, что незнакомец, о котором я спрашивал, может иметь отношение к тем шумам, на которые жаловалась миссис Лакланд. Поэтому я хочу знать обо всех незнакомцах, которые могут появиться у дома.

Нарочито не обращая внимания на вернувшийся к мисс Буллен испуг, инспектор открыл и придержал для нее дверь.

Пробормотав: «О, да. Я дам вам знать. Да-да. Доброго вам дня», Эмили Буллен вышла. Инспектор и Солт последовали за ней и увидели, как она быстро подымается по лестнице.

Спускавшаяся в это время горничная разминулась с ней в нижней части лестничного пролета. Не видевший прежде эту девушку Пардо взглянул на фигуру в свежем чепце.

– Мисс Доус, не так ли? – вежливо спросил он.

Девушка кивнула, ее бледное лицо осталось без выражения.

– Я – инспектор Пардо из Скотленд-Ярда, а это – сержант Солт, – представился полицейский. – В прошлый раз вы дали очень хорошие показания суперинтенданту Литтлджону. У вас есть голова на плечах. Не можете ли припомнить, когда вы принесли чай миссис Лакланд, не было ли у нее на тумбочке что-нибудь еще, помимо перечисленных вами предметов?

Сначала она слушала с надменным равнодушием, словно казалась непроницаема для любой лести, но как только Пардо закончил, она сердито вспыхнула:

– Что-нибудь еще? – повторила она неестественно громким голосом. – Инспектор, вы на неправильном пути.

– Почему?

– Потому что я не видела там ничего другого! Потому что я никогда не говорила ни о чем таком! Потому что он... вы... вы все пытаетесь переложить что-то на меня!

Внезапный страх охватил горничную и придав ее дрожащему голосу вульгарное звучание. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и ушла прочь по коридору, подальше от детективов.

Глава 11

Дело против неизвестного

Кто это сделал?

Макбет

Субботним вечером Пардо нанес повторный визит Лакландам – выяснить, вернулась ли Кэрол. На этот раз ему повезло. Она приняла его сухо, но доброжелательно, что резко контрастировало с враждебностью ее кухни. Она была готова пересмотреть свои прежние показания, которые она дала Литтлджону. Пардо подумал, что она выглядит устало, сразу заметив неестественный страх, который он, так или иначе, замечал у всех обитателей этого дома.

Коротко поговорив с Хенесси и миссис Бидл, он завершил знакомство со всеми слугами. Он был впечатлен тем, как дворецкий изложил свой рассказ: не подчеркивая, но и не скрывая неприязни к покойной хозяйке и того, как она сама относилась к нему. Миссис Бидл то причитала из-за случившегося, то сердилась на вмешательство Скотленд-Ярда. Пардо она показалась типичной обительницей дома Лакландов.

В воскресенье смогли передохнуть все, кроме полиции. Опрос аптекарей о сульфате морфия не принес ничего, как того и ожидал Пардо. Теперь полиция пыталась проработать показания и попытаться определить человека, которого Карновски дважды видел неподалеку от дома Лакландов. Но поскольку кроме слов актера об этом ничего не свидетельствовало, Солт разделял первоначальное мнение Пардо: незнакомец был плодом воображения Карновски. Но начиная со вчерашнего дня, инспектор Пардо склонялся к тому, что незнакомец был реальным, несмотря на то, что желание сержанта найти какие-либо улики осталось неисполненным.

К воскресной ночи не появилось ни одного свидетельства о незнакомце, и Солт начал проявлять признаки небольшого триумфа. Пардо провел этот день спокойно: он разбирал записи Литтлджона, а также свои собственные заметки, и, по привычке, составлял таблицы, помогавшие ему, если было нужно рассмотреть много вопросов. Он хотел бы обсудить их с Солтом, но сегодня сержант был слишком занят тем, что он называл «разнюхиванием ложных следов». Кроме того, Пардо не мог дожидаться начала дознания. Судя по его предыдущим расследованиям, после окончания похорон и дознания семья немного успокоится, так как нервное напряжение спадет. Арена очистится для его собственной работы, и, несмотря на то, что впереди могут быть свои трудности, расследовать станет легче. На собственном опыте он научился не пренебрегать «остывшим следом». Холодный след зачастую приводил к наиболее ценным уликам. Когда след остывал, все становились менее осторожными, а среди них был и убийца.

Солт вернулся со службы усталый и злой: он долго шел по следу человека, которого минстербриджский констебль пару раз заметил неподалеку от дома Лакландов; но в итоге оказалось, что это всего-навсего безобидный торговец чистящим средством, заподозренный только из-за привычки надвигать шляпу на глаза. А Пардо пребывал в отличном настроении.

Но инспектор был неразговорчив. Он дал понять, что все дела стоит отложить до тех пор, пока не пройдет дознание, и когда они съели ужин в «Лебеде и переправе», Пардо оставил сержанта в гостинице. Он знал, что тот, вероятно, вытянет из хозяина местные сплетни, которые могут оказаться полезными. Сам же инспектор отправился на прогулку по берегу, наслаждаясь видами на этот рай рыболова.

Дознание началось в десять часов утра. Было мрачно, небо затянулось тучами. Солнечный свет, сиявший на прошлой неделе, исчез, и пыльные помещения ратуши казались непривлекательными. Публика, заглянувшая на слушания, получила скорее разочарование, а отнюдь не острые впечатления.

Мероприятие заняло менее получаса, и ему явно не доставало живости. Коронер, бывший солиситор, обладавший шармом мистера Ренни, был совсем не тем джентльменом, что обычно фигурируют в газетных колонках. Он знал как плюсы, так и минусы своей профессии. Минстербридж находил его сухим и скучным. Но полиции он нравился. В то утро он был в лучшей форме, хотя вам может показаться, что она ничем не отличается от худшей. Угрозы, потеря

самообладания, неуместное остроумие, удивительные разоблачения и падающие в обморок свидетели – достопочтенные горожане ждали всего этого, но так и не получили. Вместо этого им достались показания, образцовые показания доктора Фейфула, предоставившего их в сдержанной манере, да пара фраз Кэрол, поведавшей о том, как она увидела, что бабушка умирает, и послала за врачом. Далее последовало объявление о том, что дальнейшие слушания отложены на две недели. Толпа слушателей почувствовала себя обманутой и посчитала, что доктор Том подвел их.

Однако один человек не был разочарован формальностью процесса. Взглянув на публику, Пардо понял, что в зале находится разгадка смерти миссис Лакланд. Он был уверен, что убийца здесь – среди присутствующих не хватало только миссис Бидл и двух служанок. Он наблюдала за девушками. Дженни застыла в одной позе, она смотрела то на одного, то на другого человека, но отстраненным взглядом. Кэрол словно побледнела из-за контраста с траурным нарядом и не смотрела ни на кого, кроме коронера. Во время показаний Фейфула инспектор дважды перехватывал взгляд Дженни на доктора, и всякий раз она тут же отводила глаза. А Кэрол не смотрела ни на кого. Эмили Буллен была неподвижна и сидела с покрасневшим лицом. Повидимому, она была загипнотизирована тем, что стала частью данного разбирательства. В заднем ряду сидел Карновски, который, несмотря на неприметную позицию, проявлял больше интереса, чем народ на более заметных местах. Пардо заметил, что Хенесси, дворецкий, постоянно отводил взгляд от актера, но через минуту снова начинал смотреть на него. Сам же Карновски не делал ничего, кроме попыток перехватить блуждающий взгляд Дженни. Он казался человеком, попавшим в племя дикарей, но относившимся к ним с какой-то озадаченной снисходительностью.

Как только все окончилось, Пардо вместе с Солтом поспешили в «Лебедь и переправу». Теперь инспектор был полон оптимизма: свобода действий и отсутствие необходимости уложиться в четко оговоренный период времени всегда давали ему такое чувство.

– Я хочу пересмотреть дело с учетом выявленных нами фактов и посмотреть, как теперь выглядят наши подозреваемые, – сказал Пардо, оказавшись в помещении и сев за стол.

– Подозреваемые? Это же все они, – заметил сержант. После душного зала суда и прошлой ночи он не был готов к работе, но сел напротив инспектора и настроился на мозговой штурм.

– Не вполне, – ответил Пардо. – С ходу мы не можем вычеркнуть никого из них, но полагаю, что при помощи здравого смысла мы сможем отсеять одного-двух подозреваемых.

– Слуг?

– Например, миссис Бидл. Не требуется хорошо разбираться в человеческой натуре, чтобы понять, что она не способна на отравление. Кроме того, будучи поварихой, она меньше других сталкивалась с капризами старушки. В наследство ей достанется шестьдесят фунтов, и я не могу себе представить, чтобы Бидл убила за эту сумму, даже если бы узнала, что старое завещание будет переписано.

– Но дворецкий сильно от нее отличается, – заметил Солт.

– На первый взгляд. Но ему причитается также всего шестьдесят фунтов. Не такие уж большие деньги, чтобы стать мотивом. К тому же Литтлджон сказал, что он достаточно обеспечен, у него есть банковский счет, и в случае увольнения у него не будет финансовых проблем. Нет, если это наш человек, то объяснением может быть только вспышка гнева из-за увольнения. Но мне не кажется, что он может разъяриться до такой степени.

– Да, – согласился сержант, – будь он настолько нервным, то держался бы подальше от киноактера.

– И у него было меньше возможностей, чем у любой из женщин, – продолжил Пардо. – Тому, кто убил миссис Лакланд, нужно было отравить лекарство, дать ей порцию получившегося препарата и вытереть пузырек за один раз, либо совершить несколько визитов в комнату старой леди, что увеличивало бы риск попасться. Так проделать все это мог тот, чье присутствие в спальне старушки не было чем-то необычным. То есть не Хенесси.

– А если допустить, что с ним кто-то был? – предположил Солт.

– Не очень вероятно. Кто мог бы разделять его мотив при том, что здравый смысл подсказывает – Хенесси могло двигать лишь чувство мести? Где можно найти соучастника в убийстве при том, что у тебя есть только обида на увольнение?

Солт не ответил, и инспектор продолжил:

– Сам я думаю, что Хенесси рассказал все, что знает. А вот двое служанок – совсем другой вопрос. Что вы думаете о них?

– Никто из них не убивал старуху, – быстро ответил сержант. – Но обе знают что-то еще.

– Согласен. Возьмем горничную Доус. Она может потерять место и ничего не выигрывает от смерти. И если бы убийцей была она, то не пыталась бы вспоминать о вещах на тумбочке, а через пару дней сердиться от того, что мы ей напомнили об этом. После четверга что-то произошло, и это заставило ее пересмотреть свои показания. Хотелось бы услышать об этом.

Пардо замолчал, и через какое-то время Солт заметил:

– Может быть, она подумала и решила загадку, поняв, кто был убийцей? И теперь она поняла, что говорить опасно?

Инспектор кивнул.

– Возможно. А вторая, Хетти Пэрк, беспокоит меня. С ней что-то явно не так.

– Сегодня она возвращается домой.

– Да. Это к лучшему. В Буллингхэме она, быть может, расскажет то, о чем боялась говорить здесь. За этими подслушиваниями у двери что-то кроется.

– Что-то за дверьми... Готов поспорить, что там не было ничего, кроме пары крепких слов, но из-за убийства у нее началась истерика, – предположил сержант.

Он думал, что инспектор придает слишком большое значение этой версии, но так и не смог рассеять его тревожность.

– Надеюсь, что вы правы, – коротко ответил Пардо.

– Ну, как мы знаем, у нее не было мотива для убийства старушки, – заявил Солт. – И невероятно, чтобы девушка в ее положении смогла проделать такое, не показав виду.

Пардо казался задумчивым.

– Значит, у нас остаются двое внучек, доктор и компаньонка. Сначала рассмотрим доктора Фейфула.

– Хорошо, – согласился сержант. – Можем сделать это без лишних слов. Как насчет мотива?

– Его нет. У него, напротив, были причины сохранить постоянную пациентку живой, ведь она приносила доход, а также собиралась изменить завещание в его пользу. Мы знаем: то, что она сказала ему в среду, было правдой. Ренни подтвердил это. Так что с ее смертью Фейфул потерял возможность получить наследство в пятнадцать тысяч фунтов. Но предположим, что у него был мотив. А была ли возможность дать ей яд? Та порция, что он дал ей днем, как мы знаем, была безвредна, и он не возвращался в дом до тех пор, пока ночью его не вызвали.

– Но он мог подмешать морфий в препарат и оставить его старушке, чтобы она самостоятельно приняла последнюю порцию, – размышлял Солт.

– Тогда кто так тщательно протер пузырек?

– Сообщник.

– Ну, это никуда не годится. Если Фейфул подмешал что-то в пузырек, то когда? Единственная возможность сделать это была между моментом, когда он дал лекарство миссис Лакланд, и временем, когда он ушел от Лакландов. То есть у него было всего четверть часа, причем старушка все это время весело беседовала с Буллен.

– Но та говорит, что вышла из комнаты после того, как доктор дал пациентке тоник.

– Так она и сделала. Но здесь нет большой разницы. Солт, подумайте. Те таблетки содержали по четверти грана морфия, а в теле найдено почти три грана. Так что в ее лекарстве нужно было растворить двенадцать таблеток, причем в это время старушка сидела рядом, наблюдала за ним, говорила с ним и так далее! Явный вздор! Причем если он растворил яд, то ему пришлось постараться, ведь нужно было использовать маленький пузырек!

– Это беспокоит и меня, – сказал Солт.

– Что?

– То, что яд был в пузырьке.

– Меня тоже. Почему не в стакане? Кто-то раздобыл морфий и подмешал его в лекарство. Но почему убийца выбрал пузырек, а не стакан? Ведь было бы легче приготовить яд заранее, под каким-либо предлогом войти в спальню и вылить яд в стакан? Если кто-то из домашних украл таблетки еще в июне, то у него было достаточно времени на подготовку. Но пузырек все время стоял на тумбочке! В половине третьего он был совершенно безвреден, и мы не знаем, когда в

него попал яд. И я не могу понять почему. Миссис Лакланд не ложилась спать до тех пор, пока ей не принесли ужин, и, как нам сказали, спала она очень чутко, так что если кто-то и обнаружил, что она заснула, то все равно он очень рисковал, подмешивая отраву в пузырек. Конечно, это можно было проделать, особенно если яд уже был в жидком виде, но во всем этом есть какая-то бессмыслица, не согласующаяся с остальной частью хитрого замысла.

– Кажется, ее нужно было убить как раз тогда, – нахмурился Солт. – Интересно, почему яд был добавлен именно в последнюю порцию?

Пардо ответил не сразу, но, в конце концов, он сказал:

– Предполагаю, все знали – в тот день придет доктор, так что оставался риск, что он что-то обнаружит.

– Значит, анонимки доктору написал не убийца? Иначе...

– Нет, это был не убийца, – прямо ответил инспектор. – Легко заметить, что все получилось не так, как ожидал автор писем, и из-за несвоевременного убийства доктор потерял целое состояние. Если бы убийца был автором писем и попытался повесить все на доктора, то мог бы все сделать лучше. У меня есть мысль насчет происхождения писем, но она озадачивает меня, так как я считаю, что автор писем рассылал их независимо от планов убийцы.

Солт призадумался.

– Вы предполагаете, что убийца знал о письмах и не хотел, чтобы Фейфул попал под подозрение, и совершил убийство так, чтобы обелить доктора?

Пардо рассмеялся.

– Мягкосердечный убийца! Нет, старина, я так не думаю. Если он так добр, то кто вытер пузырек, но оставил нам отпечатки доктора?

– Анонимщик.

– Получается целый поединок между отравителем и анонимщиком. Но давайте поговорим обо всех оставшихся: внучках, Карновски, мисс Буллен. А начнем с Дженни Херншоу.

– Для нее все довольно мрачно, – заметил Солт.

– Да. У нас есть рассказ Ренни, и ни одну из девушек нельзя рассматривать, не вспоминая о Джоне Лакланде и истории их жизни. Итак, каковы мотивы Дженни? Их много. Начнем с денег. Как-то не верится, что внучки совсем не знали, получают ли они что-нибудь после смерти миссис Лакланд. Они признают, что та постоянно говорила о своих деньгах, и, как мы знаем, она вполне могла заявлять, что лишит их наследства. В любом случае, Дженни могла знать, что является наследницей, а доказательств того, что она не знала об этом, у нас нет. Вот и мотив. Добавим к этому, что смерть бабушки означала для Дженни освобождение от тирании и обретение свободы выйти замуж за Карновски – при жизни старушки она никогда бы не получила разрешения на этот брак.

Вот вам тройной мотив для Дженни Херншоу. Кроме того, нужно учитывать, что ситуация вокруг Карновски обострилась из-за событий прошлой пятницы. А на следующий день миссис Лакланд поразила таинственная болезнь.

– Это выглядит, как если бы первая попытка Дженни не удалась, и она была вынуждена повторить ее, стараясь успеть прежде, чем старуха повидается с адвокатом, – кивнул Солт.

– Да. Прежде, чем та успела составить новое завещание. И если это было так, то внучки не знали об условиях завещания бабушки, и Дженни могла подумать, что может потерять все деньги, запаниковать и убить бабушку.

– Думаете, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой, не так ли? – спросил сержант. Он знал, что шеф рассуждает не как человек, пришедший к определенным выводам.

– Да. Как-то все это чересчур, Солт. В то же самое время я боюсь действовать по наитию. Это может быть Дженни, это должна быть Дженни, но именно поэтому это не может быть она – все слишком сильно указывает на нее. Это довольно бестолковый аргумент в стиле «если косвенные доказательства против Икс плохи, то Икс – невиновен». Но иногда все обстоит именно так, как выглядит. Так что продолжим.

Возможности? Их предостаточно. Она могла дать миссис Лакланд препарат в тот момент, когда принесла ужин, а нам соврать, что миссис Лакланд отказалась от лекарства в семь вечера. В таком случае ее девятичасовой визит в спальню бабушки был сделан, чтобы убедиться: яд

подействовал. С другой стороны, если девушка говорит правду, и ее бабушка не принимала лекарство в семь вечера, то она отравила ее в девять? В моих рассуждениях есть слабые места?

Солт задумался.

– Не могу сказать, – наконец, признался он.

– Ну, мне кажется маловероятным, чтобы последний визит в комнату бабушки был совершен ради убийства. Слишком уж нарочито, под носом у Карновски и второй внучки. Если старушку убила Дженни, то, думаю, она сделала это во время ужина. Предположим, что это сделала она, и не станем рассуждать, почему она отравила пузырек, а не стакан. Знает ли Карновски, что она сделала? И не пытается ли Кэрол Квентин защитить кузину?

– Почему вы так думаете?

– Я не говорил, что я так думаю. Но вспомните, что именно Кэрол в разговоре с нами пыталась преуменьшить антипатию миссис Лакланд к Карновски. Она притворилась, что это лишь из-за того, что он – киноактер. Также именно Кэрол ничего не сказала о том, что ее бабушка собиралась поговорить с Ренни о...

– Возможно, она так пыталась защитить себя.

– Может быть. Также это могло бы скрыть мотивы Дженни, ведь та несколько дней назад попала в переделку и могла быть вычеркнута из нового завещания.

– Это ссора со старушкой все для нее портит, – заметил сержант.

– Да. И вспомните, что это она спрашивала Ренни о завещании, рассказала Литтлджону об увольнении Хенесси, но не упомянула о присутствии Карновски и странно выглядела, когда суперинтендент спросил об анонимных письмах.

– Может, она сама их отправила, – неохотно допустил Солт.

– Возможно. Хотя если это она, то я не разбираюсь в людях. Но я чувствую, что Дженни Херншоу кое-что знает...

– Она знает, кто убил старушку? – предположил Солт.

– Это было бы слишком хорошо, Солт. Конечно, она может знать, как может и сама быть убийцей. Но сейчас я думаю не об этом. Вчера вы удивились тому, что я поверил рассказу Карновски о парне, которого вы пытались выследить, не так ли?

– Парне? – хмыкнул Солт. – Это лишь плод фантазии.

– Нет, он из плоти и крови. Я и сам был скептичен, пока не упомянул о нем в разговоре с Дженни Херншоу. Вы не заметили, как она поначалу отрицала, что что-то знает, а потом, когда я отставил эту тему, сама стала говорить о «приукрашивании фактов»?

– Да, но...

– Почему, когда я сказал ей, что это была идея Карновски, она перепугалась до смерти и больше не смогла ничего нам сказать? Если тот человек не существовал, ей не нужно было пугаться при упоминании мистера Карновски. Думаю, она знает о нем. Думаю, она вернулась к этой теме, так как с тех пор, как я упомянул о нем, тот парень не выходил у нее из головы, и она решила развеять мои подозрения, высмеяв эту мысль.

– Звучит разумно, – признал сержант. – Но смотрите: допустим, она подозревает, что старушку убил Карновски, и допустим, что она решила, будто он изобрел того парня, чтобы бросить тень подозрения на кого-то еще? И ваш рассказ усилил ее уверенность, что все это – дело рук Карновски.

– Солт, сегодня вы соображаете в два раза быстрее обычного, – улыбнулся Пардо. – Может, и так. Но все-таки она знает что-то важное. А что насчет кузины, Кэрол Квентин?

– Они в одной лодке, не так ли? Я имею в виду, что их условия практически одинаковы.

– Конечно, возможности у них равные, – ответил Пардо. – Но я не думаю, что у нее вы найдете мотив так же быстро, как у Дженни. Конечно, остается мотив денег, да и избавления от рабства, или как еще назвать их положение в доме старухи? Мотивов достаточно, но все-таки в опале была Дженни, она же была и влюблена в человека, который, по-видимому, любит ее. У нас нет улик, показывающих, что для мисс Квентин смерть миссис Лакланд была так же важна, как для второй внучки.

Пардо нахмурился, а затем медленно продолжил:

– Я не понимаю, почему она была убита в среду ночью, а не раньше, ведь когда она сильно болела, Фейфул не стал бы обращать такого сильного внимания на ее смерть.

– Потому что она собралась изменить завещание, – предположил сержант.

– Да, я знаю. По этой причине ее могли убить сейчас, а не месяц назад. Но морфий пропал в июне, значит, убийца ждал, пока не наступит выздоровление, словно хотел, чтобы смерть совсем не выглядела естественной!

– Кто бы это не сделал, он, вероятно, надеялся обмануть врача.

– Но она не принимала этот яд даже в минимальных дозах, – покачал головой Пардо. – Вернемся к Кэрол. У нее была возможность дать старушке яд, когда она подымалась за платком – она говорит, что это было примерно в половине девятого. Нам трудно определить продолжительность времени, в течении которого она отсутствовала в гостиной. Если Кэрол может попытаться защитить Дженни, то и Дженни может попытаться представить все в выгодном для Кэрол свете – если Дженни притворяется, что не знает, когда вернулась Кэрол, а Карновски ей подыгрывает. От показаний кухарки тоже нет проку. Она говорит, что Кэрол ушла от нее без десяти девять, но она не помнит, сколько времени они проговорили – «от десяти до двадцати минут». Значит, она бы могла убить бабушку перед тем, как идти на кухню.

– Чтобы после убийства пойти и болтать об увольнении горничной, нужны крепкие нервы, – заметил Солт. – И мы все еще не знаем, как яд попал в пузырек.

– Да. Как-то не верится, что убийца миссис Лакланд взял на себя труд подмешать морфий в пузырек только для того, чтобы тут же вылить его обратно. Это бессмыслица. Яд должен быть подмешан заранее, и не знай я, что днем она приняла из этого пузырька безобидное лекарство, я бы предположил, что отравка попала в него за несколько дней до того. То, что яд был в пузырьке, а не в стакане – самая большая загадка из всех, и я считаю, что если мы сможем решить ее, то остальные части картинки тут же встанут на свои места.

– Что-то еще заставило меня вспомнить о мисс Квентин, – невпопад вставил Солт. – По словам Литтлджона, она первой упомянула теорию самоубийства.

– И почему это привлекло ваше внимание?

– Если бы она сама была убийцей, или если бы она знала, что во всем виновна Дженни, разве она не захотела бы подтолкнуть нас к теории о суициде?

– Она могла бы захотеть, что бы вы рассуждали именно так, – улыбнулся Пардо. – У нас осталась еще Эмили Буллен...

– И Карновски, – закончил сержант.

– Сначала разберемся с домашними. Скажите, что вы думаете о компаньонке? – с блеском в глазах спросил инспектор.

Но Солт не попался на удочку.

– У нас есть ее характеристика, – только и ответил он.

– Вы сами написали ее. «Хитрая, истеричная, вредная, но, в общем-то, глуповатая. У нее есть все черты старой девы, которой предстоит столкнуться с эмоциональными и экономическими трудностями».

Солт вздохнул, посмеиваясь над собственным выбором слов, а Пардо продолжил:

– Предположим, что Эмили Буллен убила хозяйку, и какой же мотив мы можем представить? Думаю, в нем смешано и желание денег, и жажда мести за двенадцать лет собачьей жизни.

– Но она сказала, что не знала о том, что унаследует деньги.

– Допустим, что знала или предполагала. Вероятно, она лжет. Нет ничего невероятного в том, что миссис Лакланд сначала могла рассказать ей о наследстве, а после сообщить о том, что переписшет завещание и оставит все деньги доктору. Вот и мотив – случай того же отчаяния, что и у любой из внучек, так как если бы Буллен узнала, что ей достанутся деньги, то в ее положении это было бы очень хорошая перспектива. Увидев, как наследство ускользает от нее, она могла бы обезуметь.

– И у нее были те же возможности убить, что и у девушек, – заметил Солт.

– Да, она могла бы дать хозяйке яд, заглянув к ней после десяти часов, – ответил Пардо. – Но в этом случае она не планировала дать яд самостоятельно. Миссис Лакланд обычно не принимала лекарство ни в десять часов, ни позднее, так что если убийцей была Эмили Буллен, то, подмешав яд в пузырек, она рассчитывала, что во время ее отсутствия одна из внучек даст препарат бабушке. Но вернувшись и обнаружив зелье нетронутым, она сама дала яд хозяйке и вытерла пузырек. Могло быть и так.

– И это объясняет, почему морфий оказался в пузырьке, – добавил Солт. – Убийца не хотел быть тем, кто даст старушке препарат. Это должен был сделать кто-нибудь другой, на кого и упало бы обвинение.

– А тот, кто вытер пузырек, сделал это из-за того, что все пошло не по плану, – продолжил Пардо. – Это значит, что убийца рассчитывал на отпечатки какого-то человека. Но когда вы так рассуждаете, Солт, это выглядит глупо. Пузырек заинтересовал нас только потому, что был вытерт. Иначе перепутанные отпечатки не смогли бы привести ни к чему определенному, ведь в последнее время пузырек трогало множество людей. Как ни верти, а мы заходим в тупик.

– Думаю, – вставил Солт, – про шумы в ночи она выдумала.

– Ну, не знаю. Помните, что старуха обвинила в шуме именно компаньонку? Буллен не умна, так что это замечание кажется мне настоящим. Чтобы придумать такое, нужен более утонченный ум. Потому я и не могу представить Буллен в роли убийцы. У нее нет ни холодной головы, ни сообразительности. Она не смогла бы толком сыграть эту роль. Вы можете себе представить еще какие-либо действия с ее стороны?

Сержант задумался, а затем нерешительно предположил:

– Анонимные письма?

– Да. Она прекрасно к ним подходит. Как раз тот типаж, и она могла написать письмо самой себе, чтобы сбить нас со следа. Вы не заметили ничего странного в ее собственном письме?

– Оно не такое мерзкое, как те, что получил доктор.

– Да, не такое. По этому письму не скажешь, что она имеет хоть какое-нибудь отношение к убийству, максимум, в чем оно обвиняет ее, – в невнимательности к происходящему. Также с ее письмом связано кое-что еще. Оно написано позже, чем письма доктору – чернила совсем свежие. А она говорит, что получила его неделю назад, и при этом не может показать конверт.

– Но если она написала письмо сама себе, то почему бы ей не положить его в конверт и не отправить самой себе?

– И на конверте будет штемпель с датой? Она не слышала вопросов к Дженни и Кэрл по поводу писем, пока не стало слишком поздно отправлять письмо почтой. Почему она писала анонимки? Это все еще загадка. Но чем дольше мы ищем убийцу, тем хуже Эмили Буллен, конечно, если убийство совершила не она. Она знает об этом, что само по себе доводит ее до истерии.

– Последнее письмо к доктору было отправлено из Буллхэма, – задумчиво заметил Солт.

– Да, а Хетти Пэрк живет в Буллхэме. Если Буллен настолько глупа, как я думаю, то она могла попросить Хетти отправить его – чтобы казалось, будто письма написаны не в Минстербридже, а где-то еще. Узнайте, как прошел день служанки. Полагаю, это было во вторник. Также Буллен могла и самостоятельно добраться туда на автобусе.

– Но ее свободный вечер – в среду, – возразил сержант.

– Кроме свободного вечера, у нее мог быть и свободный день. У нее было больше свободы, чем у девушек. В любом случае, выясните это и проверьте показания Буллен насчет миссис Мэкин, к которой та зашла после концерта. Так же и со школой: притворитесь, что уточняете временную шкалу, и расспросите, когда она ушла с концерта. Можете сделать это сегодня днем. А пока все на похоронах, я собираюсь покопаться в их комнатах. Особенно у Буллен.

– Что вы ожидаете найти?

– Возможно, знакомую нам писчую бумагу, – пожал плечами Пардо.

– Если она оставила запасы бумаги, то она просто безумна, – ухмыльнулся Солт. – Но никогда не знаешь. Да, у нас еще остался киноактер. Что с ним?

– У него есть мотив, – нахмурился Пардо. – Брак с Дженни и возможное богатство. Даже если он разделяет предполагаемое неведение внучек о наследстве, он достаточно умудрен жизненным опытом, чтобы понимать: вероятно, впереди его ждут деньги. Я собираюсь связаться с его банком и выяснить его дела. Он выглядит состоявшимся человеком, который ни в чем себе не отказывает, но, вероятно, он наделен типичным артистическим пренебрежением к финансам.

– Как и к морали. Разведен и все такое, – слова сержанта прозвучали так, словно речь шла о постыдной болезни. – Он не прочь прокрасться туда, где его не ждут, но мог ли он прибегнуть к яду?

– От входа без приглашения до убийства долгий путь. Но нам нужно рассмотреть и его кандидатуру. У него была возможность – он сам признался, что подымался в ванную. То, что он не знал, где спальня миссис Лакланд, может быть неправдой. С другой стороны, есть и сильный аргумент в пользу Карновски: разве миссис Лакланд позволила бы незнакомому человеку войти к ней в комнату, а тем более дать лекарство? При том, что она легко могла позвонить в колокольчик, позвав на помощь?

– Я бы сказал «нет», – заявил сержант.

– И еще одно, – продолжил Пардо. – По-видимому, Карновски был редким гостем в доме, так что с его стороны было бы глупо устраивать убийство старушки как раз в тот вечер, когда он находился у них.

– Как и со стороны мисс Херншоу, – добавил Солт. – Ей не стоило бы это проворачивать в то время, когда там был ее молодой человек.

– Да. Но нам нужно помнить: возможно, тот вечер был избран из-за того, что старушка на следующий день собиралась увидеться с Ренни. Также нужно узнать: кто точил зуб на доктора? Кто-то попытался бросить на него тень обвинения в убийстве, а также у него из-под носа ушли пятнадцать тысяч фунтов. Для любого человека это стало бы неприятным ударом.

– Он довольно хорошо его перенес, – заметил Солт.

– И если те анонимки написала Эмили Буллен, то, может, и убийство совершила она? Одно другому не противоречит. Но я так не думаю. Она *могла* подмешать морфий в пузырек, планируя, что кто-то другой даст препарат хозяйке, но в итоге это пришлось сделать ей самой. А после этого она *могла* вытереть пузырек, по глупости решив, что это умный ход. Но это не согласуется с ее характером – подобно той женщине, впервые увидевшей жирафа, я кричу: «Этого не может быть!».

– Скоро что-то произойдет, – сказал Солт. – Вот увидите.

Глава 12

Вверх и вниз

Здесь, право, не такой порядок, как у нас.
*Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»*¹⁴

Прелюдией к исполнению пророчества сержанта стала удача Пардо, когда он после обеда наведлся в дом Лакландов. Он догадывался, что публичность и условности заставят женщин держаться подальше от похорон, на которых будут присутствовать Ренни, доктор и полиция. Так что инспектор был готов к трудностям в передвижении по дому и нуждался в предлоге для того, чтобы обеспечить себе свободу действий.

После того, как Эдит ответила на его звонок, он был приятно удивлен: оказалось, что обе девушки сидели в саду, «ведь все шторы опущены из-за траура», а мисс Буллен отсутствовала – на день она ушла к подруге. Хетти Пэрк собиралась уехать на вечернем рейсе автобуса. Хенесси был на похоронах.

– Не беспокойте ни мисс Квентин, ни мисс Херншоу, – сказал он служанке. – Я просто еще раз взгляну на спальню миссис Лакланд. Пойду прямо вверх.

Эдит, кажется, была только рада такой просьбе. «Наверное, она ожидала новых вопросов о тумбочке», – подумал инспектор, отметив, что лицо служанки было угрюмо, а глаза – покраснели.

В субботу он запомнил расположение комнат в доме. По левую руку была комната Кэрол (ее окна были на фасаде), затем – пустующая гостевая спальня, а потом – комната Дженни. Почти напротив двери Дженни располагался небольшой коридор, доходивший до окна в сад. В этом коридоре справа находились комната миссис Лакланд, а также небольшая комнатка возле нее – с момента отъезда медсестры она была не занята. Слева – ванная и еще одна свободная спальня. В конце коридорчика находился чулан, дверь которого была напротив двери в спальню Дженни. Напротив комнаты Кэрол располагалась комната, занимаемая Эмили Буллен. Черная лестница за ней вела к комнатам слуг.

Пардо не стал терять времени в комнате миссис Лакланд. Сейчас она была неинтересна. Он потратил несколько секунд на то, чтобы зайти в ванную и, выглянув из нее, проверить, какая часть основного коридора попадает в поле зрения. Потом он отправился в спальню Дженни. Она была большой и, несмотря на малое количество мебели, уютной. В этот час комната должна была быть наполнена солнечным светом, но шторы были опущены, а небо за окном походило на серое одеяло, покрытое узором из багровых туч. Несмотря на открытые окна, в комнате было душно. Беспорядок в комнате придавал ей более уютный вид. Здесь были разбросаны книги в массивных переплетах, один-два неубранных на место плаща, пара туфель. Закрыв за собой дверь, Пардо встал у входа и медленно обводил комнату взглядом. Затем инспектор вошел в комнату, и, не обращая внимания на длинные ящики комода и приоткрытую дверь шкафа, он осмотрел предметы на тумбочке, но не касался их. Овальное зеркало покачивалось над ящиками тумбочки. Пардо выдвинул тот, что справа. В нем не было ничего, кроме нераскрытой упаковки с шампунем. Пардо переключился на второй ящик. Потянул, но ничего не произошло. Дернул снова, и ящик с треском выскочил ему в руки. На первый взгляд, в нем также не было ничего интересного. Немного высохших водорослей да пара пенсовых монет. Но взгляд инспектора зацепился за что-то белое в углу. Вынув его, Пардо увидел, что это сильно скомканный лист бумаги. Он осторожно развернул его, и на его ладонь выпали пять белых таблеток.

Пару секунд инспектор смотрел на них, выражение его лица ничуть не изменилось, за исключением того, что губы сжались плотнее. Затем он осторожно поместил их обратно в бумагу и сунул этот сверток в нагрудный карман. С минуту он просто стоял, застыв в неподвижной комнате, тишину которой нарушало лишь жужжание попавшей в ловушку пчелы. Он мог бы показать находку доктору, хотя и не сомневался, что это за таблетки. Подняв глаза, он заметил свое

¹⁴ Перевод Н. Демуровой

отражение в зеркале. Его взгляд был бодр и тверд. Вернуть ящик на место оказалось непросто – он не поддавался и двигался рывками. А первый ящик двигался от малейшего касания. Не обратив особого внимания на что-либо еще, Пардо вышел в коридор и прошел к комнате Кэрол.

Размерами и формой эта комната ничем не отличалась от предыдущей, но контрастировала из-за идеального порядка, который делал ее безликой. Все в ней отражало сдержанность хозяйки. Пардо подошел к туалетному столику, выдвинул оба ящика – в них находилось безобидное белье. Инспектор перешел к шкафу. Он был заперт на ключ, но тот торчал в замке. Заглянув внутрь, Пардо убедился, что и там царят чистота и порядок. Инспектор оставил шкаф и оглядел прочую мебель, которая, как и в комнате Дженни, была хорошей и современной, хотя по качеству и уступала мебели из гостиных.

В тумбочке ничто не привлекло его внимания, и он на минуту задумался у комода возле окна. У него были: длинный ящик, который легко выдвигался и не содержал ничего, кроме белья, и два ящика поменьше – они были заперты. Именно они привлекли внимание Пардо.

Когда он наконец-то закрыл дверь за собой и направился к комнате Эмили Буллен, выражение его лица было задумчивым.

Какое-то время он оставался там, а когда инспектор, наконец, спустился вниз, прошло уже полчаса с тех пор, как он вошел в дом. Насколько он мог видеть, он был в доме один. Он тихо пробрался на кухню – якобы, в поисках миссис Бидл, но, видимо, чем-то выдал себя, так как дверь, обитая зеленым сукном, тут же отворилась, и из-за нее появилась кухарка, облаченная в суровое черное платье из какого-то жесткого материала.

– Вы – тот самый человек, которого я искал, – любезно заявил Пардо. – Миссис Бидл, можете сказать, когда в дом в последний раз приходил мастер по замкам?

Суровость кухарки сменилась удивлением.

– Сейчас не время для расспросов, – попрекнула она инспектора. – Нельзя забывать об уважении к покойным, хоть сейчас с этим и не считаются. Мастер по замкам, говорите? – с любопытством переспросила она. – Мисс Кэрол вызывала такого в апреле, после того, как ее бабушка заболела. У миссис Лакланд в прислуге никогда не было никаких рабочих, и, если появлялась необходимость, она вызывала их, но когда старая леди заболела, было не до того, чтобы спрашивать у нее позволения, а мисс Кэрол сказала, что не хочет оставлять свои ящики незапертыми, тем более что у некоторых и вовсе не было замков, а ведь никогда не знаешь, какой воришка может попасть в дом... Да и вы этого не знаете! – бессвязная тирада завершилась вызывающе, словно кухарка ждала, что Пардо начнет возражать.

Но инспектор спокойно выслушал ее.

– Спасибо, – поблагодарил он, и быстро добавил: – И еще одно. Ваше упоминание о том, что миссис Лакланд вызывала рабочих, натолкнуло меня на мысль. Я полагаю, никто не ожидал, что ваша покойная хозяйка может нанять нового слугу?

– О, нет, конечно, нет. Даже если бы кто и нашел идеальную горничную (хотя я не верю, что такие существуют), она бы сразу же ее уволила только за то, что ее выбрала не она.

Здесь кухарка резко остановилась, испугавшись, что Пардо решит, что она злословит хозяйку, а ведь та только что отправилась в последний путь. Но инспектор выглядел неуместно весело.

– Так я и думал, – сказал он. – Каким образом я смогу попасть в сад?

Миссис Бидл указала на небольшой коридор за его спиной.

– Через дверь внизу, – холодно ответила она, почувствовав, что не понимает этих полицейских игр.

Ранее инспектор не был в саду и теперь жалел, что у него нет времени оценить его красоту. Старый Джон Лакланд знал, чего хочет и как этого добиться. Инспектор шел мимо аккуратно рассаженных растений, беседок, между грозными голландскими тисами. Террасы впереди спускались к реке. А над всем этим угрожающе нависало небо, затянутое облаками – даже контур соборной башни терялся в густой дымке. Инспектор начал думать, что каким-то образом разминутся с девушками, и, возможно, они уже ушли в дом, как вдруг он заметил, что они сидят в шезлонгах у входа в крошечный павильон, построенный в тени тутового дерева.

У Кэрол была книга, и она временами поглядывала в нее, а вот Дженни была явно ничем не занята. Приближаясь к ней, Пардо заметил, что она быстро и нервно курит. Девушки не говорили, но когда инспектор подошел к ним, обе подняли головы.

– Ужасная жара, не правда ли? – сказал он. – Ненавижу беспокоить людей. Но, мисс Квентин, я надеюсь, вы не против показать мне, как добраться на ту сторону реки? Подозреваю, где-то здесь должен быть мост.

– Вам нужно всего лишь выйти за ворота и свернуть по тропинке направо, – быстро ответила Дженни.

– Без проводника я беспомощен, – улыбнулся ей инспектор и снова обратился к Кэрол: – Вы не возражаете?

Она пристально взглянула на него, затем встала и, кинув книгу на шезлонг, ответила:

– Идите за мной.

Они вместе ушли по узкой тропинке, сворачивающей влево от террасы. Ступеньки были узки, и пройти можно было только по одному, так что начать беседу удалось, только когда они спустились. Небольшие, но массивные ворота были закрыты, а за ними располагалась общедоступная для горожан дорожка, проходившая вдоль берега реки. Это место было спрятано от взглядов как со стороны дома, так и с террас.

Остановившийся Пардо последовал за Кэрол после того, как та отперла ворота. Он серьезно взглянул на нее. Она взглянула в ответ. Ее лицо побледнело, а глаза забегали.

– Мисс Квентин, как вы догадались, это была уловка, – честно сказал инспектор. – В моей службе не всегда целесообразно говорить при третьем лице, и... – он замешкался, – у меня есть причины, по которым я хотел бы, чтобы сказанное мной услышали только вы.

Лицо Кэрол просветлело, и она очаровательно взмахнула руками.

– Но вы можете сказать Дженни то же, что и мне! – воскликнула она.

– Ну, давайте исходить из того, что сейчас я хочу сказать это только вам. Пожалуйста, скажите, подозреваете ли вы в воровстве кого-либо из присутствующих либо недавно присутствовавших в доме?

Девушка не сводила глаз с лица инспектора, пока он не закончил говорить. Затем она перевела взгляд на заросли ольшаника по ту сторону реки.

– Одно время мы думали, что Эдит «заимствует» вещи, – ответила она, не отводя взгляда от противоположного берега. – Бабушка была уверена, что это она.

– В таком случае, зачем ее держать на службе? – спросил Пардо, вспомнив беспощадную репутацию миссис Лакланд.

Кэрол бросила на инспектора резкий взгляд.

– Не знаю. Нет. Конечно, это не было филантропией. Бабушка наслаждалась властью над людьми, и если они ошибались... – она красноречиво пожала плечами.

Пардо кивнул.

– А у вас или мисс Херншоу когда-либо были ошибки?

Кэрол озадаченно посмотрела на него. Сперва она не отвечала, а затем сказала:

– Насчет Дженни я не знаю. У нее, может, и были. У меня – нет. Но я не думаю, что нам стоит держать Эдит.

– Значит, никто, кроме миссис Лакланд, не мог увольнять слуг?

– Конечно, нет! Мы не могли даже предлагать это. Во всяком случае, у нас не было никаких гарантий того, что из-за упрямства бабули обсуждаемый слуга, напротив, не укрепит свои позиции на службе. Но, инспектор, к чему эти вопросы?

Пардо улыбнулся и отвернулся, собираясь уйти. Держа руку на полуоткрытой калитке, он остановился и снова взглянул на девушку.

– Мисс Квентин, это часть моей работы – как можно лучше узнать людей, с которыми приходится иметь дело. Это не имеет особого значения. – Он понизил голос. – День-другой излишне не доверяйтесь никому в доме. Не хочу вас зря пугать, но пока не обнаружен убийца вашей бабушки, стоит понимать: никто не находится вне опасности.

Он не стал дожидаться ответа и проскользнул в калитку, подняв руку на прощание, и быстро зашагал по тропинке, ведущей к мосту, находившемуся примерно в двухстах ярдах. Он не оглядывался и не видел, что Кэрол застыла у калитки и все еще наблюдала за ним.

Когда после чая Солт вернулся в «Лебедя и переправу», инспектор и сержант обменялись информацией. Пардо честно рассказал об осмотре комнат, и несмотря на то, что во время сообщения о находке в комнате Дженни Херншоу глаза Солта расширились, он не сделал никаких

комментариев. Вместо этого он перешел к описанию комнаты Эмили Буллен, в которой не нашлось улик вроде бумаги или конвертов. Семейных фотографий у нее не меньше, чем в фотостудии, но вот что касается писем, нашлась лишь бутылочка чернил и ручка. Письма вполне могли быть написаны ее пером, но этого мало.

– Для нее и этого достаточно, – буркнул Солт. Кажется, его заинтересовало что-то еще, так как прежде чем Пардо успел продолжить, сержант заявил: – Смотрите, нет никаких прямых свидетельств против этой дамы. Был я в той школе для девочек, и как вы думаете, что я обнаружил?

– Что ее не было на концерте, – улыбнулся Пардо.

– Верно, – удивился Солт. – Ее там не было. Я искал, как мог, но не чувствовал след. Затем я отправился к миссис Мэкин, полагая, что смогу что-то выяснить через нее. И, о ужас... такое чувство, что мне пришлось пробивать туннель в скале... – Солт запнулся и скорчил рожу, от которой Пардо тут же понял результат усилий сержанта.

– Вы говорили, и беседа шла по одному и тому же кругу?

– Говорили? Это был худший монолог из тех, что я слышал. Бесконечный. Я не помню, как мне удавалось открыть рот, но, видимо, все-таки удавалось, ведь у меня есть все ее ответы на вопросы.

Он вынул толстую помятую записную книжку и начал тщательно перебирать страницы.

– Будь у вас диктофон, было бы веселее, – заметил Пардо.

– Обхожусь своими силами, – ответил нашедший нужную страницу сержант.

Показания миссис Мэкин свидетельствовали о том, что «бедняжка» мисс Буллен пришла к ней в среду, в четверть девятого, чтобы обсудить предстоящую садовую вечеринку. Она так добросовестна и готова помочь... Не то, чтобы ее помощь была настолько велика, но стоит ли презирать стремление к добрым делам? А доктор, (конечно, речь о докторе Фейфуле), так он является лучшим фокусником в округе, но он настолько эгоистичен, что хочет закопать свой талант – ведь он хотел увильнуть от участия в празднике. Но о таких вещах сразу становится известно, не так ли?

– «Офицер, вы знаете, как он галантен с дамами, – Солт изобразил мимику миссис Мэкин. – Не думаю, что это хорошо для врача. Люди начнут говорить».

Они, и правда, говорили о нем, окружив его предполагаемыми женами, а также уймой намеков о предполагаемых пассиях. «Бедняжка» мисс Буллен говорила, что, кажется, он раньше хотел жениться на мисс Херншоу, знаете, той смуглой девушке. Вот если бы на ее месте была кузина, это было бы понятно, ведь она не столь импульсивна и скрытна, не так ли?

Сержанта утомляла вся эта ходьба вокруг да около, но он знал, что если попытаться направить разговор в полезное русло, то нужную информацию он может и не получить, ведь все эти злобные сплетни тоже могут содержать ценные сведения. Так что он позволил монологу идти своим путем.

– У нее явно зуб на доктора, – заметил сержант. – В конце концов, я решил, что она была автором анонимок, а Буллен сообщала ей обо всем происходящем в доме. Как бы то ни было, но я спустил миссис Мэкин на землю, спросив, не знает ли она, где была мисс Буллен до того, как пришла к ней тем вечером.

Миссис Мэкин, кажется, знала. Эмили Буллен была на сеансе в кинотеатре на Кафи-стрит. Бедняжка нуждалась в отдыхе, и она его получила, хотя он и был не особо интеллектуален. Фильм с тем иностранным актером, как там его имя? Ну, с тем, которого так хвалят за экстравагантность, еще подозревают, что он охотится за приданным у Лакландов. Но никогда не верьте тому, что говорят люди, а если спросите меня, то сегодня девушки не сбегают с женихами.

Так вот, – с триумфом и волнением завершил Солт. – Буллен нагло соврала, хотя ведь знала, что мы все проверим. Так почему же она сказала, что была в школе? Мне кажется, что в этом нет смысла.

– Может, все просто, – хихикнул Пардо. – Я бы сказал, что она привыкла лгать о своем времяпрепровождении, так как миссис Лакланд не любила кинематограф. Начав с рассказов о скрипичном концерте, она придерживалась своей легенды, не подумав о том, что мы ее проверим.

После паузы Пардо добавил:

– Я сказал это из-за того, что она и в самом деле глупа.

– Возможно, правда, глупость никогда никому не мешала совершить убийство. Все отравители не так уж умны.

– Верно. И у нашего наверняка есть ахиллесова пята. Но наше убийство задумал вовсе не дурак, как бы ни обстояло дело.

Солт не стал возражать, хотя выглядел несогласным.

– Ну, не вычеркивайте Буллен из вашей схемы. Если вы думаете, что письма написала она, почему нельзя рассматривать ее и как убийцу, даже если и исходить из того, что аноним и убийца – разные люди? – Солт внезапно прервался. – Я спросил Хетти о ее выходном.

– Когда вы ее видели?

– Только что. По пути сюда. Она стояла на автобусной остановке. Она сказала, что выходной у нее был в понедельник, а не во вторник, так что не думайте, что она могла отправить почту. Я спросил ее о Буллен, и она ответила, что на самом деле не знает, но подозревает, что, помимо свободных вечеров по средам, иногда та была не занята и после обеда, но без указания конкретных дней недели.

– А как выглядела Хетти? – немного взволнованно спросил Пардо.

– Так себе, – ответил Солт. – Но в отличие от случая, когда вы говорили с ней, на этот раз она была относительно спокойна – все обошлось без слез.

– Ну, вскоре она будет дома, – парировал инспектор, в его голосе было непонятное Солту удовлетворение. Но он не стал ничего говорить и переключился на таблетки, обнаруженные в комнате Дженни.

– Все ясно, не так ли? Никто невиновный не станет хранить их. И она была на дороге в тот день, когда доктор потерял таблетки.

– Но мне только что казалось, что в убийстве вы обвиняете Эмили Буллен? – насмешливо удивился Пардо.

– А я и не говорю, что это не она. Почему бы им вместе не совершить убийство?

– Потому что это был бы очень неестественный и бессмысленный альянс, – ответил Пардо. – Если Дженни Херншоу украла морфий с целью убить старушку и имела все возможности для этого, то зачем ей рисковать и включать в свой замысел еще одного человека? Тем более *такого*?

– Верно, – согласился Солт. – Тогда это либо Херншоу, либо кто-то кто подбросил ей таблетки, чтобы заставить нас заподозрить ее.

– Ну, обдумаем, – ответил инспектор.

* * *

В половине восьмого вечера намечавшаяся весь день буря наконец-то разразилась над городом и окрестностями. Цвет неба потемнел сперва до темно-серого, а потом до фиолетового цвета, причем оттененного отблесками молний. Висевшая над центром города чудовищная туча накапливала злобу.

Первому удару грома предшествовал лукавый ветерок, а затем разразился яростный всплеск света, и бурные потоки ливня превратили садовые дорожки в месиво из грязи и гальки. От начала и до конца бури прошло менее часа. Но за эти пятьдесят минут рухнули два вяза, росших на берегу реки уже шестьдесят лет; человек, загонявший скот под покров, был убит молнией, с ним был убит и теленок; флюгер собора был сорван; а восемь домов на Ривер-стрит оказались подтоплены на шесть дюймов.

Более того, Смерть, выполнив свою работу, помчалась обратно сквозь пелену дождя, словно пытавшегося встать стеной перед нею. А непогода тем временем уничтожала все следы вокруг тела жертвы.

Глава 13

Появление и исчезновение

У них свои есть выходы, уходы.

Шекспир. «Как вам это понравится»¹⁵

Той ночью воздух был непривычно свеж. Для измученного Минстербриджа это было словно чудо. Тишина также была необычайной: грохот грозы сменился полным беззвучием, которое нарушали лишь блеющие где-то вдалеке овцы да редкие всплески от капель воды, спадавшей с мокрой листвы.

Утреннюю свежесть усиливало сияние утреннего солнца на влажной земле, усеянной нетипичной для июля опавшей листвою. Настроение Пардо поднялось. Завтракая с Солтом, он чувствовал, как узелки развязываются, и на следующем шагу их ждет успех. Весть об этом словно звенела во всех звуках: топоте копыт пони за окном, насвистывании мывшего машину человека и даже в запахе бекона, которым он только что позавтракал, и в фамильярности сержанта, сидевшего напротив.

Он как раз собирался налить себе третью чашку чая и поделиться с Солтом мыслями, когда раздался стук в дверь. Это был хозяин гостиницы с вестью о телефонном звонке от суперинтенданта – тот спрашивает инспектора Пардо. Последний встал и вышел в маленький холл, оставив Солта доедать тост и размышлять о том, что же такое появилось у местной полиции.

Через минуту инспектор вернулся. Еще до того, как он заговорил, Солт понял, что произошло что-то интересное.

– Пошли, – решительно сказал Пардо. – Отправляемся в участок. У Литтлджона парень, которого встречал Карновски у дома Лакландов той ночью. Больше он не говорит ничего, кроме фразы «Скотленд-Ярд». А Скотленд-Ярд – это мы.

Литтлджон поприветствовал их в полицейском участке. Он отвел их в свой кабинет, где стоял мужчина, утверждавший, что является тем самым загадочным незнакомцем.

Это был человек средних лет, который был выше среднего роста, но казался ниже из-за щуплого телосложения. В его лице явно выделялись челюсть и скулы, глаза под кустистыми бровями были ясны и жестки, а голову покрывали суровые седые кудри. Его увядшая красота словно никогда и не достигала расцвета, а потрепанные бриджи с желтым пуловером придавали ему псевдоковбойский вид. Гамбургская шляпа лежала на стуле позади него.

Пардо шагнул вперед и встретился взглядом с незнакомцем.

– Я – инспектор Пардо из Нью-Скотленд-Ярда, – сказал он. – Я так понял, что у вас есть, что сказать мне. Как вас зовут?

Мужчина взглянул на него с явным любопытством.

– Ну, – начал он хриплым голосом, который когда-то был исключительно звучен, – я знаю, что это расследование ведет Ярд, и когда я узнал, что дело касается меня, то пришел сюда. Но полиции я ничего не сказал – я бы предпочел иметь дело с вами. Ну, вы понимаете.

Речь незнакомца была грамотной, что диссонировало с его внешностью.

– Как вас зовут?

– Я – Уилл Херншоу, – ответил мужчина, понимая, что дает собеседникам пищу для размышления. – Отец Дженни. На выходных я был в Пекхэмском захолустье и только сегодня утром узнал, что вы разыскиваете меня. Скрывать мне нечего, вот я и пришел.

– Кто рассказал вам, что мы хотим вас увидеть? – резковато спросил Пардо. Он не ожидал такого развития событий, и, судя по кряхтенью Солта и выражению лица Литтлджона, его спутники также не ожидали ничего такого.

Херншоу окинул его сомнительным взглядом.

– А тот, кто мне это сказал, не попадет в переделку? – спросил он.

¹⁵ Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник

Литтлджон изумленно посмотрел на инспектора.

– Ну, поскольку в итоге вы пришли к нам, то не думаю, что это может завести в переделку, – заключил Пардо. – Полагаю, это была мисс Херншоу?

– Верно, – с легкостью ответил собеседник. Несмотря на явную осторожность его позиции, было не видно, чтобы он чувствовал дискомфорт. – Внесем ясность. Все это лето я виделся с дочерью без ведома старой леди. Она не хотела, чтобы я появлялся в доме, и клянусь, когда я виделся с Дженни, я внутрь не совался. Когда в последнюю среду я уходил от нее, насколько я знал, в доме все было, как всегда. О смерти старухи я услышал лишь в пятницу – из письма Дженни, в котором она просила меня не появляться до тех пор, пока она не напишет мне.

– Как вы думаете, почему она написала так? – спросил Пардо.

– Из-за дознания и всего остального она, вероятно, решила, что я был бы здесь лишним. В любом случае, меня ошеломило известие о дознании. После того, как она так долго была прикована к постели, это несколько странно.

Отвечая, Пардо качнул головой в сторону стула, стоявшего возле Херншоу.

– Присаживайтесь. Вы можете рассказать о многом.

Поскольку мужчина подчинился, сам Пардо также сел на один из офисных стульев, суперинтендант сел за свой стол, а Солт взгромоздился на край стола.

– Расскажите, как вы встретились с дочерью после стольких лет разлуки, и что вы делали с тех пор, как передали ее бабушке и до сих пор?

Херншоу не пытался скрыть удивления от того, что полиция так близко знакома с делами его семьи. Пардо решил, что у этого человека простецкий характер, позволявший ему жить сейчас, не волнуясь о прошлом или будущем и не пытаясь заглянуть вглубь событий. Ему явно не приходило в голову, что теперь дела Дженни перестали быть личными и стали предметом расследования. И удивление вопросу инспектора несколько смягчило его резковатые манеры. Он, кажется, согласился с тем, что полиция достаточно сильна, и что не стоит отпираться. Херншоу начал обычный рассказ разгильдяя о том, что он не выходил на связь до тех пор, пока не решил, что возобновление контактов с семьей может принести прибыль.

Он признал, что не видел Дженни с 1916 года – времени, когда умерла ее мать, и девочку передали бабушке. Отвечая на вопрос Пардо о юридическом статусе усыновления, Херншоу сказал, что Джон Лакланд «настаивал на формальностях», а сам он явно не хотел, чтобы его восстановленная холостяцкая свобода обременялась ответственностью за ребенка. Но он не пытался оправдаться или притворяться, что отказался от Дженни ради ее же блага, так как усыновление позволит ей добиться большего. Напротив, он сказал, что старый Лакланд был сущим дьяволом, и его превзошла лишь старуха, которая, к счастью для всех ее окружавших, недавно отдала концы.

Сам Херншоу за последние двадцать лет вел довольно суматошный образ жизни, что полностью соответствовало его темпераменту. Похоже, что-то вроде своеобразной гордости мешало ему держаться одного места. Менее, чем через три месяца после того, как он отказался от Дженни, он уже носил хаки и до конца войны был то на одном, то на другом фронте, удачно избежав ранения. Первые годы после демобилизации он провел в Австралии, принимаясь за разные работы, но так ничем толком и не занявшись. Он вернулся домой, когда стало ясно, что не выйдет проку из пребывания в стране, которой он не может ничего толком предложить.

В Англии его ужаснула угроза безработицы. За работой он никогда не гонялся, но, как ни странно, работа гонялась за ним. Он без проблем возобновил былые знакомства и несколько лет играл в третьеразрядных провинциальных театрах.

Все это время он не пытался связаться с Лакландами. Только в прошлом году, оказавшись в Лондоне и получив мизерную зарплату, он вспомнил о богатых родственниках. Его одолели навязчивые мысли о Дженни: теперь она уже молодая леди и, вероятно, наследница. А также его дочь. Он навел справки и в результате не только нашел семью, но и выяснил, что старый Лакланд умер несколько лет назад. Наведавшись в Минстербридж, он получил какое-то представление о нраве миссис Лакланд и неприступности ее крепости. Тогда он написал осторожное письмо Дженни и тут же пожалел об этом – испугавшись того, что старуха может подвергать переписку цензуре. Но он тогда не знал, что она уже была больна. Дженни ответила через неделю, вкратце описав, почему он не может прийти к ним в дом, а она не может прийти к нему. Он был готов

притаиться, надеясь, что болезнь старой леди станет последней, и был приятно удивлен несколькими неделями позже – дочь написала ему короткую записку, предложив встретиться в его жилище.

– Но после первой встречи ей еще долго не удавалось прийти снова. Старухе стало хуже, и она требовала внимания. Поэтому больше я их не беспокоил, за исключением того, что попросил Дженни сообщать мне о здоровье бабушки.

«Это уже кое-что», – подумал Пардо, ухватившись за то, что Херншоу терпеливо ждал смерти старухи. Инспектор представил себе дом, полный неразрешимых проблем и надежд на избавление, а также Херншоу, затаившегося на заднем плане и ожидавшего возможности пожить. Эти мысли сделали голос инспектора резким.

– Почему же в данных обстоятельствах вы приехали в Минстербридж? Ведь это противоречило желанию вашей дочери?

– Я должен был узнать, как обстоят дела, – ответил Херншоу. – За последнее время, то есть за месяц, Дженни смогла раз или два выбраться в Пекхэм на час-другой. Оба раза она говорила мне, что старухе стало намного лучше, и настаивала, чтобы я оставался на месте. Но я чувствовал, что должен оказаться на месте и убедиться лично.

– Другими словами, вы не собирались держать слово перед дочерью, – холодно заметил Пардо.

– Ну, это было не так, – ответил Херншоу, словно и не было тех двадцати лет, в течение которых он и не думал о Дженни. – В конце концов, она – мой ребенок, и я должен был убедиться, что с ней обходятся по-честному.

– Когда мисс Херншоу в последний раз приезжала в Лондон повидаться с вами? – спросил Пардо.

– Хотите сказать, что не знаете? – округлил глаза Херншоу. – А я-то думал, что вам все известно! Ну, это было в прошлый вторник, за день до того, как я прибыл в Минстербридж. Я виделся с ней вечером, и она вернулась поздним поездом. Вторая девушка все об этом знала и отпустила ее.

– Ясно. В среду вы прибыли в Минстербридж. Во сколько вы пришли к Лакландам?

Херншоу переводил взгляд с одного сыщика на другого, впервые проявив признаки беспокойства.

– К чему это вы клоните? Думаете, это я кинул старуху? В дом я не заходил, ни тогда, ни в любой другой день. Я прибыл в город до семи. Вечер был наилучшим временем – даже если бы у старухи хватало сил встать с постели, к тому времени она должна была лечь спать. Я ушел со станции, немного побродил по городу и подошел к дому после того, как пробили часы. Но приняли ли меня? Дверь открыл дворецкий, и когда я сказал, что хочу видеть мисс Херншоу, он заявил, что она не может никого видеть. Я не собирался называть свое имя и попросил его передать, что ее хочет видеть человек из Пекхэма, но дворецкий захлопнул дверь перед моим лицом.

– В этом нет ничего удивительного, – заметил Пардо, а Солт хихикнул. – Когда вы уходили из дома, вы никого не встретили?

– Встретил, – быстро ответил Херншоу. – По дорожке шел высокий парень. Он направлялся к задней двери.

Херншоу вопросительно взглянул на инспектора, но не получив ответа, продолжил:

– Забавно, но я снова столкнулся с ним спустя несколько часов. Большую часть вечера я провел в кино, а затем, в десять часов, я вернулся к дому. Я подумал: а вдруг у меня появится шанс увидеться с Дженни? Но как только я подошел к воротам, тот же самый парень вышел и уставился на меня. Так что я ушел оттуда, на случай вдруг он продолжит наблюдать.

– Все верно, – сказал Пардо. – Мы знаем о нем. Так вы той ночью не возвращались к дому Лакландов?

– Нет. Не возвращался. Потом уже не было времени. Но к чему все это? Я хотел бы увидеться с дочерью, если не возражаете.

– Конечно, не возражаем. Но я бы предпочел, чтобы она увидела вас здесь до того, как вы уйдете, – ответил Пардо.

Он подумал, что Херншоу может и блефовать, хотя это и маловероятно. Допустим, Дженни не виделась с ним с их первой встречи и старалась удержать его подальше, а он еще раз попытался добраться до нее и поговорить с ней? Тогда Пардо мог бы разоблачить его блеф, поставив его перед девушкой. Инспектор обратился к Литтлджону:

– Суперинтендант, позвоните ей? Попросите мисс Херншоу подойти сюда, так как у нас есть известия для нее.

Хоть Херншоу и не выглядел обрадованным, он и не протестовал, а осторожно наблюдал за тем, как суперинтендант берет трубку телефона. Херншоу будто опасался того, что против него расставляется какая-то ловушка. Он молчал, и ни Пардо, ни Солт не говорили.

– Алло, – сказал Литтлджон, – говорит суперинтендант из полицейского участка. Мисс Херншоу дома? Пожалуйста, передайте ей, что я хочу немедленно поговорить с ней ... Алло ... Мисс Херншоу, я был бы рад, если бы вы как можно скорее подошли сюда. У меня есть известия для вас ... Что? ... Пожалуйста, подождите минутку ... Горничная? Ну, приходите, как только сможете. Здесь инспектор.

Литтлджон положил трубку и обернулся к Пардо и Солту, которые внимательно слушали.

– Мисс Херншоу сказала, что утром им звонили из полицейского участка в Буллхэме – сказать, что вчера вечером Хетти Пэрк не вернулась домой.

Солт присвистнул и взглянул на шефа. Пардо был потрясен. У него словно слетела маска с лица. Взгляд инспектора помрачнел, и он ударил кулаком в ладонь.

– Черт!

– Что произошло? – удивился Литтлджон. – Девушка должна была вернуться домой?

Пардо не ответил. Казалось, он погрузился в неприятные раздумья. О Херншоу все позабыли. Солт ответил суперинтенданту:

– Она уволилась. Вчера она уехала на вечернем автобусе. Я сам видел.

– А мисс Херншоу в пути? – прервал его Пардо.

– Она сказала, что придет прямо сюда, – ответил Литтлджон.

Глава 14

Письмо

Лучше всего открыть письмо и посмотреть, что там говорится.
Николас Юдалл «Ральф Ройстер Дойстер»

Дженни Херншоу появилась спустя примерно десять минут. Когда она вошла, Пардо подумал, что мог бы не узнать в ней ту девушку, какой она была пару дней назад. Изящный полутраур сменил поношенное платье, а осторожный макияж придавал ей уверенный вид. Конечно, это были поверхностные изменения, однако, они бросались в глаза. Дженни была явно возбуждена, и, чтобы сдержаться, ей был нужен самоконтроль.

Вскоре после того, как она вошла, ее взгляд упал на Херншоу. Было слышно, как она дышит. Она внезапно покраснела, а затем побледнела.

– Отец, что ты здесь делаешь? – резко спросила она. – Ты знаешь, что я сказала...

Девушка запнулась, вспомнив, что ее слушают. Прежде чем Херншоу успел что-либо сказать, вмешался Пардо:

– Мисс Херншоу, пожалуйста, присаживайтесь. Ваш отец пришел сюда, чтобы добровольно дать показания о своей личности и передвижениях в ночь смерти миссис Лакланд, – сыщик пристально посмотрел на Дженни. – Как вы помните, мистер Карновски той ночью повстречался с ним.

Дженни, не мигая, посмотрела на сыщика и, присаживаясь, с вызовом заметила:

– Вы говорили, что мистер Карновски сказал, что встретил кого-то. Со мной мистер Карновски не говорил, так что откуда я могла знать, кого именно он встретил?

– Конечно, вы не могли, – согласился Пардо. – Потому вы и подумали, что мистер Карновски выдумал эту историю, чтобы у нас появился убийца, не так ли?

Дженни покраснела и развела руками.

– Да... я думала... нет, – бессвязно пробормотала она. – Я и правда не знаю, что подумала.

Херншоу выглядел озадаченным и раздосадованным. Он не вполне понял последнюю фразу Пардо об убийце, но ему показалось, что она как-то связана с ним, и ему это не понравилось.

– Смотрите... – начал было он, но Пардо остановил его.

– Вы сможете поговорить с мисс Херншоу позже, – отрезал он. – Сейчас ваши дела не обсуждаются. Я хочу перейти к совершенно другому вопросу. Так что больше нет необходимости вас задерживать.

Пардо был уверен: на лице Дженни проявилось облегчение. Херншоу вроде бы все еще сомневался, но, по-видимому, решил, что за его спиной не произойдет ничего страшного, и приготовился уходить.

– Можете оставить адрес вашей квартиры, – заметил Пардо, – я должен буду с вами связаться, если потребуется что-либо прояснить.

Херншоу не стал возражать и нацарапал свой адрес на бумажке. В его поведении уже не было прежней бойкости. Все оказалось сложнее, чем он предполагал. Когда Солт взял у него бумажку, Дженни обратилась к Пардо:

– Вы не возражаете против того, чтобы отец пообедал у нас?

– Нет, – ответил Пардо. – Мистер Херншоу свободен идти, куда пожелает. Просто мы должны быть в состоянии быстро его разыскать в случае чего, но это относится и ко всем остальным заинтересованным лицам.

– Я не заинтересован, – отозвался Херншоу.

– Вы же родственник мисс Херншоу, – спокойно заметил Пардо.

– Отец, все в порядке, – вставила Дженни. – А если хочешь пожаловаться на невезучесть, то лучше бы тебе делать, как я говорила: держаться подальше от Минстербриджа. Оставайся поблизости, чтобы пообедать с нами. Тогда и поговорим, – она кивнула, жестом отпуская его.

Херншоу удалился, махнув рукой Дженни и инспектору и шутливо бросив на прощание: «Только не применяйте допрос третьей степени!».

Когда он ушел, Солт уселся за столом и вынул свои записи. Литтлджон сидел за своим столом, обернувшись к Пардо, который смотрел на Дженни.

– Теперь насчет Хетти Пэрк, – начал инспектор. – Пожалуйста, перескажите слова Булхэмской полиции как можно точнее.

Дженни пересказала. Она думает, что звонок раздался во время завтрака, примерно в половине девятого. Ответила Кэрол. Деревенский сержант сообщил, что миссис Пэрк прибыла утром в участок – с жалобой на то, что ее дочь, которая должна была приехать на автобусе в семь вечера накануне, так и не вернулась домой. Она не получала от нее никаких сообщений, что та не вернется. Таким образом, полиция должна узнать, уходила ли девушка от Лакландов и в который час.

– Я не могла им ответить, ведь вчера вечером меня не было дома, а вышла я раньше, чем Хетти. Но Кэрол и миссис Бидл знали, во сколько она ушла.

– А где вы были? – спросил Пардо.

– Каталась на машине. Без конкретного места назначения. Вчера я почувствовала, что не могу дышать, и решила съездить куда-нибудь. Отправилась к Кассет, через Литтлминстер. Там мне показалось, что похолодало. На обратном пути я пробивалась сквозь шторм. Это было ужасно!

– Конечно! – заметил Пардо. – Ну, будет несложно выяснить, садилась ли Хетти в автобус. Солт, вы видели, как она ждала его, но не как она садилась?

– Верно. Я оставил ее прежде, чем пришел автобус.

– Вероятно, полиция Булхэма опросила пассажиров, – сказал Пардо. – Мисс Херншоу, я хочу как можно скорее увидеть мисс Квентин, так что буду у вас дома вскоре после того, как вы вернетесь туда, конечно, если сейчас вы собираетесь домой. Суперинтендант, – добавил он в то время, пока Дженни вставала, – позвоните в Булхэм и объясните, что я веду дело Лакландов и меня интересует данный случай.

В Булхэме сообщили, что до звонка они считали незначительным дело об исчезновении Хетти Парк. Краткая беседа со служащими окружной автобусной компании показала, что водитель и кондуктор того автобуса сейчас отсутствуют, но в десять минут двенадцатого должны вернуться в главный офис компании. Сержант из Булхэма, он же единственный представитель закона в деревне, намеревался уведомить городских коллег о том, что можно опросить водителя и кондуктора. Инспектор подумал, что добрый сержант в первую очередь стремился свести к минимуму беспокойство миссис Пэрк, и потому не сразу осознал, что к делу проявляет интерес сам Скотленд-Ярд.

Пардо взглянул на часы.

– Сейчас нет смысла идти к автобусникам. У нас еще более часа. Сначала поищем в доме Лакландов.

На месте Хенесси провел их в утреннюю комнату – ту, в которой Литтлджон и Вейл ждали после убийства. Когда они проходили через холл, до них донеслись звуки голосов из гостиной, впрочем, они резко замолкли. Но Пардо успел узнать в одном из них голос доктора.

Вскоре после того, как дворецкий оставил их одних, появилась Кэрол в изысканном черном платье. Румянец на ее щеках и резкие движения делали ее непохожей на себя.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – быстро начала она. Сама она выбрала стул у окна. Кузина сказала, что вы хотите спросить о Хетти. Боюсь, что моя помощь будет невелика. Я могу сказать лишь, что она вышла из дома в половине шестого.

– Она уходила одна? – спросил Пардо.

– Да. Я предложила, чтобы Френсис, наш шофер, отвез ее вещи до автобусной остановки. Но Хетти отказалась, а я была слишком измождена, чтобы переубеждать ее. Итак, она ушла, и я не могу ничего сказать о ее дальнейших передвижениях.

Говорила она очень быстро, и Пардо приметил это.

– Это было после того, как ушла мисс Херншоу? – спросил он.

Солт обратил внимание на то, как задумчиво Кэрол взглянула на инспектора.

– Да, – ответила она после секундного колебания. – Я помню это. Дженни болезненно себя чувствовала. Была страшная жара. Она взяла машину около пяти.

Казалось, что Кэрол хочет что-то добавить, но она замолчала и, как зачарованная, уставилась на Пардо.

– Да, – мягко сказал он, не показывая, что мог придать большое значение ее словам. – Тогда будем исходить из предположения, что Хетти покинула Площадь Святого Михаила, воспользовавшись автобусом. Мисс Квентин, вы не знаете, идет ли он прямо в Буллхэм?

– Не представляю, – покачала головой Кэрол. – Я никогда не ездила в Буллхэм на автобусе. Но наверняка так и есть, ведь иначе Хетти не смогла бы дойти со всеми ее вещами.

– Я не имел ввиду, что ей пришлось идти, – пояснил инспектор. – Иногда, чтобы добраться до места назначения, требуется пересадка. Но скоро мы это узнаем. Мисс Квентин, я бы хотел, чтобы вы рассказали, ушла ли Хетти от вас в той же депрессии, в которой она пребывала в последние дни, и не знаете ли вы причину этой депрессии?

– Что касается первого вопроса, то я не думаю, что вчера она была так же подавлена, как обычно. Возможно, она была не так уж весела, но, судя по словам Бидл и по тому, что я сама видела, она с нетерпением дожидалась вечера.

Кэрол сделала паузу, но поскольку Пардо ничего не сказал, она продолжила:

– Что касается причины ее депрессии, то могу поделиться своим мнением, меня оно удовлетворяет, но это лишь предположение... – Кэрол равнодушно пожала плечами. – Очевидно, было бы нелепо предполагать, что Хетти могла расстроиться из-за смерти бабушки. Она реже остальных имела с ней дело, и в ее присутствии всегда была робка и беспокойна. Нет, я уверена: все волнения Хетти связаны с ее молодым человеком – какая-нибудь ссора или что-то подобное. Он работает на ферме, недалеко от ее дома. Она как-то говорила о том, как он там загружен.

– Интересное совпадение – так сильно расстроившая ее ссора с молодым человеком произошла как раз во время смерти миссис Лакланд, – сухо заметил Пардо.

– Совсем нет. У них часто случаются размолвки. Кроме того, было бы вполне естественно, если бы наше напряжение наложилось на ее собственные проблемы. Честно говоря, – с раздражением добавила Кэрол, – я слишком устала от Хетти и ее проблем и не считаю эту тему интересной. Я была очень рада, что она уходит, но даже сейчас кажется, что ее проблемы не оставляют нас в покое. Полагаю, в конце концов вы обнаружите, что она сбежала с Джорджем или с кем-то еще, – засмеялась она, но прозвучало это фальшиво.

– Будем надеяться на такое простое объяснение, – сказал Пардо, подымаясь с места и собираясь уходить. Солт также встал, но Кэрол жестом остановила сыщиков.

– Чуть не забыла. Погодите минутку. Доктор Фейфул здесь, и он очень хочет увидеть вас, инспектор. Этим утром он получил еще одно анонимное письмо. Сейчас я приведу его.

На задумчивом лице Пардо появилось новое выражение.

– *Еще одно?* – повторил он. Солта удивило особое ударение, которое сделал инспектор. – Да, я увижусь с ним.

Кэрол улыбнулась и вышла. Как только дверь за ней закрылась, Солт обернулся к инспектору.

– Похоже, это нас куда-нибудь приведет. Этот Джордж может оказаться как раз тем парнем.

Инспектор, ничего не говоря, лишь взглянул а него, и Солт понял, что мысли Пардо текут в совсем другом направлении.

Двери открылись, и вошел доктор Фейфул. Выглядел он более усталым, чем при предыдущей встрече с Пардо. Инспектор вопросительно приподнял брови и подождал, пока доктор заговорит.

Фейфул вынул из кармана конверт и протянул его инспектору. Жест его был неприятен, но лицо – бесстрастно.

– У неизвестного корреспондента есть еще порох в пороховницах, – заметил он. – Это оживило завтрак.

Пардо повертел конверт в руках, а затем перевел взгляд со знакомых букв на лицо доктора.

– Вы его еще не открывали?

– Нет, – покачал головой Фейфул. – Признаю, мне было любопытно, но я решил, что на этот раз вы сами должны открыть его.

Без лишних слов инспектор вынул перочинный ножик и разрезал конверт. Кстати, он был белым – таким же, как и тот, который доктор получил в предыдущий раз. Бумага, которую он вытащил из конверта, была грубо вырвана из дешевой тетради. Автор письма, не обращая внимания на линии, нацарапал:

И как вы собираетесь выпутываться?

P.S. Почему бы не поискать того, кто украл морфий?

Трое мужчин склонились над письмом. Солт вполголоса прочел его вслух, а доктор, видимо, первым осознал его значение и наблюдал за реакцией Пардо. Инспектор, кажется, смотрел на слова, а не читал их. Несколько секунд его зрачки не двигались. Затем он взглянул на Фейфула и улыбнулся.

– Наконец-то мы куда-то продвигаемся, – сказал он.

Угрюмое выражение лица доктора изменилось. Теперь он был нетерпелив.

– Это дает вам след? – спросил он с едва ли не мальчишеским азартом.

– Прямо сейчас нельзя сказать наверняка, – полушутливо ответил инспектор, – но должен сказать, что это о чем-то говорит. Возможно, наконец-то автор писем зашел слишком далеко. Сейчас я не могу сказать большего, но я возьму это письмо и займусь им, как только мы разберемся с исчезновением девушки.

– Вы говорите о Хетти? – спросил доктор, пока Пардо упаковывал письмо сперва обратно в конверт, а потом – в свой карман. – Кэрол только что рассказала мне о ней. Это действительно дело для полиции? Это же ветреная девчонка, а здесь поблизости ее парень...

– Да-да, конечно, – резко прервал его Пардо, – и мы надеемся, что это дело того не стоит. Но идет расследование, доктор, поэтому извините, но я пойду. – Инспектор слегка улыбнулся. – И ободряют последние улики в виде корреспонденции.

Доктор Фейфул кратко рассмеялся, но Солту показалось, что тот не слишком доволен, что его предположение насчет Хетти не было рассмотрено. Они вместе вышли из комнаты и в коридоре повстречали Кэрол – Пардо показалось, что она надеялась перехватить их там.

Проходя мимо нее, доктор спросил:

– Дженни дома?

– Да, она наверху. Она вам нужна?

Фейфул покачал головой и, взмахнув рукой на прощание, покинул дом.

Кэрол вопросительно взглянула на инспектора. «Как она бледна и беспокойна», – подумал тот.

– Мисс Квентин, мы уже уходим. Надеюсь, что в следующий раз, когда мы с вами увидимся, у нас будет прогресс. Сейчас неотложная задача: проследить за делом Хетти Пэрк. И в этом деле есть момент, в отношении которого вы могли бы помочь. Знала ли миссис Лакланд о том, что Хетти подслушивает под дверьми?

– О, нет, – покачала головой Кэрол. – Мы не стали беспокоить ее этим. Вероятно, поднялся бы шум, а оно того не стоит. С другой стороны, подслушивание... – Кэрол запнулась и взглянула на инспектора. – Но к чему вся эта суета вокруг служанки, когда и так есть, чем заняться? Я хочу знать, и я заявляю, что хочу знать, кто убил бабушку, а вы вместо того, чтобы разбираться в значимых вещах, охотитесь за следом девушки, которая наверняка в эту минуту сидит дома и смеется над всеми вами!

Кэрол была на грани истерики. «Это сводит ее с ума», – с сочувствием подумал Пардо, а ведь прежде он считал ее самым невозмутимым человеком в доме.

– Мисс Квентин, поверьте – я не упускаю из виду ничего значимого. Хетти – часть картины. И если, как вы предполагаете, она сейчас дома и в безопасности, то мы сможем порадоваться тому, что на ее поиски было затрачено мало времени. – Он кивнул замолкшей девушке и вышел вместе с сержантом.

Глава 15

Хетти

Через лес вела только одна дорога.

*Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»*¹⁶

Водитель автобуса был проворным юношей, без колебаний прошедшим через допрос. Из его показаний следовало, что он хорошо помнит Хетти: накануне она была среди пассажиров. Он был знаком с ней, ведь он часто отвозил ее в Буллхэм. Вчера она села в автобус на площади святого Михаила в семнадцать пятьдесят. Она вышла у «Трех цапель» – паба в трех четвертях мили от деревни Буллхэм. Это конечная остановка вечернего автобуса, курсирующего по Минстербриджу и округе.

– Во сколько вы остановились у «Трех цапель»? – спросил Пардо.

– В шесть тридцать восемь, – ответил водитель. – Прошлым вечером мы успели вовремя, по расписанию.

– Значит любой пассажир, который пожелал бы попасть в Буллхэм, должен был пройти остаток пути пешком?

– Нет, сэр. Но это был обычный путь Хетти Пэрк... мисс Пэрк... она бы прошла его, но вчера у нее был большой чемодан, и она сказала, что подождет автобуса из Флэксби – он останавливается у «Цапель» без пяти семь и следует в Буллхэм.

– Так вы оставили ее на обочине? – заинтересовался Пардо.

– Да. Мы стояли там лишь пару минут. Мы отъехали в шесть сорок, она в это время ждала на газоне.

– Кто еще сошел на конечной остановке?

– Никто, сэр. Она была последним пассажиром. Их было всего несколько, и никто не направлялся в Буллхэм.

Эти показания были подтверждены кондуктором.

Одолжив у Литтлджона автомобиль и сержанта Вейла (он знал местность), люди из Ярда повторили вчерашний путь девушки. Он пролегал по холмистой дороге, как правило, окруженной пастбищами. Приближаясь к «Трем цаплям», Пардо заметил, что дорога спускается, но впереди, по пути в Буллхэм, подымается снова.

На перекрестке они остановились, и Пардо вместе со спутниками вышел из машины, чтобы расспросить владельца таверны. Она находилась не прямо на перекрестке, а примерно на полсотни ярдов правее, тогда как дорога к Флэксби уходила влево. Вейл сообщил, что это маленький рыночный городок, примерно в девяти милях отсюда. С первого взгляда было ясно, что Хетти не пришлось бы ждать автобуса в Буллхэм ни у паба, ни в его окрестностях, так что, когда хозяин паба не смог дать никакой информации, если инспектор и был разочарован, то не был удивлен. Конечно, трактирщик знал об автобусе из Минстербриджа, но вчера вечером он не обращал внимания на то, выходил ли кто-нибудь из него.

– Ежели им было нужно в Буллхэм, сэр, а выпить им не было нужно, то они бы сюда и не зашли, и с крыльца их и увидеть бы не получилось бы, ежели только попытаться. Вот из сада можно было видеть ожидающий народ, но это в зависимости от того, где они стояли. Изгороди в саду местами довольно высоки, – пояснил трактирщик.

– И насколько я понимаю, вчера вечером, между половиной седьмого и семью, в саду никого не было?

Трактирщик уныло покачал головой. Он почувствовал, что его значимость понижается из-за неспособности предъявить очевидца.

Сыщикам не оставалось ничего, кроме как отправиться в Буллхэм. Дорога вела их на холм и, чтобы обогнуть заросли, резко свернула вправо, а спустя полмили понемногу повернула обратно – влево, вернувшись к первоначальному направлению.

¹⁶ Перевод Н. Демуровой

Деревня состояла из одной длинной улицы, подымавшейся на вершину холма. «Зимой здесь невесело», – подумал Пардо, осматривая верхушки мрачных деревьев, разросшихся по правую руку от склона.

Сперва они отправились в полицейский участок – современное кирпичное здание на вершине улицы. Там их встретил сержант Коул. Он был одновременно испуган и возбужден. Буллхэм пребывал в ожидании.

Нет, все еще не произошло ничего, что бы пролило свет на исчезновение девушки. Он опросил жителей деревни, но вчера вечером ее никто не видел. Сержант был вял и непримечателен, но когда Пардо заговорил о звонке автобусникам из Флэксби, оказалось, что Коул уже успел его сделать.

– Я посчитал, что она не пришла бы от «Цапель», ведь, по словам ее матери, у нее был багаж. А в то время как раз мимо проходит автобус из Флэксби. Они дали мне водителя, но неудачно. Он не подбирал пассажиров у паба, и, когда он проезжал мимо него, там никто не стоял.

– Хорошо, – ответил Пардо. – Я и не ожидал этого. В каком-то смысле оно и к лучшему – это сужает время, в течение которого девушка исчезла. В последний раз ее видели без двадцати семь: она стояла на обочине, но когда без пяти семь мимо проходил второй автобус, ее там уже не было. Что же произошло за эту четверть часа?

Пардо задумчиво переводил взгляд с одного собеседника на другого, но на самом деле он не смотрел на них. Он мысленно вернулся в гостиную Лакландов, когда Хетти съехала на стуле перед ним. Затем его голос и манеры оживились.

– Мы должны отыскать ее. Или хотя бы ее следы. Солт, вернитесь к «Цаплям», это будет отправная точка. Если сержант Вейл захочет пойти с вами, возьмите его с собой. Но подождите минутку.

Он обернулся к Коулу.

– Кстати, нельзя ли сократить путь до деревни, если идти не по дороге?

– О, да, – сержант взмахнул рукой, указывая направление. – Знаете, через лес. На том конце улицы есть спуск, но... – Коул запнулся.

– Но вы думаете, что она навряд ли пошла бы этим путем? – спросил инспектор.

– Если у нее был багаж, то нет, – покачал головой Коул. – Там заросли, и весь путь в гору.

Вейл внезапно обернулся к Пардо, его бледное лицо покраснело.

– А что насчет бури? Может быть...

– Черт возьми! – вырвалось у Коула. – Я и не подумал о ней. Она же могла спрятаться среди деревьев.

Пардо и Солт переглянулись.

– Во сколько в ваших краях началась буря? – спросил Пардо.

– Ну, – задумался сержант. – В четверть восьмого она уже бушевала. Не позже. А первые капли, конечно, упали раньше.

– Немного раньше, чем у нас, – пробормотал Солт.

– Солт, проработайте путь через лес в деревню, – распорядился Пардо. – Начните с того места, где видели девушку в последний раз. После визита к миссис Пэрк я пойду вам навстречу – со стороны деревни, и встречу вас, если, конечно, вы не управитесь раньше.

Когда Солт и Вейл ушли, инспектор Пардо обратился к Коулу:

– Далеко ли отсюда до Кассета и Литтлминстера?

– Прилично, – удивленно ответил сержант. – До Литтлминстера недалеко, но дорога ужасная. А Кассет находится в десяти милях.

– Если ехать из Кассета в Минстербридж на машине, Буллхэм будет не по пути?

– Вряд ли. Второстепенная дорога, не сокращающая расстояние... Нет, Буллхэм не по пути. Только если здесь есть какие-либо дела, оправдывающие крюк, – добавил он.

Пардо не ответил. Он размышлял, могут ли здесь быть дела у Дженни Херншоу.

Коул проводил инспектора к коттеджу Бриони – месту, где жила миссис Пэрк. Он объяснил, что мать Хетти была вдовой. Ее муж был мясником на ферме Корби и умер около года назад из-за больного желудка.

Миссис Пэрк открыла им дверь так быстро, что Пардо решил, что она, должно быть, ждала их прихода. Она была худощавой маленькой женщиной с начинающейся сединой и чем-то напоминала свою дочь.

Она провела их в аккуратную, но темную и переполненную гостиную. Пучок роз на окне затемнял комнату, мешая проникнуть свету. Сидевший за столом маленький мальчик сосал карандаш, перед ним лежала потрепанная тетрадка. Увидев сержанта в униформе он свалился со стула.

– Норман, продолжай свои занятия, – велел Коул и обернулся к миссис Пэрк, чтобы представить Пардо.

– Пожалуйста, садитесь, – сказала она, указав на софу возле окна. Сама она села на стул, терпеливо ожидая начала разговора.

Удивленный ее спокойствием, Пардо объяснил текущее положение вещей и рассказал о проведенных расспросах. Он не упоминал ни лес, ни бурю, но миссис Пэрк сама затронула их.

– Конечно, – сказала она, – когда вчера вечером разыгралась буря, я подумала, что глупышка Хетти не стала ждать автобус и пошла пешком, а когда начался дождь, вернулась в «Цапли», чтобы укрыться от непогоды. И когда я выяснила, что она не сделала этого, я начала волноваться, а затем подумала, что из-за какой-то неожиданности она могла задержаться у миссис Лакланд.

– Естественно, – ответил Пардо. – Но если бы она пошла пешком, разве вы не предполагали, что во время начала бури она могла оказаться ближе к дому, чем к пабу?

– Ну, у нее ведь был багаж, и она могла... – голос миссис Пэрк дрогнул, а затем она продолжила: – Она могла сначала...

– Да, и это подводит меня к следующему вопросу – о друзьях Хетти. Она ведь была дружна с молодым человеком из деревни?

– Полагаю, вы имеете в виду Джорджа Костера, – вспыхнула миссис Пэрк. – Ну, они были дружны, но это не заходило слишком далеко. Ходили на танцы. Ну, вы знаете, каковы парни и девушки.

– Знаю. А Джордж Костер, он работает на ферме поблизости?

– О, да. У Корби, там же, где трудился и мой муж. Но прошлым вечером Джордж ничего не знал о Хетти. В то время он работал, а ферма в поле по ту сторону от леса. И он не знал, что прошлым вечером она должна была вернуться.

– Хорошо, миссис Пэрк, – Пардо заметил, что она волнуется сильнее, чем несколько минут назад. Он сменил тему. – Когда вы в последний раз видели Хетти?

– Больше недели назад. В тот понедельник, когда у нее был короткий день. Еще до смерти миссис Лакланд.

– А как насчет писем? Она писала?

– Только раз. Это не похоже на Хетти. Она всегда отправляла открытку или две в неделю. Но я не волновалась, так как списала это на весь тот ужас, что творился в доме, и всеобщую загруженность.

– А когда пришло письмо?

– В прошлую субботу. Если хотите взглянуть, я принесу его.

Она подошла к буфету и вынула конверт из-за розовой банки с роскошным букетом.

Еще до того, как Пардо коснулся конверта, он увидел, что тот идентичен конвертам, в которых были отправлены анонимные письма. Но это ничего не значит, подумал он, ведь такие конверты широко распространены. Он вынул из конверта письмо, на котором не была проставлена дата:

*Лакландс,
Минстербридж*

Дорогая мама,

Спасибо за письмо. Мы здесь в ужасном положении. Думаю, ты слышала, что старая леди умерла. Но все еще хуже – сегодня здесь была полиция. Не могу об этом писать. Расскажу обо всем позже. Меня уволили, поэтому скоро я буду дома и тогда расскажу. Писать не могу. Она обязательно об этом узнает. Надеюсь, что скоро буду дома. Жаль, что у

Локков корь. Надеюсь, что Норман не заразится. Жди меня, и я все расскажу. Но не сейчас.

*С любовью,
Хетти.*

Пардо встал и протянул письмо сержанту Коулу, который бросал тоскливые взгляды в его сторону.

– Миссис Пэрк, на какое-то время я заберу его, – сказал инспектор. – Оно может помочь. У вас есть подозрения, кого Хетти могла иметь в виду, когда писала: «Она обязательно об этом узнает»?

– Нет, – ответила миссис Пэрк. – Это не могла быть миссис Лакланд, ведь она уже умерла. Так что я не знаю, кого она могла иметь в виду, разве что кухарку?

Прежде чем Пардо успел что-либо сказать, она быстро добавила:

– Ох, сэр, вы же не думаете, что с ней могло случиться что-то такое?

Пардо попытался придать своему голосу уверенность, которой на самом деле он не чувствовал:

– Давайте надеяться на хорошее. Наши люди ведут поиски, и как только что-то выяснится, вам сообщат.

Сыщики простились с миссис Пэрк и Норманом, который, вопреки всем правилам, взобрался на софу и прислонился носом к стеклу, чтобы получше рассмотреть, как уходят полицейские.

Пардо попросил Коула показать ему спуск, по которому жители деревни ходят в лес. Он сказал, что хотел бы пойти этим путем и встретить Солта и Вейла, и предложил, чтобы Коул вернулся в участок – чтобы быть на месте, если вдруг позвонит Литтлджон. Тайное нежелание сержанта повиноваться было поколеблено мыслью о том, что он может получить это сообщение первым.

Пардо обратил внимание на то, что у входа в лес заросли не становились реже. У дороги лес темных и молчаливых деревьев просто резко обрывался, что сильно контрастировало с солнечной и открытой дорогой. За входом в лес дорога сворачивала вправо, спускаясь под гору, Пардо решил, что там находится ферма Корби. Спустившись в лес, Пардо оказался на узкой тропинке, пролежавшей среди лиственниц. Какое-то время дорожка была легкой, но вскоре путь стал более крутым и обрывистым. Ели стали уступать место дубам, букам и орешнику, которые росли более плотно и были увешаны тяжелой летней листвой. Пардо заметил следы минувшей бури: поверхность дорожки местами была омыта, и было много свежееопавших листьев, но сырости почти не было, так как листва была густой. В этом сумеречном мире небес словно и не существовало, во всяком случае, в этой части леса за листвой его было совсем не видно. Здесь была только та тропинка, по которой он спускался вниз. Инспектор заметил, что здесь не хватало не только света, но и воздуха. Не было ни свежести, ни движения. Подлесок бурно зарос, но молочай и листовик пожелтели от недостатка света, а несколько наперстянок у тропинки выглядели хрупкими и болезненными.

Блеклость природы придавала мыслям инспектора мрачное направление. Он снова задумался над письмом Хетти. Может, он интерпретировал письмо именно так из-за чувства тревоги? Но Хетти и правда боялась чего-то или кого-то. Это точно. Предположительно, в пятницу она написала письмо, а в субботу он впервые поговорил с ней и заметил, в каком измученном состоянии она находилась. Кто же эта «она», и почему она «обязательно об этом узнает»?

Пардо прищурился, выйдя на полянку, усеянную лишь кустами и молодыми деревцами. Слева земля уходила под откос, и он слышал плеск невидимой воды. На небе сияло солнце. Он быстро шел более пяти минут и решил, что теперь, должно быть, находится в пределах досягаемости до Солта. Инспектор остановился и аукнул.

Почти сразу же он услышал слабый крик. Значит, он все еще находится в начале пути. Он продолжил путь по тропинке, его чувства внезапно оживились. Вокруг снова появились деревья, но теперь они росли не настолько плотно, чтобы не пропускать солнечный свет, и то тут, то там встречались полянки, усеянные колокольчиками.

Хрустнула ветка. Еще одна. Раздалось хриплое «Ау!» и звук тяжелых шагов. Прежде чем Пардо успел крикнуть еще раз, в поле зрения появился Солт, с осторожностью горожанина пробиравшийся по каменистому пути. Увидев инспектора, он поднажал и вскоре подошел к нему.

– Мы нашли ее, – тяжело дыша, сказал Солт. – Минуту назад. И я пошел за вами.

Пардо знал, что сейчас не время для расспросов. Сыщики молча свернула вправо, где лес был не таким густым, и пересекли небольшую полянку. В ее конце и примерно в дюжине ярдов от покинутой тропинки находился Вейл. Он склонился над чем-то, лежащим на траве. Когда подошли остальные сыщики, он встал и отошел в сторону.

Хетти лежала лицом вниз, одна рука была откинута в сторону, другая лежала под телом. Кулаки плотно сжаты. Ноги немного согнуты, а одежда в порядке, если не считать того, что платье было пропитано ночным дождем. У ног лежали промокшая шляпа и скомканный дождевик. За ними лежал чемодан, дешевая обивка которого потемнела от дождя. Лицо девушки было прижато к земле, и мокрые пряди волос прилипли к щекам.

– Я не трогал ее, – сказал Солт. – Ее нашел Вейл. Я думаю, она задушена.

Солт и Вейл отошли чуть в сторону, а Пардо опустился на колени и, взяв мертвую девушку за плечи, осторожно перевернул ее на спину. Передняя часть ее одежды бала сухой. Причина смерти была очевидна. Багровые синяки на ее горле были явными следами человеческих пальцев. Пардо содрогнулся, вспомнив о былой миловидности блондинки, и накрыл ее лицо платком. Затем он встал и встретился взглядом с Солтом. Его лицо застыло и словно не выражало чувств, а голос стал ровным и бесстрастным:

– Вы же на машине, не так ли? Вернитесь в буллхэмский полицейский участок и позвоните Литтлджону. Вызовите скорую и полицейского хирурга. Затем возвращайтесь ко мне, сюда. Вейл, если хотите – оставайтесь.

Вейл согласился. Он выглядел бледным и взволнованным. Это было его первое убийство, и именно он нашел тело – Солт в то время искал в дальней части тропинки. Вейл никогда не видел, как работают люди из Ярда, и стремился ничего не пропустить.

– Мы не трогали ни чемодан, ни одежду, – сказал он, указав на шляпку и дождевик.

Пардо рассеянно кивнул. Он взмахнул рукой в направлении деревьев внизу.

– Далеко ли мы от поля за «Тремя цаплями»? – спросил он.

– Недалеко, – ответил Вейл. – Если вернуться на тропинку, то за две минуты можно дойти до места, с которого мы начали поиски.

Пардо быстро просмотрел землю между мертвой девушкой и тропинкой.

– Вы пришли сюда случайно, не так ли? – спросил он у Вейла.

– Мы разделились. Один искал слева от тропинки, другой – справа. Я заглянул сюда, так как подумал: если девушку куда-то заманили, то, скорее всего, на подобную лужайку, а не в самую чащу.

– Да. А на короткой и сухой траве, какой она была до бури, даже борьба не оставила бы много следов. Но, возможно, девушку убили в другом месте, а потом принесли сюда, чтобы спрятать тело. Это место с дорожки не видно.

– Это так, – согласился Вейл. Затем он быстро добавил: – Но, в таком случае, убийца мог бы спрятать труп понадежнее. Все-таки здесь довольно открыто, и тело по-настоящему легко найти, особенно, если начались поиски.

– Ваше замечание наводит на размышления, – задумчиво ответил Пардо и вновь склонился над телом.

Вейл заметил, что инспектор подобрал что-то с платья. Вейл подался вперед, и когда Пардо поднялся, сержант увидел, что инспектор держит что-то вроде грязной тряпочки. Это была окровавленная и перепачканная, но довольно сухая повязка.

– Я не видел ее, – заинтересованно отметил Вейл.

– Должно быть, она была под ней и прицепилась к платью, когда я переворачивал девушку, – ответил Пардо. – Грязный лоскут. Но все равно он может повесить человека.

Глава 16

Три визита

Вот компания, с которой можно поболтать.

Джон Форд «Меланхолия влюбленного»

– Есть короткий путь на ферму, – сказал Вейл через два часа. За это время из Минстербриджа приехала и уехала скорая, а Пардо, Солт и сам Вейл успели пообедать в «Трех цаплях».

Было почти четыре. Полицейский хирург бегло осмотрел труп девушки перед тем, как ее отвезли в Минстербридж, и высказал мнение, что смерть наступила от удушения, но вскрытие покажет, не была ли она, например, отравлена. Он осторожно добавил, что Хетти умерла не более двадцати и не менее семнадцати часов назад.

Такая неопределенность не беспокоила Пардо. В этом деле со временем все было ясно. По мнению врача, смерть могла наступить с пяти сорока до восьми сорока. Но Пардо знал, что водитель и кондуктор минстербриджского автобуса видели девушку живой в шесть сорок, когда она стояла на обочине. Водитель из Флэксби, проезжавший без пяти семь, никого не видел. Логично предположить, что Хетти ушла в лес еще до семи, и, судя по тому, что она была в самом начале пути, она была убита вскоре после того, как вошла в лес. По заключению медика она умерла до восьми сорока. Но разразившийся шторм опровергал возможность убийства в этот час, даже если бы об этом свидетельствовали какие-нибудь косвенные доказательства. Умерла ли она на полянке или оказалась там после смерти, все произошло до того, как начался дождь. Земля под телом была достаточно сухой, и промокли только наружные части ее одежды. Даже колени ее чулок были сухими, словно не попадали под дождь. Коул сказал, что в Буллхэме буря началась в семь пятнадцать. Еще раз опрошенный владелец «Цапель» подтвердил это. Все эти факторы практически устанавливали время убийства – семь часов плюс-минус пару минут.

Далее нужно было разыскать Джорджа Костера. Коулу досталась незавидная работа по извещению матери Хетти о смерти дочери, а Вейл хоть и не был знаком с Костером, но знал, где находится ферма, и показал дорогу туда.

Выйдя из машины у «Трех цапель», сыщики повторили последний маршрут Хетти до леса. Пардо задавался вопросом: что же побудило девушку покинуть обочину и пойти в темный лес, навстречу смерти?

Давящая атмосфера в лесу оставалась той же, лишь тени немного изменили положение. Но теперь сыщики свернули вправо, к ручью, журчание которого Пардо слышал несколько часов назад. До вчерашнего дождя он тек тонкой струйкой; теперь же он разросся, радостно бурля водой. На другом берегу находилось недавно скошенное ячменное поле. Прежде чем перейти через ручей, Пардо заметил полость между берегом и мостиком. Возможно, последствия бури; но, может, и след человека, уходившего после убийства.

Сыщики перебрались через ручей и через минуту увидели ферму – окруженную стогами и коровниками груды белых построек, от которых уходила дорога в Буллхэм. Никого не было видно, но когда полицейские прошли через ворота и оказались во дворе, в котором сновали индюки и цесарки, из задней двери появилась женщина с ведром объедков – их она скормила птицам. Она была средних лет, с грубыми чертами лица. Вейл тут же шепнул инспектору, что это миссис Селби, вдова, которая ведет хозяйство Корби. Сама она тем временем подошла к троим мужчинам и спросила, по какому делу они пришли.

Когда Пардо объяснил, что они хотели бы поговорить с Джорджем Костером, она выпалила: «Что он натворил?», – и в ее голосе было больше возмущения, чем интереса.

– Насколько нам известно, ничего, – ответил Пардо, стараясь говорить как можно более спокойным голосом. – Но мы считаем, что он мог бы помочь нам в расследовании, которое мы проводим.

– Надеюсь, вам он сможет помочь, – с недоумением ответила она, – мне-то он не особо помогает. В последние дни от него мало проку.

Женщина внезапно повернулась к ним спиной и направилась к дому, бросив сыщикам через плечо:

– Можете найти его в конюшне за углом.

По пути к вышеуказанному зданию Солт бросил удивленный взгляд на инспектора. «Она не проявила интереса», – думал он. Чье-то веселое посвистывание резко оборвалось, как только они заметили краснолицего мальчугана, мывшего старенький «Форд». Увидев полицейских, он словно потерял речь, во всяком случае, когда Пардо спросил его о Костере, он лишь дернул большим пальцем в направлении конюшни.

Оттуда не доносилось ни звука, но когда сыщики прошли через двор, оставив онемевшего парня позади, и достигли угла конюшни, они обнаружили там парня, сидевшего на перевернутом ведре. Он встал и взглянул на них.

Сиявшее в небе солнце так освещало его, что он казался чуть ли не героем. Пардо прикинул, что парню лет двадцать пять или двадцать шесть. У него было мрачное, но симпатичное лицо и бронзовый загар. Внешне он выгодно отличался от типичных парней с фермерского подворья – он был одновременно изящен и мужествен.

– Мистер Костер? – спросил Пардо. После того, как парень осторожно кивнул, инспектор продолжил: – Я бы хотел поговорить с вами о мисс Хетти Пэрк. Мы проводим расспросы, так как прошлой ночью она не вернулась домой.

– Ну, она же была убита, – раздался резкий ответ. – Думаю, вы узнали об этом первыми.

Сержант Солт быстро взглянул на Вейла, но тот лишь разглядывал прогуливающегося по двору голубя.

– Как вы узнали? – спросил Пардо.

Костер мотнул головой в том направлении, откуда пришли сыщики:

– Около часа назад из деревни пришел мальчишка. Об этом все говорят. Вы нашли ее, не так ли? – сердито закончил он.

– Да, мы нашли ее. Возможно, вы знаете, как все произошло? – в голосе инспектора появились жесткие нотки.

Костер задумался:

– Она была задушена, так? Черт возьми, кто бы это сделал? Кому бы потребовалось сделать такое?

Его голос стал немного тише, парень словно спрашивал сам себя.

– Кому же? – резко повторил Пардо. – Когда вы видели ее в последний раз?

Затем он добавил более мягким тоном:

– Конечно, вы не обязаны отвечать на мои вопросы, и я должен вас предупредить о том, что все сказанное вами может быть использовано как улика. Но если вам нечего скрывать, то вы можете помочь, рассказав обо всем, что знаете.

Казалось, что Джордж Костер ничего не слышит, но его чувства были вызваны словами инспектора.

– Полагаю, вы думаете, что это сделал я? – грубо спросил он. – Вы думаете, что вчера я увидел ее в последний раз и убил ее? Ну, я не делал этого. Но что может заставить вас изменить мнение? Может, вот это... Думаете, эта рука душила кого-нибудь?

Быстрым отчаянным жестом он протянул вперед прежде скрытую от глаз инспектора левую руку. Ее большой палец был как следует забинтован — до самого запястья. Лицо Солта прояснилось, Вейл подошел поближе, но Пардо подумал, что он смотрит с интересом, но без удивления.

– Когда и как это с вами случилось? – спросил инспектор.

– В четверг, в корморезке, – коротко ответил Джордж. По-видимому, он считал, что доказал свою невиновность. Скрытый триумф Костера возмутил инспектора Пардо – он решил, что такой переход от негодования к спокойствию выглядит слишком наивно.

– Довольно сильная рана, так? – спросил он.

– Глубокий порез, – пожал плечами Костер. – До субботы я сам пытался лечить его. Затем миссис Селби велела мне обратиться к врачу. Так что в субботу вечером я ходил к доктору, и тот перебинтовал его. Но вы же видите, что я не мог это сделать?

– К какому врачу вы обратились? Есть ли в деревне доктора? – спросил Пардо.

– Нет. Ближайший — в Флэксби, но туда не так легко добраться. Я ездил в Минстербридж — в субботние вечера туда ходит автобус, да и к доктору Фейфулу я уже обращался.

Пардо покосился на относительно чистую повязку.

– А в последствии кто перевязывал ее?

– Доктор, — ответ Джорджа снова прозвучал угрюмо.

– Он осматривал рану еще раз?

– К чему вы клоните? — насупился Костер. — Да, он еще раз осмотрел палец, если вам это так уж интересно. Из-за кори у детей в понедельник он приезжал в деревню, тогда же он и обновил повязку.

– В какое время дня это произошло? — спросил инспектор, проигнорировав воинственный настрой парня.

Но Костер снова вспыхнул:

– Ну вы и любопытны! Выверяете, где я был, так?

– Костер, не глупите, — ответил инспектор. — Если бы я хотел перепроверить, где вы были, то сделал бы это намного проще — доктор Фейфул ведь в любом случае ответит на мой вопрос.

– Хорошо, хорошо. Это было после чая.

Кажется, Пардо не придавал этому особого внимания. Его рука внезапно потянулась к карману. Инспектор что-то вынул и протянул Костеру. Это была испачканная повязка.

– Можете сказать что-нибудь о ней? — спросил он.

Костер протянул руку к тряпке, затем резко отдернул ее. Он напоминал животное, заподозрившее непонятную ловушку.

– Я не знаю, что это, — медленно ответил он.

– Думаю, что знаете, — спокойно возразил Пардо. — Вы носили ее какое-то время после того, как поранили руку. — Инспектор поднял руку, жестом не давая парню заговорить, и спокойно продолжил: — Возможно, ваша память улучшится после того, как я скажу, что повязка была найдена под телом Хетти Пэрк.

Наступила тишина. Никто не двигался. Затем Солт и Вейл разом шагнули вперед. Они решили, что Костер вот-вот набросится на инспектора. Это продолжалось лишь несколько секунд. Затем злоба сошла с его лица. Он был испуган, но страх был вызван недоумением, а не яростью. Он словно хотел заговорить, но не издал ни звука.

– Ну же, — терпеливо подбодрил его Пардо. — Если вам нечего скрывать, то лучшее, что вы можете сделать, это просто рассказать, когда вы носили повязку и когда сняли ее.

Хотя Костер говорил невнятно и неохотно, суть его объяснения была проста. В субботу доктор перевязал его, и он носил повязку до воскресного вечера, когда он решил, что докторская повязка мешает ему работать и успела запачкаться. Тогда он заменил ее на самодельную, носить которую было удобнее.

Было ясно, что парень пренебрегал советами доктора и считал, что раз уж кровотечение из раны остановилось, то теперь не стоит обращать на нее особого внимания и суетиться вокруг нее.

– Так вы носили повязку до тех пор, пока вечером в понедельник не приехал доктор? — спросил инспектор.

Костер печально взглянул на лоскут и, сомневаясь, ответил:

– Не знаю, не думаю. Пару раз она спадала.

– Вы должны вспомнить, носили ли вы ее, когда прибыл доктор Фейфул. Полагаю, он не одобрил вашу самостоятельность?

– Верно, — кивнул Костер. — Сказал, что это было глупо. Но все ведь было в порядке. Да и доктора всегда ворчат.

Казалось, к Костеру вернулся природный оптимизм. Но Солт заметил болезненную бледность и нервные взгляды на повязку.

– «Все было в порядке», так? — повторил Пардо. — Но не в полном, ведь, по вашим словам, вы не могли бы никого задушить?

– Я не делал этого, говорю я вам! — Костер яростно сжал правую руку в кулак. — И в лесу меня не было. Вчера я не ходил в деревню. Я...

– Допустим, вы в точности расскажете, чем занимались вчера между половиной седьмого и семью часами? — вставил Пардо.

Костер ответил не сразу. Через минуту он сказал, что был на лугу. Нет, с ним никого не было.

Пардо обратил внимание на то, что луг, о котором шла речь, хотя и находился на приличном расстоянии от Корби, но с фермы был не виден и примыкал к дороге в Буллхэм и к автобусной остановке. Костер мог выйти на дорогу, встретить Хетти до того, как пришел автобус, и, совершив убийство, вернуться на работу, сделав круг через лес. Было ясно, что у него нет алиби на время убийства. Показания миссис Пэрк о том, что он не знал о возвращении Хетти, вполне может не совпадать с действительностью. Откуда ей знать об их переписке, если девушка была в Минстербридже?

– Вы, конечно, знали о том, что Хетти уволилась и вчера должна была вернуться домой?

– Нет, не знал, – быстро ответил Джордж.

– Разве у вас не было обычая встречаться с ней в те дни, когда она приезжала домой?

– Да... Иногда, – добавил парень после заметной паузы.

– А поскольку вчера у нее должен был быть сокращенный день, разве вы не задумывались над тем, где она проводит вторую половину дня?

Костер слегка покраснел. Его взгляд снова стал угрюмым.

– Мне было все равно. Мы поссорились. Я имею в виду... – хотел было поправиться он, но было уже слишком поздно. – Я хочу сказать, что виделся с ней не каждую неделю. Мы вместе ходили на танцы по субботам, а понедельник – это уже не то. Кроме того, я знал о проблемах со старой леди, на которую она работала, так что я не ожидал, что она уволится в этот понедельник.

Солт решил, что Костер пытается отвлечь внимание от первоначальной обмолвки. Но Пардо не позволил ему.

– Так вы поссорились, да? – спросил он. – Когда это произошло?

– Ничего страшного, – попытался уклониться Костер. – Уже много времени утекло, – добавил он с деланной небрежностью. – Она ревновала. А ведь мы даже не были помолвлены.

– Ревновала к другой девушке?

– Вроде того, – судя по ответу Костера, он стремился согласиться с инспектором, но Пардо не проявил интереса к данному вопросу.

– Ну, на этом все, – сказал он. – Никуда не уезжайте – вдруг мне потребуется вас увидеть. Кстати, у вас здесь не хватает мужчин?

Костер казался таким сконфуженным, что инспектор решил, что тот мог не понять вопроса.

– На ферме не хватает рабочих рук, не так ли? – переспросил он.

– О! Полагаю, да, – покраснел Костер. Почувствовав, что нужно объясниться, он добавил: – Не все хорошо работают. Они приходят и уходят.

Вызывающий тон Костера не ускользнул от Пардо. Инспектор решил, что Джордж гордится тем, что сам он не ушел, а остался работать на таком неподходящем ему месте.

Сыщики ушли той же дорогой, по которой и пришли, но на этот раз миссис Селби не попала им на глаза. В полицейском участке Буллхэма они встретили Коула, на лице которого все еще запечатлелся шок от трагедии. Он сказал, что около четверти часа назад звонил суперинтендант Литтлджон: он спрашивал инспектора Пардо и хотел сообщить, что в участке кто-то ждет его и может рассказать что-то, связанное с убийством девушки.

– Он упоминал имя? – быстро спросил Пардо.

– Не вполне, – извиняясь, сержант добавил, что суперинтендант назвал имя, но он, Коул, не разобрал его. Хотя Литтлджон повторил его, он снова не смог разобрать, на что суперинтендант ответил, что это не имеет значения.

Уверенность Пардо в том, кто это был, побудила его назвать имя, но вместо этого он взял телефон и попросил соединить его с полицией Минстербриджа. После короткого разговора он улыбнулся. Солт знал, что кто бы ни ожидал инспектора в Минстербридже, это был не тот человек, на которого думал последний.

– Карновски, – сказал он и, заметив выражение лица Коула, добавил: – Он поляк, вот вы и не разобрали.

Когда они добрались до «Цапель», было уже почти пять. Дорога в Минстербридж заняла еще несколько минут. В кабинете суперинтенданта Карновски привстал, чтобы поприветствовать инспектора. Актер владел собой не так хорошо, чем при первой встрече с Пардо. Когда вошли сыщики, актер сразу же начал говорить:

– Инспектор, я рад видеть вас. Произошло что-то, чего я не понимаю. Это было занято, но стало еще занятнее теперь, когда я знаю, что девушка убита.

– Кто сказал вам о том, что девушка убита? – спросил Пардо.

– Мистер Карновски рассказал мне обо всем, – вставил Литтлджон, – и я сообщил ему о найденном в Корби теле. Думаю, вы поймете, что его свидетельство может оказаться полезным.

– Хорошо, – кивнул Пардо. – Пожалуйста, расскажите и мне.

Они сели, и явно возбужденный Карновски снова начал свой рассказ.

Оказалось, что до сегодняшнего дня он не виделся ни с кем из Лакландов, за исключением дознания после смерти миссис Лакланд. Но каждый день он кратко и осторожно беседовал с Дженни, пока утром в понедельник он не увиделся с ней после дознания. Тогда она попросила его больше не звонить ей, пока полиция остается в доме и окрестностях. Она никак не объяснила свою просьбу. Карновски был удивлен, когда в тот же день зазвонил телефон, и голос в трубке попросил его вечером отправиться в Буллхэм и в семь часов встретить мисс Херншоу у мостика в лесу Корби. Там она расскажет ему что-то важное. Если ее там не будет, то ему нужно задержаться на пятнадцать минут и подождать ее: вероятно, она не смогла вовремя выйти из дома. И если она так и не придет, то ни в коем случае не стоит отправляться в Минстербридж либо звонить ей домой – от этого будет больше вреда, чем пользы.

– И звонивший не представился? – спросил инспектор.

– Нет. Он повесил трубку, когда я спросил, кто это.

– Вы сказали «он». Это был мужчина?

– Я не знаю, – Карновски красноречиво развел руками. – Было невозможно понять. Голос звучал, словно эхо. Возможно, он волновался или спешил, не знаю... Но я уверен, что это была не мисс Херншоу.

– Почему?

– Если бы это была она, то не скрывала бы своего имени. Сказала бы, как всегда: «Привет, это Дженни». А если бы она не хотела, чтобы ее слышали другие, то не стала бы так длинно объяснять, куда и во сколько идти, и сколько времени там ждать. Кроме того, теперь мне известно, что она ничего об этом не знает.

– Откуда вам это известно?

– Я только что видел ее. Перед тем, как прийти сюда. Я рассказал ей обо всем, что произошло. И оказалось, что она ничего не знает. Она не назначала встречу и не хотела сообщить мне ничего такого. Так что я пошел в полицию, ведь мне непонятно, отчего кому-то потребовалось отправить меня в Буллхэм. А теперь я узнал об убийстве девушки.

Пардо почувствовал досаду от того, что Карновски увиделся с Дженни перед тем, как идти в участок. Внезапная мысль заставила инспектора спросить:

– Если о смерти Хетти Пэрк вы узнали от суперинтенданта Литтлджона, то, полагаю, мисс Херншоу не говорила о ней?

– Нет, – удивленно ответил актер. – Никто из нас не знал об убийстве, так что, естественно, мы не могли говорить о нем.

Пардо отбросил эту тему и начал расспрашивать актера о бесполезном путешествии в Буллхэм и обратно, стремясь уточнить хронометраж событий. В этом Карновски смог помочь. От заметил, что звонок раздался в четыре двадцать. Хотя он с самого начала сомневался в *bona fide*¹⁷ сообщения, он не стал рисковать, боясь навредить Дженни. Поэтому он прибыл в место назначения еще до семи и оставался там до половины восьмого. Он мог бы задержаться и подольше, но началась буря, и он не видел смысла ждать дальше. Он вернулся в квартиру без четверти девять и написал письмо Дженни. В нем, не вдаваясь в подробности, он сообщил, как долго он прождал в Корби, и попросил сообщить, все ли у нее в порядке. Сам он был вполне уверен, что это какой-то розыгрыш, но на всякий случай отправил письмо, а на следующий день он собирался позвонить. Сначала он подумал, что, возможно, кто-то намеревался ограбить его квартиру, так как по понедельникам у его слуги был свободный вечер. Но как он обнаружил, не произошло ничего такого. Дальнейший опрос Карновски показал, что несмотря на то, что он

¹⁷ Добросовестность (лат.)

встречал и обгонял несколько машин в Лондоне, но ни в Буллхэме, ни в его окрестностях он никого не видел. Шел дождь, надвигалась буря, и, вероятно, в то время все уже были в укрытии.

Судя по тону актера, Пардо предположил, что тот не придавал большого значения тому, что его рассказ никто не может подтвердить. Это равнодушие могло означать невиновность, но, с другой стороны, это может быть и блеф. Но если Карновски убил Хетти, почему он поспешил признаться в присутствии чуть ли не на месте преступления во время убийства? Возможно, это часть блефа. И нужно помнить: этот человек является непревзойденным актером.

– Хорошо, мистер Карновски, – сказал инспектор, – несколько дней назад вы оставили мне ваш номер телефона, и мы постараемся проследить вчерашний звонок. Хотя у нас не так-то много шансов на удачу: поскольку это была ловушка, то вряд ли вам позвонили с отслеживаемого номера. Я бы посоветовал вам вести себя, как будто ничего не произошло, а если у меня появятся известия, то я сразу дам вам знать.

Актер собрался уходить, но Пардо остановил его, неожиданно спросив:

– Сегодня вы говорили с мисс Херншоу, не сказала ли она вам, почему она просила вас не звонить?

Карновски замешкался. Пардо решил, что тот даст отрицательный ответ, но актер сказал:

– Мисс Херншоу подозревает, что ее разговоры прослушиваются полицией. Вот она и не звонит.

Он холодно взглянул на сыщиков и получил вежливое разрешение уйти.

Когда он ушел, Пардо вкратце обсудил с Литтлджоном события дня. Он спросил суперинтенданта, что он знает о Джордже Костере.

Литтлджон поджал губы, тщательно взвешивая каждое слово до того, как произнести его.

– Танцплощадок и кинотеатров так много, что даже деревенские парни вроде него становятся слишком высокого мнения о себе. Как бы то ни было, они на виду у девушек. Но у нас до сих пор нет ничего против него. Говорят, что он и миссис Селби, на которую он работает... – суперинтендант сделал паузу и многозначительно посмотрел на инспектора.

– Так добрый, старый Буллхэм поддерживает традиции деревенских скандалов? – ухмыльнулся Пардо. – Ну, кто мы такие, чтобы говорить, что с Буллхэмом что-то не так?

Легкомысленный тон инспектора контрастировал с напряжением на его лице. Подсознательный страх за благополучие Хетти Пэрк столкнулся с ужасным фактом, изменить который было никак нельзя. Теперь он считал, что результат его трудов совсем не может радовать.

Прежде чем покинуть участок, инспектор позвонил на телефонную станцию – выяснить насчет вчерашнего звонка к Карновски, в четыре двадцать. Как он и предполагал, ничего узнать не удалось. Очевидно, что неизвестный воспользовался телефонной будкой. Пока они с Солтом возвращались в «Лебедь и переправу», Пардо размышлял о предстоящей работе. Ему нужно увидеться с доктором Фейфулом – тот сможет помочь на финальной стадии. Также утром ему надо будет сходить к Лакландам. А теперь он мечтал только принять ванну.

Но даже это пришлось отложить. Едва они вошли, хозяин гостиницы встретил Пардо вестью о том, что в гостиной инспектора ожидает молодая леди, отказавшаяся назвать свое имя.

– Она довольно взволнована, сэр. Я сказал ей, что вы можете еще долго отсутствовать, но она не ушла. Сказала, что возвращаться ей может быть небезопасно. Она ждет уже полчаса.

В первую очередь Пардо подумал о Дженни. Солт – о Кэрол, затем он предположил, что из вежливости и Эмили Буллен можно было бы описать как «молодую леди».

Но она не оказалась никем из них. Когда инспектор с Солтом вошли в крохотную гостиную, они с первого взгляда не узнали высокую женщину, нервно вскочившую с кресла у столика. Но когда она заговорила, он понял, что перед ним Эдит Доус.

Горничная была омрачена свалившимися на нее беспокойствами. Самообладание было утеряно, а природная желтоватость кожи сменилась неестественной бледностью. В руках она сжимала сумочку, а увидев Пардо, очевидно, почувствовала, что может больше не сдерживаться, и разразилась потоком слов.

– Ох, инспектор, – вскрикнула она, пока Солт аккуратно прикрывал дверь, – так это правда? Хетти мертва! Мне рассказали об этом в магазине. Никто из нас не в безопасности, никто! Ох, что же мне делать? Чем я могу помочь? Я не могу вернуться в дом!

Пардо взял ее за руку и сказал:

– Ну, мисс Доус, присядьте и возьмите себя в руки. Если вы будете продолжать в том же духе, вам только станет хуже.

Он усадил ее в кресло, а сам устроился на краешке стола и продолжил:

– Да, мы нашли Хетти. Мертвой, как вы и сказали. Это плохое дело, но вам не нужно беспокоиться о том, что делать. Расскажите, почему вы пришли сюда.

Девушка не могла отдышаться, словно после бега. Не поднимая глаз, она прохрипела:

– Я боюсь. Они могут убить меня так же, как убили ее. И я должна рассказать вам кое-что. Я должна была рассказать об этом, но боялась. Но сейчас я боюсь молчать.

– Тогда расскажите, – ответил Пардо. – Кстати, вы пришли сюда прямо из дома?

– Нет, у меня был свободный день, – покачала головой Эдит. – Я была у себя дома; я живу здесь, в Минстербридже.

Пардо на минуту задумался о девушке и о том, что ее страх был скрыт под скорлупой высокомерия. Она перехватила его взгляд, и на ее лице появилось выражение былого достоинства.

– Я не вернусь к Лакландам, – заявила она, но ее голос дрожал. – Я не знаю, почему Хетти... убили. Но если это произошло с Хетти, почему не может произойти и со мной? То, что я сделала, может обернуться против меня, – ее голос перешел в шепот.

– Что же вы сделали? – мягко спросил Пардо.

– Я не хотела говорить полиции. Миссис Лакланд всегда говорила, что за это меня могут посадить в тюрьму. Я боялась.

Она вскинула голову и свирепо взглянула на инспектора.

– Но мне все равно, – быстро продолжила она. – Теперь молчать хуже, чем говорить. Я брала вещи миссис Лакланд. Прошлой весной. До того, как она заболела. Мисс Буллен обнаружила это и рассказала миссис Лакланд. Тогда миссис Лакланд сказала, что я – воровка, меня можно отправить в тюрьму, и я больше никогда не получу работу, но на этот раз она не заметит моего промаха и не уволит меня. Так что я осталась на работе. Но все это время, едва только ей что-то не нравилось, как она тут же начинала намекать на тюрьму и на то, что может сообщить в полицию. Потом старая чертовка заболела, но оставалась еще мисс Кэрл. Миссис Лакланд все ей рассказала, я знаю об этом, так как она часто отпускала мелкие намеки.

Голос горничной дрожал, и Пардо почувствовал, что это вызвано скорее ненавистью к работодателям, чем необходимостью признаться.

– Какого рода вещи вы брали у хозяйки? – мягко спросил инспектор.

– Деньги. Брошь и мелкие побрякушки из шкатулки. Она все равно никогда ими не пользовалась. Но она заставила меня все вернуть. Но я взяла еще кое-что, и она об этом так и не узнала, – девушка улыбнулась от воспоминания этой своей «победы» над покойной хозяйкой. – Ничего хорошего мне это не принесет, но просто так вернуть все на место я не могла. Это сложнее, чем вернуть драгоценности. Я ждала и ждала, когда же она что-то скажет, но она молчала. Полагаю, она так и не хватилась пропажи. А когда она заболела, я решила, что нахожусь в безопасности, и больше не думала о том, как вернуть их.

Она внезапно опустила руку в сумочку и вынула оттуда пачку писем, перевязанных ленточкой. Она протянула их Пардо.

– Они больше никому не нужны, но я боюсь хранить их. Я боюсь держать у себя вещи Лакландов. Много лет назад какой-то человек написал их миссис Лакланд. Это просто любовные письма.

Солт подошел поближе и присмотрелся к свертку в руках инспектора. Любовные письма. И убийство? С чего эта девушка говорит такое?

Однако Пардо без улыбки взглянул на сверток.

– Хорошо, Эдит. Я просмотрю их. И передам адвокату, распоряжающемуся имуществом миссис Лакланд.

В глазах девушки снова появилась тревога.

– Вы же не скажете обо мне? – прошептала она.

– Ни слова. И выбросьте из головы все мысли о том, что вам что-то угрожает. Если вам долгое время что-то и угрожало, то это не значит, что нужно продолжать бояться. Вы же вернули все обратно, не так ли? Хорошо. И вы закончили с этим, отдав письма мне.

Слезы облегчения хлынули из глаз Эдит.

– Закончим с этим, – повторил Пардо. – Я советую вам вернуться в дом Лакландов, словно ничего не произошло. С вами ничего не случится. Продолжайте свою обычную работу...

Он не закончил фразу, так как девушка вскочила на ноги. Она обеими руками схватила его за руку.

– Я не вернусь! – выкрикнула она. – Я никогда не вернусь! Не могу! Этим вечером я боюсь даже идти домой. То, что случилось с Хетти, может случиться...

– Успокойтесь, – резко приказал Пардо. Он взял горничную за руки и усадил обратно в кресло. Она рыдала. – С вами ничего не случится. Сержант проводит вас до дома. Пойдете?

Успокоившись, она кивнула. Но все еще дрожала.

– Я должна сказать вам что-то еще, – выдохнула она, внезапно покосившись на стоявшего в дверях Солта, словно она опасалась, что войдет кто-то еще. – Я вспомнила об этом.

– О чем?

– О том, что я сказала суперинтенданту. О разнице в вещах на тумбочке миссис Лакланд, когда я в последний раз принесла ей чай. Я вспомнила. Но мисс Буллен спросила меня о словах суперинтенданта, и когда я рассказала ей, она заявила, что глупо беспокоить полицию такими мелочами, а учитывая мое прошлое, для меня же лучше поменьше сталкиваться с полицией. А то еще навесят что-нибудь на меня, так она сказала. Так что когда вы попросили меня припомнить, я испугалась и притворилась, что не понимаю, о чем вы говорите.

– Да? – спросил Пардо, когда девушка сделала паузу. – И что же изменилось на тумбочке?

Голос девушки опустился до шепота. Пардо с трудом уловил ее слова.

– Пузырек. Бутылочка с лекарством, которое миссис Лакланд принимала последний день или два. На этикетке было пятно. Желтое снизу. Я ничего не могла с ним поделать. Но когда в тот день я принесла ей чай, этикетка была чистой. На ней не было пятна.

Глава 17

Убийца наносит новый удар

А смелый Банко шел пешком впотьмах.

Макбет

Той ночью Пардо лег постель, валясь с ног от усталости, но по разным причинам сон не шел к нему. После ужина они с Солтом просмотрели письма, переданные им перепуганной Эдит. Они были старыми и по краям слегка пожелтели. Датировались они концом первого десятилетия XX века. Как и сказала горничная, это были всего лишь любовные письма, хотя некоторые из них были намного более страстными, чем типичные послания того (да и любого другого) времени. Вероятно, Эдит прочла лишь верхнее письмо из стопки. Но они заинтересовали Пардо, так как их автор то и дело демонстрировал чрезмерную близость к повседневным делам миссис Лакланд. Казалось, что ее финансовое благополучие столь же дорого его сердцу, как и она сама. Из этих писем следовало, что через десять лет после вступления в брак она, шутя, играла с чувствами мужа. Письма были подписаны неким Филипом и были отправлены с различных адресов – иногда из лондонского клуба, иногда из Хэмпстеда и даже из иностранного отеля. Всего было восемнадцать писем. Пардо не мог себе представить, что они хранились только из сентиментальности. Она была не свойственна миссис Лакланд. За ее действиями обычно стоял корыстный интерес. Письма могли бы послужить как оружие против неудачливого Филипа, над которым она и так чувствовала власть. Пардо решил показать письма Ренни. Адвокат скорее, чем кто-либо еще, сможет определить фаворита миссис Лакланд.

Еще были важны показания Эдит – после нескольких дней молчания она рассказала о пузырьке. Важно ли это? Кардинально важно! Это меняет всю картину и распутывает явные противоречия. Он едва затронул этот вопрос в разговоре с Солтом. Сначала он хотел как следует обдумать его, и в предрассветные часы, когда сон не шел к нему, перед его глазами крутились разрозненные части головоломки и послушно вставали на свои места.

В четыре часа он включил торшер возле кровати и взял последнюю анонимку, полученную доктором Фейфулом. Он внимательно перечитал ее. Она занимала свое место в головоломке, и оно было более значимым, чем предполагал автор письма. Когда он выключил свет и снова лег на подушку, у него уже было решение. Оставалось еще найти место для пары частей головоломки, чтобы догадки стали явными фактами, но это можно сделать завтра. А сейчас у него было решение. Он разоблачил убийцу. И его гнусные дела.

Он встал рано, проспав всего пару часов. Но, тем не менее, он чувствовал себя свежим, словно проспал всю ночь. После вчерашней усталости у него открылось второе дыхание. Хотя инспектор не обвинял себя в смерти Хетти Пэрк, он не мог забыть предчувствия, возникшего у него после ее допроса.

Сегодня была среда, он вел это дело уже пятый день, а на горизонте уже маячило окончание расследования. Но предстояло еще немало дел. Нужно увидеться с доктором Фейфулом, показать Ренни письма и запустить план, который он придумал этой ночью. Доктор шел первым в списке. Во время завтрака инспектор набросал план дня Солту, но не углубляясь в подробности. Перед девятью часами он позвонил Лакландам. Кэрол ответила и выслушала краткие инструкции. Далее – звонок Карновски. Пардо был не уверен, сможет ли он застать актера дома в этот час. Однако тот был на месте и ответил ленивым голосом. Судя по его интонации, можно было предположить, что он все еще находится в постели.

Следующим шагом был визит к Фейфулу. Инспектор собрался выйти, оставив Солта в «Лебеде и переправе» на случай поступления каких-либо новых сообщений касательно аутопсии Хетти. Но тут доктор сам пришел в гостиницу.

– Я собирался увидеться с вами, – сказал Пардо, пододвигая гостю стул.

– Я так и подумал, и когда я начал утренний обход, мне пришло в голову, что я первым могу прийти к вам. Как вы, должно быть, знаете, на вчерашний вечер у меня нет ни малейшего алиби.

Последнее замечание было высказано внезапно и словно напрашивалось на немедленный ответ. Но вместо этого Пардо задумчиво посмотрел на доктора, присмотревшись к суровым морщинкам вокруг его усталых глаз. «Плохо спит, – подумал инспектор, – как и все, втянутые в это чертовое дело». Вслух же он сказал:

– Почему вы думаете, что я должен об этом знать?

Доктор пожал плечами:

– Я же проезжал через весь Буллхэм не в шапке-невидимке. Да и вы видели Костера.

В его голосе не было вопросительной нотки, так что Пардо принял его фразу как констатацию факта.

– Да, конечно, я видел Костера. И он сказал, что вы перевязали ему руку.

– Этот дурень на заслуживает лечения, – выпалил Фейфул. – Не удивлюсь, если он потеряет и ее. Он все делает только хуже. В субботу я наложил ему нормальную повязку, но когда вчера я увидел его, на нем была перепачканная грязная тряпка. Я сказал ему все, что думаю, и он насупился, как черт. Не хотел, чтобы я снова наложил ему повязку, ведь она мешает работать. И какая же работа у этого ленивого увальня? Не сомневаюсь: как только я отвернулся, он наверняка сорвал мою повязку и обернул руку очередной тряпкой.

Пардо с интересом слушал, и как только Фейфул сделал паузу, инспектор сказал:

– Доктор, в какое время вчерашнего дня вы видели Костера?

– В половине шестого. Я зашел сначала к нему, так как у меня было еще много пациентов, а этого гуляку позже можно было не застать, – угрюмо улыбнулся доктор.

– А во сколько вы покинули Буллхэм?

– Разве я не говорил, что у меня нет алиби? – сердито заметил врач. – Ни малейшего. Половина детишек Буллхэма заболела корью, да пятеро Локков, так что я справился только после семи. На обратном пути меня застигла буря. Последний пункт моего обхода – дом миссис Элдер, можете спросить у них, когда я там побывал. Но после этого у меня начались проблемы с двигателем, иначе я успел бы добраться домой до того, как дождь разбушевался.

– Спасибо, доктор. Не думаю, что я настолько заинтересован хронометражем вашего пребывания в Буллхэме, как вам это представляется. Я знаю, что вчера вы там были, но меня не так сильно беспокоит ваше алиби...

– Ну, вы же должны уточнить, – перебил его доктор, голос которого теперь стал добродушнее. – Разве я не был обвинен в предыдущем убийстве еще до того, как оно произошло? А теперь какой-то маньяк убил эту бедняжку в то же самое время, когда я был там. Вы можете быть уверены, что все это не случайно.

– Возможно, – ответил Пардо. – Но думаю, вы знаете, какое большое значение мы придаем тем письмам. Через минуту я перейду к ним. А сейчас я собираюсь сказать прямо, так как знаю, что вы понимаете, что все сказанное будет конфиденциально.

Фейфул внимательно посмотрел на Пардо, и теперь в его взгляде не было раздражения. Даже стоявший в стороне Солт удивленно уставился на инспектора.

– Полагаю, что все, сказанное мне до этого, также было конфиденциально, так что немного дополнительной информации ничего не изменит, – ответил врач. – Но не нужно возлагать на меня ответственность и сообщать мне имя вашего убийцы – сейчас для меня это будет слишком сложно!

– Значит, теперь вы уверены, что это один убийца?

– А вы? – парировал доктор, приподняв бровь.

– Боюсь, если я скажу вам это, то возложу на вас слишком большую ответственность, – добродушно отшутился инспектор. – Не будем об этом. Вам я хотел сообщить другое. Под телом девушки мы нашли ношенную повязку.

Он кивнул Солту, и тот отпер ящик и протянул повязку Пардо. Инспектор передал ее Фейфулу.

– Надеюсь, вы сможете сказать, эту ли повязку носил Костер, когда вы видели его в понедельник?

Склонившись над тряпчочкой и крутя ее между пальцами, врач покачал головой.

– Нет, он носил не эту. Его самоделка была лишь куском тряпки. А эта, как вы видите, сделана из обрезка старой хлопчатобумажной перчатки.

– Понимаю. Но это делает все еще занятнее. Потому что если он убил девушку, то в этой повязке нет никакого смысла.

– Но смысл есть! В понедельник Костер не хотел, чтобы я перевязывал его руку, и я был уверен, что он собирался сорвать повязку, как только я уйду. Допустим, позже он смастерил повязку из перчатки?

– Но когда мы видели его, он носил вашу повязку, – напомнил инспектор.

– Конечно. Он же потерял свою, заметил пропажу слишком поздно и не стал возвращаться и искать ее. Поэтому он вновь повязал мои бинты.

– Его повязка выглядела профессионально, – задумчиво отметил Пардо.

– Миссис Селби служила в пункте неотложной помощи, – кратко ответил Фейфул. – И кое-что еще. Если Костер хотел задушить девушку, ему пришлось бы снять бинты.

– Верно. И это переносит нас к следующему пункту. Можете ли вы сказать, с точки зрения медицины, мог ли Костер задушить девушку, учитывая состояние его руки?

Доктор на мгновение задумался.

– Да, – наконец ответил он, – конечно, он мог это сделать, несмотря на боль и риск разбередить рану. Большой палец служит чем-то вроде рычага, так что для удушения руками требуется именно он... – доктор прервался, сделал глубокий вдох и продолжил: – Однако жаль, что мне не представилась возможность взглянуть на его руку тем вечером, после того как умерла девушка. Может, были какие-нибудь симптомы. Но, как я только что сказал, использование повязки означает, что убийство было преднамеренным. И должен сказать, мне это кажется нехарактерным для Костера. Я могу представить, как он убивает в порыве импульса, но не действуя по заранее составленному плану.

– В этом я полностью согласен с вами.

Наступила недолгая тишина, а затем инспектор, внезапно оставив тему о Джордже Костере, посвятил доктора Фейфула в свои планы на утро.

Врач слушал с таким сомнением на лице, что Пардо почувствовал необходимость оправдывать свой замысел.

– Знаю, это нетрадиционно и вызывает моральные вопросы. Но поток писем остановился, если не считать вчерашнего, – быстро поправился инспектор, – а анонимщиков сложно выявить традиционными методами. Вот мы и прибегаем к таким методам, как этот трюк.

Врач поднял голову, его взгляд был мрачен.

– Вы получили отчет Брасси? – спросил он.

– Да, но он негативный. Как эксперт-графолог, он хорошо понимает свои ограничения и с уверенностью может заявить только то, что все письма написаны одной рукой. Последнего письма он, конечно, еще не видел. Он не может определить даже пол автора, хотя подозревает, что это женщина.

– И все это мы и так знали, – заключил доктор. – Ну, я буду на месте. Понадеемся, что все сработает.

Уходя, он был веселее, чем когда пришел. Прежде чем отправиться к адвокату, Пардо проинструктировал Солта, велел ему вернуться в Буллхэм на автобусе либо на машине Литтлджона и объяснив ему, что там нужно делать.

– Возвращайтесь к Лакландам к одиннадцати. Я буду ждать вас, – распорядился инспектор.

Мистер Ренни был не дома, а в своем офисе – в десяти минутах ходьбы. Пухлый мальчик, в облике которого было что-то от херувима, провел Пардо в комнату, уютность которой только усиливалась из-за обилия юридических книг. Старый юрист не удивился столь раннему визиту. Он вежливо выдвинул стул и, высказав свое изумление от убийства Хетти Пэрк, принялся рассматривать переданный ему посетителем сверток писем.

– Мистер Ренни, я надеюсь, что вы сможете рассказать нам, кто автор этих писем. Возможно, вы узнаете почерк?

Пока старик просматривал письмо за письмом, прошли минуты. Сейчас он сидел, склонившись над ними. Казалось, что он не обращает внимания ни на инспектора, ни на все остальное. Пардо кашлянул, и мистер Ренни поднял голову, встретившись с гостем взглядом.

– Эти письма – собственность моего покойного клиента, а значит, они должны остаться у меня, тем более что они не имеют отношения к смерти миссис Лакланд.

– Судить об этом буду я, – вежливо заметил Пардо. – Когда они больше не будут мне нужны, я передам их вам. А пока я был бы признателен, если бы вы сказали, можете ли вы определить их автора.

– Да, могу, – неохотно ответил старый адвокат. – Эти письма были написаны покойным доктором Филипом Фейфулом, отцом доктора Тома.

Пардо не смог скрыть удивления.

– Доктора Фейфула? – переспросил он. – Значит, он был?..

– Фаворитом миссис Лакланд, – кратко закончил мистер Ренни. – Да. Прежде, чем кто-либо из них поселился в Минстербридже.

– Но если вы знали это, когда рассказывали мне семейную историю... – укоризненно начал Пардо.

– Инспектор, слухи – не факты, – возразил мистер Ренни. – Я не знал. Но я хорошо знаком с почерком доктора Филипа, и эти письма подтверждают, что ходившие много лет слухи были правдой. Но никто из двоих никогда не доверялся мне настолько, чтобы все рассказать, так что я не мог говорить о них с уверенностью.

– Но об этом знали и другие жители Минстербриджа? – несколько нетерпеливо спросил Пардо.

– Они лишь судачили об этом, – поправил его юрист. – И то не во всеуслышание, иначе доктор Филип не оставался бы уважаемым врачом, каким он всегда был. Сплетни исчезли задолго до его смерти. Они превратились в избитую легенду о двух стариках, и никто не собирался возвращаться к этой сплетне.

– Интересно, дополнялись ли эти слухи чем-то еще? – быстро размышлял инспектор. – Ходили ли разговоры о том, что миссис Лакланд могла оказывать доктору благосклонность в чем-либо еще?

Мистер Ренни, колеблясь, взглянул на инспектора.

– Да, – признал он, очевидно, решив, что молчать нецелесообразно. – Высказывались предположения, что миссис Лакланд помогла доктору Фейфулу начать практику. Понимаете, она знала его еще в Лондоне, когда он не был процветающим практикующим врачом, каким его знал Минстербридж.

– Мистер Ренни, как вам кажется, доктор Том знает обо всем этом? – спросил Пардо.

Старый юрист печально улыбнулся.

– Не могу сказать. Когда начались эти слухи, доктор Том был совсем младенцем, а может, еще и не родился. Мы не знаем, мог ли отец рассказать ему, и мог ли он сам о чем-то догадаться, – мистер Ренни замолчал, а затем неожиданно добавил: – Инспектор, думаю, что если это так важно, то, будь я на вашем месте, я бы спросил его.

– Возможно, я так и сделаю, – ответил Пардо.

Он думал об этом, идя от юриста к Лакландам. Во всяком случае, это дает объяснение намерениям миссис Лакланд оставить наследство доктору Фейфулу. Тот не только восстановил ее здоровье, но и был сыном ее фаворита. Но дойдя до дома, инспектор решил, что не стоит ставить этот вопрос перед доктором.

Все домашние собрались в утренней комнате, как и просил инспектор. Хенесси открыл ему дверь, а затем присоединился к группе под присмотром Солта, появившегося в доме за десять минут до Пардо.

Инспектор подумал, что атмосфера была неестественной: молчаливое ожидание неизвестно чего в светлой и тихой комнате, в которую из сада били солнечный свет и легкий бриз. Кэрл, бледная и сосредоточенная, сидела в кресле, спиной к окну. Дженни Херншоу, стоя, полушепотом говорила с миссис Бидл, на лице которой была смесь любопытства и решимости претерпеть причуды следствия. Эмили Буллен сидела в еще одном кресле, лицом к Кэрл. Ее выпяченные глаза тупо уставились в одну точку за окном, что придавало ей оцепенелый вид. Солт сидел за маленьким круглым столиком у книжного шкафа и пытался выглядеть насколько возможно понеприметней, но при этом внимательно наблюдая за компанией. Он с облегчением выдохнул, когда вошел Пардо, а Хенесси почтительно расположился у двери.

– Док и Карновски еще не пришли, – пробормотал Солт. – Думаете, он появится?

– Да, – коротко ответил Пардо. – Подождем.

Он не возражал против того, чтобы подождать. Пардо чувствовал, что напряжение, вызванное ожиданием, может оказаться полезным. Сержант уступил инспектору свой стул, а сам занял место у двери, шепнув пару слов Хенесси, который тут же вышел.

Прошла всего минута или две, как в холле раздались голоса: дворецкого, доктора Фейфула и еще одного человека. Доктор сердечно рассмеялся, дверь открылась, и он вместе с Карновски прошел в комнату. Дворецкий следовал за ними. Актер поприветствовал всех небольшим поклоном, поймал взгляд Пардо и, не говоря ни слова, сразу же подошел к Дженни. Они сели на маленький диван у окна, а миссис Бидл тем временем тяжеломерно прошагала через всю комнату к тому месту, где стоял Хенесси, и устроилась в плетеном кресле.

Доктор Фейфул поднял руку, приветствуя всех, улыбнулся Кэрол (она ему не ответила), сказал: «Надеюсь, не опоздал, инспектор», – и, сунув руки в карманы, встал на свое место недалеко от стула Пардо.

Инспектор поднял взгляд от записей, с которыми якобы консультировался. Обратился он к Кэрол:

– Здесь не хватает только одного человека, и это – Эдит Доус. Где она?

– Дома, – коротко ответила Кэрол. – Утром мы нашли записку, в которой она говорит, что не вернется.

Пардо лишь изобразил небольшое удивление и перевел взгляд на Дженни, которая опустила глаза, уставившись на затылок кухни. Карновски наблюдал за Дженни. Слуги терпеливо ждали следующего хода. Инспектор не мог увидеть, куда смотрит доктор Фейфул, а взгляд Эмили Буллен был направлен в окно. «Игра в кошки-мышки, – подумал инспектор, – интересно, кто набросится первым?».

– Вы спрашиваете себя, почему мне захотелось, чтобы вы все встретились здесь, – начал Пардо. – Ну, от каждого из вас я хочу кое-что услышать, и можно сэкономить время и силы, если сказать это один раз вместо того, чтобы повторяться много раз.

Он посмотрел на французские часы, после чего спокойно обвел всех взглядом.

– Из заданных вам в последнее время вопросов вы знаете, что кто-то писал анонимные письма в связи со смертью миссис Лакланд.

Наступившую паузу никто не прервал. Тишина в комнате не сочеталась с количеством находящихся в ней людей.

– Эти письма приходили несколько недель, и они выдвигали обвинения против одного из вас. Получатель передал письма в полицию. Злобные анонимки – серьезный вопрос сам по себе. А когда дело касается убийства, его значимость повышается. Я не думаю, что автор этих писем понимает, в каком опасном положении он или она находится.

Инспектор снова сделал намеренную паузу. Он снова присмотрелся к выражениям лиц. Кэрол смотрела вниз, на носки собственных туфель. Было сложно понять выражение ее лица. Дженни испуганно и словно зачарованно смотрела на Эмили Буллен – теперь та не сидела, как истукан, а беспокойно вертела головой, словно что-то потеряла. Пардо услышал, как за его спиной скрипнул стул, а севший на него доктор тяжело вздохнул.

– Эти письма, – с просчитанным пафосом продолжил Пардо, – вызывают естественные подозрения против своего автора – как против лица, ответственного за смерть миссис Лакланд.

Дженни Херншоу подалась вперед, но затем снова откинулась назад. Пардо увидел, как Карновски удерживает ее за руку.

– Я говорю все это, поскольку со вчерашнего дня ситуация стала намного серьезней. В течении примерно недели казалось, что аноним прекратил рассылку писем. Но вчера утром пришло еще одно письмо, от того же человека, а сегодня... сегодня сама полиция получила...

Инспектор снова сделал паузу и потянулся к нагрудному карману.

– У меня письмо, пришедшее сегодня утром...

Он не договорил. Раздался хриплый вскрик. Эмили Буллен вскочила на ноги, ее лицо тряслось от ярости и ужаса. Она подняла сжатые кулаки до уровня груди и бессильно встряхнула ими.

– Это ложь! – прохрипела она. – Я никогда не писала полиции, ничего не писала вчера и вообще не писала всю неделю! И если этот, – она наградила доктора Фейфула грязным эпитетом, – говорит, что я делала это, то он тоже лжет!

Царившая в комнате тишина вдруг уступила место столпотворению. Доктор так быстро вскочил на ноги, что его стул чуть было не опрокинулся. Обе кухни тут же последовали его примеру, а вслед за ними и Карновски. Миссис Бидл направилась на Эмили Буллен, но отпрянула от нее, испугавшись ярости, проступившей на лице компаньонки. И только один Пардо продолжал сидеть.

– Так это вы писали анонимки? – мягко спросил он, смотря на стоявшую перед ним женщину. Но при этом он почувствовал, что она его не видит.

Внезапно она принялась извергать поток ругани, впрочем, не направленной против кого-то определенного. Пардо встал, а Солт подошел к ней и крепко схватил ее за руку.

– Достаточно, – сказал он. – Выйдите отсюда.

После этого она тут же обмякла, превратившись из разъяренного в съжившееся, жалкое существо, которое едва стояло на ногах и упало бы, если бы не хватка сержанта. Она застонала, а кухарка при этом начала тихо плакать.

– Ну же, Бидл, – сказала Дженни Херншоу и, крепко взяв ее за руку, повела к двери. Хотя ее собственный голос немного дрожал, она сохраняла самообладание намного лучше кухни. Кэрл побледнела и выглядела больной и изможденной из-за произошедшего. Она не делала никаких движений, пока Пардо не обратился прямо к ней.

– Мисс Квентин, не окажете ли любезность выйти вместе с сержантом и присмотреть за мисс Буллен в ее комнате?

Она вышла, но безо всякого желания. Солт поддерживал Буллен, ноги которой едва волочились по полу. Инспектор перехватил вопросительный взгляд смущенного доктора.

– Думаю, так будет лучше, – Пардо ответил на невысказанный вопрос. – Ей нужен врач, и в ее нынешнем состоянии она скорее прислушается к вам, чем к кому-то из нас.

Он окинул взглядом странно затихшую комнату. В ней остались только мужчины: доктор Фейфул возле него, неподвижно застывший у окна Карновски – были видны лишь его спина и загадочный профиль; Хенесси у двери – живое выражение лица дворецкого контрастировало с неподвижностью его позы. «Как римский воин в Помпеи», – легкомысленно подумал Пардо. Он вдруг почувствовал неуместное веселье. Все складывалось так, как он и надеялся.

– Доктор, я буду рад, если она ляжет в постель и успокоится, – сказал он. – Я должен сказать ей совсем немного, но на пару минут я все-таки должен увидеться с ней. Она не должна оставаться одна. Мисс Херншоу или мисс Квентин останутся у нее. Это сработает, не правда ли?

Доктор внезапно улыбнулся.

– Конечно, сработает. Бедняжка, – вздохнул он. – Теперь вам не остается ничего иного, кроме как арестовать убийцу, – высказал он, не пытаясь скрыть презрение в голосе.

Пардо посмотрел прямо на него. И хотя все его внимание было сосредоточено на враче, краем глаза инспектор уловил какое-то движение. Он был уверен: Карновски отвернулся от окна и теперь присматривался к ним.

– Да. Но не немедленно, – спокойно ответил Пардо.

– Разве Скотленд-Ярду не хватает времени?

– Иногда. В любом случае, этим вечером я собираюсь на рыбалку, а арест убийцы стал бы не самой лучшей прелюдией к отдыху, не так ли?

– Черт побери, только не напоминайте мне о том, как я упустил возможность порыбачить в Шотландии! – рассмеялся доктор.

Пардо чувствовал, что Карновски смотрит на него, но не взглянул на актера. Ему вдруг показалось, что они с доктором Фейфулом словно играют роль, повторяя заранее выученные реплики.

– Доктор, извините. Я и, правда, забыл о том, что вы собирались в отпуск. Подозреваю, вы думаете, что я теперь отдыхаю вместо вас. Ну, я и, правда, провел пару вечеров на вашей реке, и тихое местечко на лугу Барра (кажется, так называют это место?) просто манит мой взгляд.

Доктор взглянул на него скорее весело, чем сердито.

– Так и есть. Особенно в сумерки, когда влюбленные расходятся. Ну, я должен навестить пациента. Удачи в рыбалке.

Хенесси открыл ему дверь. Но при этом дворецкий смотрел лишь на Пардо.

– Сэр, я вам нужен? – спросил он.

– Прямо сейчас нет, Хенесси, – покачал головой инспектор. – Можете идти.
Когда Хенесси ушел, Пардо впервые встретился взглядом с Карновски. Актер, не мигая, смотрел на него блестящими и пылающими глазами.
– Мистер Карновски, вы тоже рыбачите? – поинтересовался инспектор.
– Я? Нет, я не рыбак, – мягко, но без улыбки ответил актер.
Когда Пардо оставил его, он все еще стоял у окна и мрачно смотрел на сад.

* * *

Наверху Эмили Буллен одетой лежала на кровати. Она тихо стонала. Когда она беспокойно шевелилась или резко содрогалась, ее рассудок был не в состоянии понять сложившуюся ситуацию и ловушку, в которой она оказалась, или разобрать страхи, угрожавшие ее покою. Все это плыло мимо нее бесформенной, но все еще угрожающей массой.

Доктор Фейфул превосходно держался. Это была пациентка, а не женщина, неделями тащившая его к виселице. Он увидел, что в дверях спальни стоит Солт, а внутри, к его удивлению, не Кэрол, а Дженни. Он задержался на минуту или две.

– Она перенесла сильный шок, нервное потрясение, – сказал он Дженни. – Вам нужно раздеть ее. Соблюдайте тишину. Не позволяйте ей волноваться. Я пришлю какое-нибудь средство.

– Во время бури она была очень беспокойна, – тихо сказала Дженни, стоявшая по ту сторону кровати.

Доктор заметил, что она смотрела не ему в глаза, а на Буллен. Прежде чем уйти, он бросил на нее острый взгляд. В дверях он встретился с Пардо.

– Ее нельзя беспокоить, – резко сказал доктор. – Я выпишу ей кое-что, что заставит ее уснуть.

С первого взгляда на дрожащую женщину Пардо понял, что не сможет допросить ее. Он предположил, что миссис Бидл должна помочь Дженни уложить женщину в постель. Он собирался уйти, когда девушка подошла к двери.

– Инспектор, я хочу кое-что вам сказать, но не здесь, – быстро шепнула она.

Пардо вышел вместе с ней и закрыл двери. Солт заметил румянец на смуглых щеках девушки.

– Вот что, – сказала она прежде, чем Пардо успел заговорить. – Когда она пришла сюда, она кое-что сказала. Кэрол ее слышала, я тоже. Она сказала: «Он просил Дженни выйти за него». Кажется, она думает об этом.

– И что она имела в виду? – спросил инспектор.

– Она говорит о времени, когда доктор Фейфул предлагал мне выйти за него. Год назад. Должно быть, она с тех пор думала об этом. Вот откуда все странности. Думаю, она влюблена в него.

Солт почувствовал недоверие, но Пардо не выказал удивления.

– Ваша бабушка знала о том, что доктор просил вас выйти за него? – спросил он.

– Нет. Странно, что Буллен не сообщила ей. Обычно она ничего не скрывала от нее. Но не в этот раз – иначе бабушка сказала бы мне.

* * *

На лугу Барра раздался звон соборного колокола, пробившего четверть десятого. Это были единственные звуки, потревожившие вечернюю тишину, конечно, если не считать плеск воды о стебли ивы да тихое журчание воды.

Инспектор Пардо выглядел чересчур скучающим, что не сочеталось с проявленным им пылом в отношении рыбной ловли. Он сидел на крутом берегу у самого обрыва перед канавой с крапивой и мостиком. Удочка, леска и корзина лежали возле него. Усеянные ольхой и шиповником берега ручья разделяли луг на две части. В сумерках казалось, что деревья словно обнимаются с тенями. Взгляд Пардо в основном был направлен в сторону реки, хотя временами он поглядывал на воду под ним. Комары безумно танцевали на поверхности воды. Голова инспектора была непокрыта, и преждевременные поседевшие волосы светились в лучах заходящего солнца. Его лицо напряглось от ожидания, а уголки губ подрагивали, словно он тайно смеялся над собой.

Когда погасли последние лучи солнца, стало сыро. По траве стлался туман. Внезапный порыв ветра плеснул по воде у корня ивы. Пардо поднялся на ноги и сделал шаг-другой в сторону ручья. Затем он обернулся и, подняв удочку, медленно отошел к деревьям. Они заслоняли воду, и с луга ее не было видно. Русло ручья было глубоким, и если не подходить к самому берегу, то он казался лишь изогнутой линией, рассекавшей луг. На другом берегу вдоль ручья пробегала дорожка, через четверть мили выводившая на дорогу в Минстербридж.

Пардо бесшумно ступал по влажной траве. Он не сводил глаз с деревьев, и думал о Солте. Ему было интересно, где тот сейчас находится. Возможно...

Пардо мог бы поклясться, что заметил между стволами деревьев промелькнувшее лицо, но, не смотря на это, инспектор не остановился и, как ни в чем не бывало, продолжил путь. Тот же час где-то среди веток громко заклокотал невидимый черный дрозд. Пардо прошел через кусты ежевики и попал на песчаный берег, находившийся в четырех футах над уровнем воды. Среди деревьев сумерки казались темной ночью. Кроме журчания воды не раздавалось ни звука. Инспектор остановился и настороженно нахмурился. Произошло что-то странное. Он был уверен, что замеченное им, мимолетно промелькнувшее лицо принадлежало Карновски.

Инспектор повернул голову влево – туда, где в нескольких ярдах от него была излучина ручья. Через нее был переброшен дощатый мост. Сквозь колючки Пардо с трудом увидел калитку в живой изгороди. Он начал медленно продвигаться вдоль берега по направлению к ней. Инспектор пробирался сквозь кусты, и дважды ему казалось, что он слышит шелест справа, но поскольку это было на противоположном берегу ручья, он не оборачивался. На этом берегу было тихо. Смертельно тихо.

Кажется, что все произошло сразу. Пардо заметил, что калитка была полуоткрыта; сейчас же она была закрыта. В момент, когда он это увидел, что-то выдернуло удочку из его рук. Он сразу же обернулся и обнаружил, что удочка застряла среди веток. Когда он попытался высвободить ее, кустарник внезапно набросился на него. Был слышен топот, крик Солта, треск ветвей, тяжелое дыхание чуть ли не прямо в ухо, фигура противника приняла сверхчеловеческие пропорции, а в виске инспектора раздалась дикая, жгучая боль. Затем глухой голос доктора Фейфула и звуки борьбы внезапно затихли.

Деревья перед ним поплыли, словно в окне поезда, и последним, что инспектор запомнил до потери сознания, стали руки и лицо Карновски.

Глава 18

Обвинение

Итак, несмотря на все принятые мной меры предосторожности, меня поймали, поймали врасплох...

У. Конгрив «Двойная игра»¹⁸

Однажды вечером, две недели спустя, все еще находящийся на больничном старший инспектор Пардо, наконец, почувствовал улучшение здоровья и смог обсудить с Солтом обстоятельства нападения на него. После приключения на лугу Барра он не выходил на работу, и это был первый длительный визит Солта к нему в квартиру.

В данный момент Пардо без протеста принимал упреки сержанта в излишней скрытности на завершающей стадии расследования.

– Откуда мне было знать, что у вас в рукаве? – проворчал Солт. – К счастью для вас, в последний момент вы посвятили меня в дело, иначе я бы тоже ошибся!

– Вам не нужно винить меня в этом. Я ведь не мог предвидеть, что Карновски решит защитить меня и тоже придет на рыбалку. Я не знал об их с Дженни подозрениях, ведь они держали их при себе. Я уже говорил вам, что все эти семейные дела оказываются просто чертовскими. Верность кухне заставляла ее умолчать о многом.

– Кто бы мог подумать, что эта кукла Квентин была заодно с доктором?

– Хм, – согласился Пардо. – Но я бы не сказал, что она хуже его. Это не так. Но она хладнокровнее, и потому не теряет голову. Вы сказали, что Фейфул сдался, как только услышал слова о том, что она его выдала, но когда вы сказали ей то же самое о нем, ничего не вышло, так?

– Верно. Она не заговорит. Если вы спросите меня, то, как по мне, в ней нет ничего человеческого.

– В этой истории не так уж много человечности. Не возражаете, если я переберу улики против нашего клиента?

– Не возражаю? Да у меня все еще завязаны глаза, откройте их!

– Случилось вот что, – улыбнулся Пардо. – Дело было бы окончено в два раза быстрее, знай я пару фактов, о которых мне стало известно в самом конце. Во-первых, то, что доктор Фейфул был сыном бывшего фаворита миссис Лакланд, а во-вторых, то, что год назад он сделал предложение Дженни Херншоу, но был отвергнут. Первое подсказало бы мне, что Фейфул-старший мог знать о финансовом положении Лакландов. А второе – то, что Фейфул-младший очень хотел жениться на наследнице. Он не был влюблен в нее. Вчера Дженни приходила повидаться со мной и привела с собой Карновски. Она сказала, что доктор ей никогда не нравился, и он об этом знал. Он не проявлял к ней особого внимания – просто подошел и предложил брак, не сомневаясь, что она уцепится за эту возможность ради того, чтобы выбраться из дома, где она была несчастна. Ну, у нее хватило ума отказать.

Тогда он придумал что-то еще. Он амбициозен и высокомерен. Он всеми правдами и неправдами хотел получить состояние Джона Лакланда, и эта решимость, должно быть, выросла из того, что он знал об отношениях отца с этой семьей. А его собственная связь с ними лишь придавала ему решимости заполучить их богатства, которые он видел чуть ли не каждый день. И когда Дженни отказала ему, (она говорит, что он принял это без обиды), доктор переключился на Кэрол Квентин.

– Интересно, почему он не обратился к ней с самого начала? – заметил Солт.

– Полагаю, он знал ее довольно хорошо, – пожал плечами Пардо. – Он понимал, что она станет не самым лучшим спутником жизни. У Дженни характер намного лучше. Карновски очень повезло с ней.

¹⁸ Перевод М. А. Донского

С минуту он размышлял.

– Вы осмотрели запертые ящики в комнате Кэрол и нашли письма доктора. Они были осторожны, письма написаны еще задолго до убийства, но из них вполне ясно, что альянс Квентин-Фейфул сформировался еще несколько месяцев назад, и зимой они планировали вступить в брак. Не знаю, предполагали ли они изначально добиться благословения старой леди. Ведь для того, чтобы получить наследство, Кэрол нужно было ее согласие. Фейфул мог повлиять на нее, и тщеславие могло привести его к мысли, что он сможет легко повернуть это. Не знаю. Но в апреле миссис Лакланд заболела.

Пардо сделал паузу. Солт удивленно взглянул на него.

– Почему он не дал ей умереть? Ведь это было бы легко.

– Потому что он был слишком умен. В начале лета она легко могла умереть от запущенной болезни или каких-то недостатков в лечении, и доктора было бы сложно уличить. Но это не устраивало доктора. Фейфул представляет собой интересный образец двойного сознания. Он – убийца. Но он также и преданный своему делу человек науки. Несомненно, была затронута его профессиональная гордость. С другой стороны, думаю, он узнал, что она собирается оставить ему деньги, но еще не составила завещания. Также возможно, что, несмотря на близость к семье, он был не уверен в размере суммы. Как бы то ни было, он предпочел подождать.

Затем он изобрел блестящую схему. Если старуха умрет во время болезни, а после он женится на Кэрол, то кто знает, какие могут пойти слухи, а ведь, несмотря на голословность, такие разговоры вредны для врачебной карьеры. Отчего бы не подождать выздоровления, а затем не убить ее каким-нибудь до того неподходящим препаратом, что никто и не подумает на врача? Так что он даже не пытался сделать так, чтобы смерть показалась естественной. Когда она болела, он спас ее. Чтобы убить.

Затем произошло несколько событий. И Фейфул постарался использовать каждое из них. Человек он расчетливый. И злобный. Дерзкий, но утонченный, обыгрывающий все, что только можно. Карновски влюблен в Дженни? Хорошо, роман послужит его целям. Я не сомневаюсь, что он и Кэрол постарались задействовать его. Кэрол могла пригласить Карновски в дом, а доктор мог обронить слово-другое при старухе – дескать, киноактер приударил за Дженни. Последовавшая ссора позволила впутать Карновски в дело.

Далее. Анонимные письма. Если убийство старой леди и вызывало сомнения, кампания Эмили Буллен обратила эти сомнения в уверенность. Она все запутала и на какое-то время стала лучшим союзником доктора. Но о готовящемся убийстве сама она ничего не знала. Ее вмешательство было совершенно случайным. Она всего лишь бедное, подавленное существо, питавшее тайную и совершенно неразделенную страсть к доктору. Каким-то образом она узнала о том, что он сделал Дженни предложение. Вероятно, для нее было загадкой: как женщина может отказать ему? Полагаю, она сделала несколько робких попыток обратить на себя внимание, но доктор их проигнорировал, а может, и вовсе не заметил. Это породило у нее навязчивые мысли и изводило ее. Она начала ненавидеть Фейфула, и решила, что ей будет приятно наблюдать за тем, как он отреагирует на несколько анонимок. Вот и все. Когда пришло первое письмо?

– Двенадцатого июня, – ответил Солт.

– Да. А за пять дней до этого был «украден» морфий. Но к нему я еще вернусь. А сейчас я хочу заметить, что за пять дней до получения первого письма доктор начал готовиться к будущему убийству. Должно быть, это письмо потрясло его. Солт, только подумайте, какое совпадение! Она ничего не знала, но когда Фейфул прочел ее письмо, ему должно было показаться, что он разоблачен. Он ненадолго затаился, а письма продолжали приходить. Фейфул призадумался и понял, что о его намерениях мог знать разве что читатель мыслей. Потому он решил использовать эти анонимки в своих целях. Человек послабее не выдержал бы. Но доктор решился на смелый шаг – передать обличающие его письма в полицию! И результат был неизбежен: он оказался вне подозрений.

– А что с морфием? – спросил сержант.

– Через минуту я дойду и до него. Потом он выведет на Фейфула. Но сначала о другом июльском событии. Миссис Лакланд рассказала мистеру Ренни, что хочет оставить все свои деньги доктору. Она рассказала это и самому Фейфулу, и он смог узнать даже день, в который будет

составлено завещание – ведь доктор сам должен был выбрать день, когда пациентка смогла бы увидеться с адвокатом.

Теперь перейдем к очередному ходу Фейфула, – Пардо нетерпеливо подался вперед. – Он был блестящим. Доктор решил убить старушку накануне составления нового завещания, что помешало бы ему стать единоличным наследником! Чем не доказательство его невиновности? Но он мог пожертвовать наследством, ведь он стремился к намного большему состоянию! Он получит его, женившись на Кэрол. А если в преступлении обвинят Дженни и Карновски, тем лучше – в таком случае Кэрол унаследует и долю Дженни.

Что же он сделал? Он взял точно такой же пузырек, как тот, в котором было лекарство миссис Лакланд, и отравил его морфием. Правда, доктор не обратил внимания на запятнанную этикетку. Он мог легко подменить пузырек после того, как дал ей настоящее лекарство. К тому же он был фокусником. Тем жарким днем он мог свободно пользоваться платком. Он завел один из тех разговоров, которые так любила старушка. И вуаля – дело сделано! И все это, конечно, запутало нас. Все это время мы разрабатывали теорию о том, что миссис Лакланд была отравлена из того же пузырька, которым она пользовалась последние несколько дней. Я уже говорил, что мы выйдем на решение загадки, если выясним, почему морфий подмешали в пузырек, а не в стакан. А ответ был самым простым: пузырьки были разными.

– А отпечатки были стерты из-за того, что яд ей дала Квентин?

– Точно. Они надеялись, что это будет Дженни. Но старушка отказалась принимать лекарство, когда к ней заходила Дженни. Конечно, это было всего лишь из упрямства, ведь девушка была у нее в немилости. Следовательно, пришлось действовать Кэрол. Она дала ей препарат, поднявшись к ней позже. Хотя пузырек, вероятно, был вытерт после того, как ночью пришел Фейфул. Он обнаружил, что старушка умирает, и вытер пузырек, но при этом постарался оставить собственные отпечатки – таким образом, он еще сильнее запутал дело и усилил впечатление о собственной невиновности.

– А Хетти видела, как Кэрол поднималась к старушке той ночью? – спросил сержант.

– Да, это была Хетти. Из показаний кухарки известно, что она была у шкафа примерно в то же время. Вспомните, что он находится в углу коридора у спальни миссис Лакланд. Если Квентин не расскажет, мы так и не узнаем подробностей. Должно быть, Хетти заметила, как та выходит из комнаты, возможно, с хитрым выражением лица – Дженни рассказывала, что она удивлялась тому, как выглядит Кэрол, когда та думает, что на нее никто не смотрит. Может, она что-то сказала. В любом случае, Хетти знала что-то такое и вскоре поняла, что к чему, и даже побоялась писать об этом матери.

А теперь, Солт, смотрите. Вот, что навело меня на Кэрол Квентин. Почему первым делом после отравления ее бабушки она отправилась к Бидл, чтобы уволить Хетти Пэрк? Как она объяснила, это было увольнение за подслушивание. Но, по словам самой Кэрол, увольнять слуг могла только миссис Лакланд. Если бы кто-то другой попытался уволить прислугу, то старая леди тут же возразила бы. Так что? Заметив служанку в подозрительно опасном месте, Кэрол спокойно уволила ее – *ведь она знала, что миссис Лакланд не доживет до утра.*

– Как вы думаете, почему они дождались понедельника и только потом убили девушку? – спросил Солт.

– По двум причинам. Одного убийства и так хватало. Они не стали рисковать, совершая второе, пока не подготовились. А в Буллхэме был Костер. Думаю, Квентин запугала девушку, блефуя либо обвиняя ее в соучастии в убийстве миссис Лакланд – заставив ее считать, что полиция все на нее же и повесит. Но они догадывались, что как только служанка попадет домой, ее язык развяжется. У Фейфула было несколько дней на то, чтобы спланировать новое преступление. А в деревне был Костер, на которого можно свалить это убийство.

– И миссис Селби говорит, что никогда не перевязывала его, – вставил Солт.

– Да. Улика-повязка была слишком тщательно проработана доктором. Это его вторая ошибка. К тому времени он стал опрометчив из-за напряжения. Конечно, до приезда доктора в понедельник Костер носил именно тот напальчник, который мы впоследствии нашли, а не тряпочку, которую описал нам доктор. Но, увидев нашу находку, Костер не мог признать, что носил ее, так как боялся, что это обвинит его. А доктор не мог признать правду, так как Костер с

правильно перевязанной рукой не смог бы обронить там напальчник, а если это не он, то остается сам доктор. Вот Фейфул и притворился, что Костер снимал повязку, чтобы совершить убийство.

Пардо сделал паузу, а затем добавил:

– Костер флиртовал с миссис Селби, из-за чего и поссорился с Хетти.

– А, вот как. Фейфулу повезло – с такой удачливостью нет нужды изобретать мотив, – заметил Солт.

– Оно так всегда. Нужно помнить, что удачей мы называем подходящее стечение обстоятельств, но для того, чтобы ими воспользоваться, тоже нужны мозги. Не было ничего такого, что он не смог бы повернуть в свою пользу. Шаг за шагом он накапливал свидетельства в своих интересах – чтобы вместе они собрали критическую массу и заявили о его невинности. Он забронировал номер в Шотландии на время отпуска и позаботился о прибытии заместителя, хотя знал, что все это ему не понадобится, так как он не уедет из Минстербриджа. Пациентка, выздоровление которой считалось его огромной заслугой, собралась оставить ему состояние, но умирает за день до составления завещания. Он отказывается подписать свидетельство о смерти и оповещает coronera. Он передает полиции письма, обвиняющие его в убийстве миссис Лакланд. В общем, он демонстрирует обвинения против себя, и что же дальше?

– Он написал письмо самому себе, – продолжил Солт.

– Да. Убийство Хетти возбудило его, но он был самоуверен и, кроме того, хотел отвлечь мое внимание от исчезновения девушки. Он написал самому себе и совершил ошибку, передав мне нераспечатанное письмо. Для любого человека в подобной ситуации было бы естественным сначала прочитать письмо. Позволю себе сказать, что не прочесть письмо смог бы только тот, кто уже знал, о чем оно. То, что он передал неразрезанный конверт, ничего ему не дало, но взволнованный убийца мог думать иначе. Он написал себе письмо и совершил важную ошибку – добавил постскрипtum.

– Вопрос о морфии все еще смущает меня, – заметил Солт, когда Пардо замолчал.

– Да. Начнем с того, что его рассказ о краже таблеток морфия был изначально слаб. Он сказал, что препарат украли из его чемоданчика, оставленного в машине у дома Лакландов. Хотя в той же слабости можно усмотреть и силу – смотря с какой стороны смотреть. Она заключается в том, что историю невозможно опровергнуть. Но спросите себя: как кто-либо, помимо доктора Фейфула, мог узнать, что у него в чемоданчике лежат таблетки морфия? Вор, копавшийся в чемоданчике, рисковал тем, что в любую минуту его могли застать, *проще было украсть весь чемоданчик*. Выходит, что вор не только мог узнать морфий среди других препаратов, но и вообще знал, что он в чемоданчике. А знать это наверняка мог только один человек – сам доктор Фейфул.

Понимаете, такая подготовка к преступлению не давала ему ничего, но в том-то и ценность. Если бы по каким-то причинам он не стал бы убивать миссис Лакланд, то его заявление о пропаже морфия не повлекло бы никаких последствий. С другой стороны, если бы он довел дело до конца, то, что он проинформировал полицию о пропаже за две недели до убийства, сыграло бы только ему на руку. Все это чистая фабрикация, а таблетки, найденные у Дженни, вероятно, подбросила Кэрол.

Но он не мог оставить все, как есть. К последней, самодельной, анонимке он добавил постскрипtum с упоминанием кражи. Но он же ранее заверял меня, что никому о ней не рассказывал! А полиция, по совету Фейфула, осторожно проводила опрос, не упоминая, что именно пропало. Ни одно из предыдущих анонимных писем не показывало, что их автор знает об этой истории. И более того, доктор Фейфул дал мне слово, что продолжит хранить секрет о пропаже. Итак, по его собственному признанию, о сказанном в постскриптуме знал только он.

– Кроме человека, укравшего яд и совершившего убийство, – заметил Солт.

– А затем написавшего письмо, – добавил Пардо. – Ранее мы уже рассудили, что аноним не может быть убийцей. Доктор Фейфул сам побудил нас указать на слабые места теории об убийце-анонимщике. Что логично – в данном случае существование только одного преступника объяснить гораздо труднее, чем если бы их было двое. Если бы преступник был только один, здесь были бы психологические проблемы. Но, помимо этого, вспомните о формулировке из последнего письма (я имею в виду последнюю настоящую анонимку): там говорилось о «медленном отравлении». Оно пришло за двадцать часов до убийства миссис Лакланд. По этому письму нельзя сказать, что его автор знал о скорой кончине старушки. На самом деле, из него можно сделать

противоположный вывод. Эмили Буллен собиралась развлекаться написанием анонимок, пока ей это не наскучит, и, когда на следующее утро миссис Лакланд умерла, и в дом вызвали полицию, никто не перенес большего шока, чем компаньонка.

– Как вы думаете, почему Квентин сохранила письма доктора? – спросил сержант, внезапно перескочив на другую тему. – Она ему не особо доверяла и попыталась на случай чего сохранить письма?

– Да. От грядущего брака выигрывал он, а не она. Но именно доктор просветил Кэрол о ее финансовом положении, причем задолго до того, как задумал убийство. И расчетливая девушка решила, что Фейфул добивается не столько нее, сколько ее денег. А в таком случае он не стал бы ждать бесконечно, а она не могла себе представить, что брак будет заключен посредством какого-либо мошенничества. Поэтому она захотела сохранить доказательства связи с ним. Вспомните, что те письма были написаны прошлой осенью, когда доктор был в отпуске, за месяц до того, как миссис Лакланд заболела. Это было в самом начале их романа.

– Если бы он планировал убийство уже тогда, то не стал бы писать Кэрол ни строчки. Он, скорее, отрезал бы себе руку. Но Кэрол, должно быть, предвидела необходимость грязной работы – *иначе она не стала бы с ним связываться*.

– Как вы это поняли?

– Он был не настолько хорош. Помимо привлекательности, в нем не было ничего нужного наследнице. Но она желала денег и свободы. Она знала, что, выйдя за доктора, она скорее получит желаемое. Почему? Потому что доктор желал того же, и он не стал бы ждать. Она хорошо его знала и понимала это. И единственный логичный выход для двух нетерпеливых человек – убийство.

Когда весной старушка заболела, Кэрол, должно быть, решила, что решение проблемы не за горами. Но она продолжала хранить письма доктора. И она держала их под замком. Понимаете, насколько они были важны для нее?

– Да. И у них все шло, как по маслу, практически до самого конца.

– Они задействовали даже неожиданное появление Херншоу. Конечно, Дженни рассказала Кэрол об отце, и, по утверждению доктора, Кэрол всячески поощряла кузину держать все в секрете. В конечном счете это могло вызвать подозрения против Дженни, на что и надеялись преступники. Конечно, это Кэрол впустила Дженни той ночью, когда миссис Лакланд услышала их перешептывания и после перепугала компаньонку своими расспросами.

– А что насчет болезни старушки за неделю до событий?

Пардо пожал плечами.

– Она могла быть самой естественной, из-за переживания, как и описывает Фейфул. Но судя по тому, что все случилось как раз в тот день, когда старушка поссорилась с Дженни, я бы сказал, что болезнь была вызвана специально – чтобы впоследствии о ней вспомнили, и это бросило бы тень на девушку.

Мне пришлось притвориться, что я недоволен Дженни. Я сделал вид, что доверяю Кэрол, а не ее кузине. Это был лучший способ обезопасить Дженни. Иначе преступники убили бы ее, представив случившееся самоубийством виновной.

– Черти! – заметил Солт.

– Эдит Доус была в безопасности, – продолжил Пардо. – В доме она сказала лишь, что заявила полиции, что не может вспомнить какую-то подробность. Она сказала это Буллен, но та была перепугана собственным положением и велела Эдит молчать. Буллен боялась, что момент, который не может вспомнить Эдит, как-то связан с ней самой.

– Брасси говорит, что письмо с постскриптумом написано другим почерком.

– Знаю. Более того, я предполагаю, что Буллен написала доктору еще одно письмо, которого мы не видели. Оно осталось у него, и он попытался скопировать ее почерк.

– Это ведь Фейфул ждал нас в кабинете Литтлджона, разве не так? Я имею в виду тот день, когда мы нашли тело Хетти Пэрк, – спросил сержант.

– Да, он, – улыбнулся Пардо. – К тому времени я знал его методы. Он уже на следующее утро попытался извлечь выгоду из отсутствия алиби – это должно было выглядеть, словно он невиновен. Если вокруг полно полиции, то разве убийца осмелится совершить второе убийство, не устроив себе алиби? А он осмелился. «Следовательно, я не виновен», – заключил доктор Фейфул.

Это он позвонил из телефонной будки Карновски. Конечно, детально проработав план. Дженни говорит, что это Фейфул посоветовал ей не общаться с актером по телефону, поскольку полиция отслеживает звонки.

– Почему же Дженни Херншоу не сообщила вам о своих догадках?

– Из-за страха, неуверенности и преданности к Кэрол. Но она чувствовала, что Кэрол относится к ней не так хорошо. Однажды она заметила, как Буллен пишет печатными буквами, но та сразу же спрятала свое письмо. Дженни думала над этим. Потому она странно выглядела, когда Литтлджон расспрашивал ее насчет писем. Но она не хотела бросить подозрение ни на Кэрол, ни на Буллен, ведь она не была ни в чем уверена. Какое-то время она переживала из-за Карновски – ей показалось, что он хочет пустить нас по ложному следу.

– Ну, к счастью, они сделали несколько ляпов, – заметил Солт.

– Да. И Кэрол тоже. Помните утро перед тем, как мы нашли тело Хетти? Кэрол сказала мне, что доктор Фейфул хочет увидаться со мной, так как «он получил еще одно анонимное письмо». Еще одно анонимное письмо. Но о том, что анонимки получал именно доктор, знали только мы и он. Благодаря этому ляпу я узнал, что она в сговоре с доктором.

– Так точно. Когда мы дали ему понять, что она выдала его, он тут же ее сдал.

– Хм, – задумчиво пробормотал Пардо. – В этом нам повезло. Если бы он держал рот на замке, нам пришлось бы нелегко. Возьмем, например, пузырьрек. У нас нет доказательств того, что на нем было пятно – только слова Эдит, а теперь об этом вспомнила и Дженни. Хотя нападение на меня, конечно, потребовало бы объяснения. Но, как вы увидите, теперь Фейфул не отступится. Он эксгибиционист. После того, как его разоблачили, он выставляет свои деяния напоказ. Он должен хвалиться ими.

– Знаете, что, в конце концов, погубило его? – внезапно улыбнулся Пардо.

Солт молчал.

– Время. Ему хотелось быстрого результата – чтобы мы поскорее арестовали кого-нибудь и закрыли дело. Он не мог больше ждать. Ему было нужно успокоиться. Он не мог переносить постоянное напряжение – для этого приходилось концентрироваться все сильнее и сильнее. Время не обязательно играет против нас. Обычно оно бьет и по противнику.